

ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ

Г.Д. Левин

Философские категории в современном дискурсе

Москва • Логос • 2007

УДК 1(091)

ББК 87.3

ЛЗ4

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ),
проект № 07-03-16045Д*

Рецензенты

И.А. Герасимова, доктор философских наук

Т.Д. Гулякевич, кандидат философских наук, профессор

Левин Г.Д.

ЛЗ4 Философские категории в современном дискурсе. — М.:
Логос, 2007. — 224 с.

ISBN 978-5-98704-263-1

Раскрывается современное содержание основных понятий философии: «бытие», «материя», «форма», «вещь», «свойство», «отношение», «связь», «необходимость», «случайность» и ряд других. Демонстрируется их эвристическая роль в исследовании актуальных философских проблем: свободы, универсалий, парадоксов теории множеств и т.п.

Для студентов-философов и преподавателей философии.

УДК 1(091)

ББК 87.3

ISBN 978-5-98704-263-1

© Левин Г.Д., 2007

© Логос, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. Три типа философских категорий	6
Часть I. Категории — предельные продукты синтеза	21
Глава 1. Универсум	21
Глава 2. Бытие и ничто	23
Глава 3. Единое и многое	26
Глава 4. Реальность	33
Часть II. Категории — предельные продукты анализа	43
Глава 5. Материя и форма	43
Часть III. Категории — предельные продукты обобщения	56
Глава 6. Объект, предмет, признак	56
Глава 7. Качество и количество	70
Глава 8. Свойство и отношение	68
Глава 9. Тождество и сходство	86
Глава 10. Противоположность и противоречие	106
Глава 11. Абсолютное и относительное	131
Глава 12. Связь, связь состояний, причинная связь	152
Глава 13. Единичное и общее	171
Глава 14. Необходимость, случайность, свобода	192
Глава 15. Действительность и возможность	206
Глава 16. Сущность и явление	215
Заключение	223

ВВЕДЕНИЕ

Три типа философских категорий

Долгое время термины «категория» и «философская категория» были синонимами. Так понимали их и Аристотель, и Кант. Сегодня категориями называют основные понятия не только философии, но и конкретных наук — физики, химии, этики, эстетики и др. Поэтому понятия, которые Аристотель и Кант называли просто категориями, сегодня называют философскими категориями. Их отличие от категорий частных наук обычно усматривают в том, что это предельно общие понятия, т.е. понятия, предельные по объему. Это утверждение порождает ряд вопросов.

1. Самым общим, т.е. охватывающим своим объемом все объекты универсума, является одно понятие. Разными могут быть лишь обозначающие его термины: «объект», «предмет», «сущность», «нечто» и т.д. Но система философских категорий не может состоять из одной категории. Фактически она включает не только самое общее, но и менее общие понятия: «вещь», «признак», «свойство», «отношение», «связь» и пр. Чтобы это очевидное обстоятельство учесть при определении философской категории, воспользуемся прекрасным термином Платона «высшие роды сущего»¹. Итак, вот предварительное, пробное определение: философские категории — это понятия, объемы которых представляют собой высшие роды сущего.

¹ Платон. Софист // Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1970. Примеч. 37^а. С. 583.

2. Но вот контрпримеры этому нашему пробному определению: «универсум», «мир», «Вселенная», «бытие», «сущее», «единое», «реальность», «объективная реальность», «субъективная реальность» и др. Это сингулярные понятия: объем каждого из них включает единственный объект: бытие — единственно, объективная реальность — единственна и т.д. Почему же это философские категории? А потому, что они охватывают все сущее или его главные части своим содержанием.

Итак, в число философских категорий наряду с понятиями, предельными по объему, нужно включить категории, предельные по содержанию.

3. Но вот новый контрпример этому, уже уточненному определению: «материя», «субстрат», «субстанция». Со студенческих времен мы привыкли считать, что материя — это предельно общее понятие, в силу чего его нельзя определить через ближайший род и видовое отличие. Но давайте, как выражается И. Лакатос, «выстираем себе мозги» — взглянем на это понятие без предрассудков.

В грамматике слово «материя» включается в класс вещественных имен существительных, обозначающих «однородные делимые массы»², такие как глина, тесто, вода, металл и т.п. Глина — это субстрат кувшина. Материя в философском смысле — это субстрат универсума. Она так же единственна, как и сам универсум, следовательно, это не общее, а сингулярное понятие. Поэтому его нельзя включать в число категорий, предельных по объему. А от категории «универсум», предельной по содержанию, «материю» отличает то, что она охватывает своим содержанием не все сущее, а только его субстрат. Универсум состоит из материи, но называть его материей так же некорректно, как и скульптуру Проксителя — бронзой.

Приходится сделать вывод, что понятие «материя» — это категория третьего типа, субстратная философская категория. Как показано в прекрасной книге известного

² Русская грамматика. М., 1982. С. 462.

болгарского философа С. Петрова «Методология субстратного подхода»³, класс субстратных философских категорий исследован очень слабо. Многие вопросы до сих пор не решены однозначно. Вот некоторые из них. Если «материя» — это субстратная категория, то можно ли считать таковой и «форму», обозначающую то, что образует универсум от материи? А как насчет субстратной природы сознания? Ведь для объективных идеалистов сознание — субстрат объективного мира. Можно ли в число субстратных включить категории пространства, времени и движения? Чтобы хотя бы приблизиться к ответу на эти вопросы, посмотрим, как возникли выявленные нами три типа философских категорий: предельные по объему, предельные по содержанию и субстратные.

Внимание человека, начинающего познавать окружающий мир, сначала было направлено на предметы, сравнимые с человеком по размерам, на макропредметы: именно от них в первую очередь зависела его жизнь. Затем познание стало двигаться в трех направлениях.

Первое направление исследования — это объединение макропредметов в относительно целостные системы, этих систем в новые системы и т.д. Это синтез. Он представляет собой движение от макромира к мегамиру. Естественно возникает вопрос: а что в пределе этого движения? Попытки философов ответить на него породили целый комплекс философских категорий: «универсум», «мир», «Вселенная», «бытие», «сущее», «единое», «реальность». Их естественно называть предельными продуктами синтеза.

Второе направление исследования диаметрально противоположно первому. Это мысленное разложение макрообъектов на части, части этих частей и т.п. Этот познавательный процесс называют анализом. Он ведет от макрообъектов к объектам все меньших размеров и в пределе — к микрообъектам. Важно различать два вида анализа. Первый происходит в рамках дискретного мышления: исследуемый

³ Петров С. Методологи на субстратния подход. София, 1980.

предмет разлагается на элементы и структуру, т.е. на части и отношения между ними (дом — на кирпичи и отношения, образующие из них дом), те — вновь на части и отношения между ними и т.д. Возникает уже знакомый вопрос: а что в пределе этого аналитического процесса, существуют ли первоэлементы и первоструктура макропредметов? Второй вид анализа осуществляется в рамках континуального мышления: предмет разлагают не на элементы и структуру, а на субстрат, из которого он состоит, и форму, которая превратила этот субстрат в этот предмет (например, греческую амфору — на глину и форму, которую ей придал гончар). Затем субстрат предмета вновь разлагается на субстрат и форму и т.д. И снова возникает тот же вопрос: а что мы получим в пределе этого аналитического процесса, существует ли первосубстрат и первоформа макропредметов? Назовем четыре понятия, возникающие в результате этих двух форм анализа — «первоэлемент» и «первоструктура», с одной стороны, и «первоматерия» и «первоформа», с другой, — предельными продуктами анализа.

Третье направление исследования, порождающее третий тип философских категорий, принципиально отличное и от анализа, и от синтеза. Это обобщение. Анализ осуществляется на единственном предмете, и его результаты, строго говоря, относятся только к этому предмету. Синтез объединяет несколько предметов в один-единственный предмет, и его результаты также относятся только к этому единственному предмету. Рассуждая чисто умозрительно, можно сделать вывод, что для использования результатов анализа и синтеза в практических действиях с другими предметами эти процедуры нужно повторять с каждым из них. Обобщение избавляет от этого. Эта познавательная процедура состоит из двух частей: сначала в исследуемом предмете выделяется признак, представляющий практический или познавательный интерес, а затем этот предмет сравнивается с другими предметами по наличию или отсутствию этого признака. В итоге выделяются классы предметов, сходных по ис-

следуемому признаку. Эти классы объединяются в новые классы и т.д. И снова возникает знакомый вопрос: а что в пределе этого познавательного процесса? Ответ известен: возникают понятия, предельные по объему, охватывающие своим объемом высшие роды сущего. Они образуют третий, самый большой класс философских категорий, состоящий из предельных продуктов — обобщения.

Итак, три типа философских категорий возникают при доведении до предела трех познавательных процессов — анализа, синтеза и обобщения. Этим и определяется структура книги. Категориям — предельным продуктам синтеза посвящен первый ее раздел, категориям — предельным продуктам анализа — второй, категориям — предельным продуктам обобщения — третий.

Обратимся к более тщательному рассмотрению категорий третьего типа. Он включает не только самое общее понятие «объект», но и менее общие: «предмет», «вещь», «признак», «отношение», «связь», «причинная связь» и т.п. А где нижний предел общности категорий этого типа, где граница, за которой философские категории сменяются конкретно-научными?

Когда-то этот вопрос обсуждался в отечественной литературе очень активно. Популярной была точка зрения, согласно которой между философскими и частными научными категориями лежит промежуточный слой общенаучных понятий: «система», «структура», «элемент», «организация», «модель», «функция», «обратная связь», «информация», «управление». Этой концепции противостояла другая, согласно которой перечисленные понятия — не класс общенаучных понятий, находящийся между философскими и конкретно научными категориями, а новый, современный класс философских категорий, порожденный прогрессом науки.

Я придерживаюсь третьей, наименее романтической точки зрения: перечисленные термины — это всего лишь новые имена для давно известных философских понятий («система» — для целого, «элемент» — для части и т.д.). Проблема

демаркационной линии между философскими и конкретно научными категориями стоит так же, как и проблема любой демаркационной линии: между живым и неживым, растениями и животными, психикой животных и сознанием человека и т.п. Там, где смолкает физик, начинает говорить метафизик, и наоборот. Причем часто это один и тот же человек. И лишь он способен почувствовать грань между физикой и метафизикой.

Обсудим и еще один вопрос, который в 1970—1980-х годах активно обсуждался в отечественной философской литературе: можно ли сегодня открыть новые философские категории? Академик М.Б. Митин, руководивший в тот период этой научной дискуссией, спрашивал нас: «Где новые категории диалектики?!» На мой взгляд, их поиск — безнадежное занятие. Мир давно поделен между философскими категориями: и аналитическими, и синтетическими, и обобщающими. Обнаружить новое предельно общее понятие — значит обнаружить еще никому не известную определенность, которая была бы присуща если не всем объектам универсума, то основной их части. Такая определенность, именно в силу ее предельной общности, присуща и трекам электронов в камере Вильсона, и столу, на котором физик, изучающий эти треки, записывает результаты эксперимента. А стол, как известно всем, кто знаком с работами классиков философии, был основным эмпирическим материалом, в ходе анализа которого они получали свои выдающиеся результаты. Вот почему философские категории (основные из них перечислены в оглавлении к книге), знакомы каждому из нас чуть ли не с детского сада. Новых не будет. Можно придумать новый термин для давно известного понятия и объявить это новой философской категорией. Иногда это удавалось. Но открыть новую философскую категорию в настоящее время так же невозможно, как и новый материк. Действительный прогресс в их исследовании сегодня достигается движением в их поистине неисчерпаемое содержание. Современное понимание философских категорий должно

отличаться от понимания их Демокритом не меньше, чем современное представление об атоме от представления о нем Демокрита.

Отсюда — парадоксальное следствие: для раскрытия современного содержания философских категорий, именно в силу их предельности, нужно не столько знание последних достижений естествознания, сколько владение современной культурой философского мышления. Ее недостаток иногда пытаются заменить, предлагая вместо философского анализа универсальных определенностей бытия пересказ новейших достижений конкретных наук. С. Петров называл это возведением последнего слова науки в последнее слово философии. Это уход от проблемы, а не решение ее.

Разница между анализом, синтезом и обобщением — не единственное основание для классификации философских категорий. Рассмотрим еще одно, не менее важное. Все философы, за исключением субъективных идеалистов, делят действительность на объективную и субъективную. Соответственно, и все философские понятия делятся на три класса: 1) описывающие только объективную действительность; 2) относящиеся только к субъективной действительности; 3) фиксирующие то, что является общим для объектов, входящих и в ту и в другую. Какие из этих трех типов понятий называть философскими категориями? Я предлагаю следующую конвенцию.

Чисто гносеологические понятия («истина», «достоверность», «доказательство», «теория» и др.) назвать гносеологическими категориями. Чисто онтологические и те, которые используются для описания как объективной, так и субъективной действительности («объект», «признак», «свойство», «часть», «целое» и др.), — философскими. «Для красоты» стоило бы онтологические понятия исключить из числа философских категорий вместе с гносеологическими. Но практике исследования это не соответствует: «предмет» — чисто онтологическое понятие, но без него невозможен никакой философский анализ.

Итак, философские категории — это предельные понятия. В литературе это их свойство выражается еще одним термином — «универсальные». Это может вызвать возражение, поскольку сегодня «универсальное» трактуется как «общее». Но латинский термин *universus* имеет и еще одно значение — «целый». Понятие «объект» универсально потому, что приложимо к любому нечему, понятие «бытие» — потому, что охватывает своим содержанием все сущее как целостность. Правда, в этимологии термина *universus* нет оснований для того, чтобы назвать универсальным и понятие «материя». Но я предлагаю сделать это вопреки этимологии. Итак, с учетом всех введенных выше экспликаций и конвенций, мы можем определить философские категории как предельные или универсальные понятия.

Объективность философских категорий

До недавнего времени тезис, что философские категории отражают объективную действительность и соответствуют ей, считался в отечественной литературе само собой разумеющимся и упоминался лишь ритуально. Примерно с начала девяностых годов прошлого века само собой разумеющимся стало отрицание этого тезиса как устаревшего⁴: категории ничего не отражают; они лишь упорядочивают опытные данные. Эта концепция порождает два вопроса, без ответа на которые я не могу ее принять: 1) как категории, регулирующие это упорядочивание, проникают в сознание? 2) в чем цель этого «пасьянса»? За долгую историю философии были перебраны все логически возможные ответы на эти вопросы, начиная от теории воспоминаний

⁴ Вообще-то я не очень понимаю этот аргумент. Устаревший фасон сапог — уважительная причина для того, чтобы отказаться от них. Но как можно отказаться поддерживать философскую идею только потому, что она устарела? Философия — не ателье мод, в ней есть лишь два основания для отказа от идеи: ложность и поверхностность. А по этому критерию идеи Аристотеля превосходят многие наисовременнейшие идеи.

Платона и кончая конвенциализмом А. Пуанкаре, но удовлетворительного ответа на них в рамках солипсизма не найдено до сих пор. Это позволяет мне вернуться к «архаичной» точке зрения: философские категории являются таким же продуктом познания объективной действительности, как и все другие наши знания, включая данные органов чувств. Они действительно упорядочивают опыт, но не просто так, а приводя его в более полное соответствие с порядком в объективном мире.

На протяжении всей истории философии считалось, что «категория» — это гносеологический термин, обозначающий понятие особого вида. Сами объекты, которые отражались в категориях, категориями не называли. Но мы живем в эпоху геростратов. Сегодня самый легкий и надежный способ привлечь к себе внимание коллег выражается формулой: сжигай все, чему поклонялся, и поклоняйся всему, что сжигал. Теперь категориями называют не только сами категории, но и онтологические сущности, которые в них отражаются, а иногда и только эти последние.

Я не буду следовать этой традиции. Для меня философские категории — это основные понятия философии. Но это не значит, что, анализируя их, я не буду упоминать об объективной действительности. Содержание философских категорий можно раскрывать двумя способами: онтологическим и гносеологическим. В первом случае описывается то, что категории отражают, во втором — та информация, которая в них содержится. При онтологическом подходе содержание категории «связь» раскрывается описанием самой связи, а во втором — описанием содержания понятия «связь». В первом случае я говорю: «связь есть отношение зависимости», во втором — «категория “связь” отражает отношение зависимости». Но эта разница оказывается существенной, если исследование носит историко-философский характер, если описывается, например, понятие причинности сначала у Аристотеля, затем — у Канта и, наконец, у Н. Бора. Но я описываю не точки зрения на

философские категории, а сами философские категории. И в рамках поставленной мною задачи разница между онтологическим и гносеологическим подходом носит чисто формальный характер. Онтологический метод проще. Им я и буду пользоваться.

Моя цель — сообщить читателю не что думали о данной философской категории те или иные авторы, а в каком смысле она употребляется в современном дискурсе. Многое из того, что я не понимал до работы над книгой, я понимаю сейчас, и мне хочется поделиться результатами своих размышлений с теми, кто тоже понимает, что чего-то не понимает в содержании философских категорий. Конечно, я могу ошибаться, но каждый может исправить мои ошибки, сравнив мои высказывания с реальным положением дел.

Философские категории и философские законы

Наряду с философскими категориями существуют и философские законы. Но если термином «категория» традиционно обозначают только особый тип знания, то термин «закон» двузначен. Он обозначает и объективно существующее отношение между предметами (например, отрицание отрицания), и суждение, в котором это объективное отношение зафиксировано. Чтобы избежать путаницы, первый будем называть объективным, а второй — писанным законом. Категории входят в писанный закон как части в целое. Они отражают либо само отношение («причинность»), либо один из его носителей («причина» и «следствие»). Писанный закон — это суждение, которое что-либо утверждает или отрицает. Поэтому оно истинно или ложно. Категории ничего не утверждают и не отрицают. Поэтому они не истинны и не ложны.

Проблема классификации категорий

Завершенное, целостное учение о философских категориях должно содержать описание не только всех категорий, но и всех отношений между ними, т.е. излагать систему категорий. Движение к этой сверхцели прослеживается на протяжении всей истории философии. У Платона термина «категория» еще нет. Он говорит о «высших родах сущего» и перечисляет пять таких родов: бытие, тождество, различие, движение и покой. Аристотель ввел термин «категория» и перечислил уже не пять, а десять категорий: «сущность», «количество», «качество», «отношение», «место», «время», «положение», «состояние», «действие» и «страдание»⁵. Но категории лишь перечислены, никакой попытки выявить их взаимосвязь он не предпринимал.

Кант не только перечисляет категории, но и делит их на четыре класса: 1) «количество» («единство», «множество», «всеобщность»); 2) «качество» («реальность», «отрицание», «ограничение»); 3) «отношение» («субстанция» и «акциденция», «причина» и «следствие», «взаимодействие»); 4) «модальность» («возможность» — «невозможность», «существование» — «несуществование», «необходимость» — «случайность»).

Гегелевский взгляд на категории как на ступени развития познания позволяет выстроить их в систему уже по другому принципу: в порядке их исторического возникновения. Отечественные философы, в частности А.П. Шептулин, потратили много сил на реализацию этой идеи. К сожалению, эти попытки не получили широкого признания. На мой взгляд, дело здесь в недостаточном анализе содержания самих категорий. А без этого исследование отношений между ними — занятие в значительной степени схоластическое. Это ставит вопрос, в какой же последовательности буду излагать категории я сам? Принцип у меня самый простой: анализ каждой категории должен опираться на

⁵ Аристотель. Категории // Соч. : В 4 т. Т.2. М., 1978. 1б 25—2а 10.

результаты анализа предыдущих и не предполагать знания последующих.

Гносеологическая функция категорий

Философские категории осуществляют свою гносеологическую функцию тремя способами. Первую открыл Аристотель. Он полагал, что все объекты реального мира объективно распределены по родам, которые образуют объемы философских категорий. Объемы некатегориальных понятий входят в объемы категорий как подклассы в классы. Поэтому любое некатегориальное понятие относится к одному из категориальных как видовое к родовому. Например, «человек» — к «сущности», «белый цвет» — к «качеству» и т.п.

Таким образом, если бы удалось описать все философские категории и, следовательно, все роды сущего, а затем разделить эти роды на виды, подвиды и т.д., составляющие объемы некатегориальных понятий, то исследование любого конкретного объекта можно было бы начинать с включения его в объем сначала категории, затем — понятия, видового по отношению к ней и т.д.

Развивая эту идею, Стагирит утверждает, что типов суждений существует ровно столько же, сколько и категорий, причем субъект и предикат суждения должны принадлежать к одной категории⁶. В суждении «белизна есть цвет» это условие выполнено — субъект и предикат означают качество, а в суждении «человек есть белый цвет» — нарушено. Нарушение данного требования позволяет идентифицировать суждение как ложное, руководствуясь чисто формальными соображениями, не вникая в его содержание. Аристотель придавал гносеологической функции, которую категории играют в суждении, настолько большое значение, что за-

⁶ *Аристотель*. Вторая аналитика // Соч.: В 4 т. Т.2. М., 1978. 103b. 20—35.

фиксирует ее в этимологии самого термина *катηγορία* (в переводе с греческого он означает «суждение», а не «понятие»).

Гигантскую работу по выявлению гносеологических функций категорий, начатую Аристотелем, продолжил И. Кант. Он не претендовал на создание целостной системы философских категорий и соответствующей ей системы суждений. Для него была важна «только полнота принципов для системы»⁷. Методологически кантовское учение о категориях в трех отношениях превосходит аристотелевское: 1) появляется отсутствовавший у Аристотеля класс модальных категорий («возможность», «необходимость» и пр.); 2) категории в ней не просто перечисляются, а классифицируются; 3) каждой категории ставится в соответствие определенный тип суждения.

Но этим заслуги Канта не исчерпываются. Он открыл третью гносеологическую функцию категорий: каждая из них осуществляет особую форму синтеза. Например, сначала мы констатируем временную последовательность явлений: взошло солнце — нагрелся камень. Затем мы подводим эту временную последовательность под категорию причинности. В результате возникает суждение «солнце нагревает камень». Категория причинности выполняет здесь роль формы синтеза.

Попытку Канта выделить четыре класса суждений, соответствующие четырем классам категорий, блестяще проанализировал Г. Райл⁸. Его анализ показывает, что высочайший профессионализм в анализе философских категорий возможен и сегодня. Это большое утешение при чтении большинства отечественных текстов на эту тему, которые нередко представляют собой просто словесную комбинаторику. Вот пример: «Формула конкретного тождества, отражая процесс развития вещей и явлений, показывает соотношение тождества и различия на каждой ступени развития вещи»⁹.

⁷ Кант И. Критика чистого разума // Соч.: В 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 173.

⁸ Райл Г. Понятие сознания. М., 2000 С. 323–338.

⁹ Астафьев В.К. Законы мышления в формальной и диалектической логике. Львов, 1968. С. 58

Четвертая гносеологическая функция категорий была открыта Гегелем, хотя и в контексте его объективно-идеалистической концепции: он трактовал их как ступени развития абсолютной идеи. В переводе на язык материализма это означает, что философские категории в истории развития познания возникли в последовательности, задаваемой ростом культуры мышления. Именно поэтому они фиксируют исторические этапы познания мира. Этот взгляд позволяет не только дать генетическую классификацию категорий и соответствующие ей классификации понятий и суждений. Он позволяет выводить содержание одной категории из другой, показывать, что они порождают друг друга примерно так же, как одно число порождает другое в результате применения к ним алгебраических операций. Однако эта идея до сих пор остается нереализованной программой.

Характеристику способов, которыми категории выполняют свои гносеологические функции, закончу прекрасной цитатой из работы А.Н. Книгина:

«В качестве форм мышления категории функционируют на 3-х уровнях осознанности.

Первый уровень: полностью неосознаваемым образом. Это имеет место тогда, когда в языке индивида отсутствуют слова, обозначающие категории. Например, ребенок не знает слова “причина”, что не мешает ему спрашивать “почему?” и говорить “потому что”. Это значит, что категория причины объективно налична как структурный элемент сознания, но субъективно ребенок ее не фиксирует.

Второй уровень: полурефлексивный. Он имеет место тогда, когда у человека есть слова, обозначающие категории, и он их более или менее регулярно и уверенно использует, но никогда не размышлял специально над их смыслом, сознательно не выработал его для себя, пользуется смыслом, стихийно сложившимся в процессе языкового общения. При этом, как говорит М. Хайдеггер, категории большинством людей “не ощущаются, не узнаются”, “будничный рассудок и расхожее мнение ничего не знают и даже ничего не нуждаются знать об этих категориях”.

Третий уровень: рефлексивный, полностью осознанный. Он имеет место, когда смыслы слов, обозначающих категории, сформированы сознательно (в процессе изучения философии или посредством собственных систематических размышлений)¹⁰.

Несколько фраз в оправдание. Главы книги различаются как по объему, так и по глубине анализа. В этом не всегда моя вина. Многое зависит и от наследия, оставленного предшественниками. Например, категории «единое» и «многое» за 25 веков исследованы настолько обстоятельно, что информацию о них достаточно было просто систематизировать. Аналогичное можно утверждать относительно и других категорий — «вещь», «свойство», «отношение», «связь» и др. Что же касается категорий «тождество» и «сходство», а также «необходимость» и «случайность», то многолетние размышления над ними потребовали от меня едва ли не такой же затраты сил, как и размышления над всеми остальными.

И в заключение одно методологическое размышление. Содержание философских категорий просто, предельно просто. Это наводит на мысль о тривиальности их содержания. Именно эта мысль склоняла многих известных мне аспирантов, пришедших в философию из других наук, к выбору в качестве темы диссертации одной из философских категорий. Но простота и тривиальность не одно и то же. Есть особая трудность — трудность простоты, трудность микроанатомирования, микроанализа. Кант называл такие познавательные акты «сверхтонкими расщеплениями». Трудность такого расщепления известна каждому, кто вникал в логические и математические тексты. Согласитесь, что она серьезнее, чем трудность синтеза: анализ — начало познания, синтез — его завершение. Именно преодоление трудностей анализа потребует основных усилий читателя этой книги.

¹⁰ Книгин А. Н. Учение о категориях. Томск, 2002. С. 25.

Часть I

КАТЕГОРИИ — ПРЕДЕЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ СИНТЕЗА

В этой части книги будут рассмотрены сингулярные понятия — «Вселенная», «универсум», «мир», «единое», «сущее», «реальность» и ряд других, которые возникают при доведении до предела процесса синтеза: за границами того объекта, который они обозначают, нет ничего. За эти границы познание не может выйти по чисто логическим основаниям. Это не синонимы, а понятия, фиксирующие различные аспекты того единственного объекта, который составляет их объем. Задача части 1 — различить содержание этих понятий.

Глава 1. Универсум

Универсум (от лат. *universum* — мировое целое, мир, вселенная) — это все сущее, рассматриваемое в единстве. По объему «универсум» совпадает с понятиями «космос» и «Вселенная». Первоначально они не отличались и по содержанию. Например, первые философы пытались описать пространственную структуру универсума. Так, Аристотель считал, что в его центре находится Земля, за ней — планеты, а за планетами — сфера неподвижных звезд. Сегодня вопрос о пространственно-временной структуре Вселенной перешел в ведение конкретной науки, астрономии, а понятие «универсум» приобрело чисто философский, предельный,

пограничный смысл. В известном смысле оно антропоцентрично: задача философии — понять смысл человеческого бытия, а для этого необходимо понять, каково его место в универсуме, для чего, в свою очередь, необходимо понять, что представляет собой сам универсум.

Понятие «универсум» имеет и гносеологический аспект: оно близко к понятию «универсум рассуждения». Универсум рассуждения биолога — живая природа, т.е. часть мира в целом. Универсум философского рассуждения — целое, образованное из универсумов всех других рассуждений. Именно здесь, на пределе познавательных возможностей, приобретают смысл философские проблемы.

Солипсисты, материалисты и объективные идеалисты понимают универсум по-разному. Для солипсиста границы универсума совпадают с границами его собственного субъективного мира. Реалисты (материалисты и объективные идеалисты) полагают, что в универсум входит также и реальность, находящаяся за пределами их собственного сознания. Расходятся они в понимании природы этой реальности. Материалист полагает, что ее субстратом является материя, объективный идеалист — что она в своем существе духовна, идеальна. Различие этих трех трактовок универсума определяет и различие в трактовке задач познания. Самая сложная исследовательская программа у материалиста: в отличие от солипсиста, он не редуцирует предмет познания к содержанию своего собственного сознания и, в отличие от объективного идеалиста, не апеллирует к всеобъясняющей гипотезе о существовании Творца. Он стремится понять универсум из него самого.

Но не стоит абсолютизировать разницу между материализмом и двумя его оппонентами. Объективный идеалист вполне может рассматривать универсум в абстракции от воздействий на него Творца и таким образом найти общий язык с материалистом. А после этого они оба могут найти общий язык с солипсистом: есть процессы, протекающие в субъективной реальности, которые можно вполне успешно рассматривать в абстракции от их взаимодействия с объективным миром.

Глава 2. Бытие и ничто

Бытие

По-гречески «бытие» в родительном падеже — *онтоо*. Отсюда — онтология — учение о бытии, первая философия. Но чтобы правильно истолковать смысл этого определения, необходимо учесть, что бытие в современной литературе понимается в трех смыслах.

Во-первых, бытие трактуется как мир в целом, включающий в себя все сущее, в том числе и человеческое сознание. За границами так понимаемого бытия ничего нет. Противопонятие «бытия» — «ничто» — не имеет денотата. Нет объекта, который можно было бы представить как экзemplификацию ничто. Но так понимает бытие лишь материалист. Для верующего вне бытия существует Бог, который внебытиен, сверхбытиен.

Второй смысл понятия содержится в выражениях «бытие первично, сознание вторично», «бытие определяет сознание» и т.п. Бытие понимается здесь как мир за границами человеческого сознания. Это второе значение термина фундаментально для материализма. Вопрос об отношении мышления к так понимаемому бытию здесь считается основным вопросом философии.

Третий смысл термина предлагает экзистенциализм. Бытием, экзистенцией (от лат. *ex(s)isto* — существую), последователи этого философского направления называют ту часть мира в целом, которая остается за вычетом объективной реальности, т.е. субъективную реальность. Экзистенция — это бытие человека, постигаемое им непосредственно.

Бытие в третьем смысле — экзистенция — предметом онтологии не считалось никогда. Остается три возможности идентифицировать ее предмет: 1) предмет онтологии — это все универсальные определенности бытия, находящегося за границами человеческого сознания; 2) предмет онтологии — это определенности, общие явлениям как объективного, так и субъективного мира (и там, и там есть свойства, отношения, необходимости, случайности и т.п.); 3) предмет

онтологии включает все универсальные определенности и первого, и второго типа.

Слова не имеют естественной, природной связи с обозначаемыми объектами, и поэтому не имеет смысла вопрос, какое из этих трех пониманий предмета онтологии истинно. Речь может идти лишь о том, насколько избранное понимание соответствует историческим традициям и насколько оно удобно для целей исследования. Для анализа философских категорий в современном дискурсе удобнее третье, самое широкое понимание предмета онтологии. Используя его, можно сказать, что предмет данной книги — онтологические категории.

Выражения «его земного бытия было 86 лет», «как твое житье-бытье» обнаруживают еще один философский, категориальный смысл термина «бытие»: в этих контекстах он означает не мир в целом и не его объективную часть, а дление — некий признак, присущий и миру в целом, и любому объекту этого мира. Когда говорят, что бытие — это не философская категория, поскольку бытием обладают предметы всех категорий, имеют в виду именно это значение термина. Его качественное отличие от рассмотренных выше проявляется и в случае, когда мы начинаем искать ему антоним. До сих пор мы считали антонимом «бытия» — «ничто». Но у «бытия» как дления два антонима — «возникновение» («становление») и «исчезновение». Образуется следующая цепочка понятий: «небытие» — «становление» — «бытие» — «исчезновение» — «небытие».

В статическую картину универсума проникает движение. Становление — это переход предмета из небытия в бытие, исчезновение — переход его из бытия в небытие. Это порождает антиномию, сформулированную Парменидом: «...возникающему необходимо возникнуть или из сущего, или из не-сущего, но ни то, ни другое невозможно: ведь сущее не возникает (ибо оно уже есть), а из не-сущего ничто не может возникнуть, ибо /при возникновении/ что-нибудь да должно лежать в основе»¹¹. Ниже мы обсудим эту антиномию специально. Пока же нам нужно различить небытие и ничто.

¹¹ Аристотель. Физика // Соч.: В 4 т. Т.3 М., 1981. 191а.

Небытие и ничто

В ряде контекстов эти термины отождествляют, например, в аристотелевской формулировке принципа сохранения: «Ни одна вещь не возникает из небытия, но все — из бытия»¹². Но именно для того чтобы привести трактовку процессов становления и исчезновения в соответствие с принципом сохранения, эти понятия необходимо строго различать. «Ничто» — это не имеющее денотата противопонятие «бытию». Небытие в современном дискурсе обычно трактуется как понятие, имеющее денотат: небытие жидкости — лед, небытие льда — жидкость. Пользуясь гегелевским языком, можно сказать, что небытие объекта — это его инобытие. Превращение небытия в бытие, т.е. становление и превращение бытия в небытие, т.е. исчезновение, при такой трактовке бытия и небытия понимаются в полном соответствии с принципами сохранения: что прибыло в одном месте, убыло в другом.

В сущности, становление и исчезновение — это один и тот же процесс. Разница заключается лишь в том, с какой точки зрения мы на него смотрим: если нам нужен лед — замерзание воды — становление, если нам нужна вода, — тот же самый процесс — исчезновение.

Становление как возникновение из ничего и исчезновение как превращение в ничто в рамках современной, галилеевской науки, базирующейся на принципе сохранения, — бессмыслица. Для тех же, кто отрицает универсальность этого принципа, трактовка возникновения и исчезновения как перехода от ничто к бытию и обратно вполне приемлема: верующие полагают, что Бог сотворил мир именно из ничего.

Сущее

В современной философии это устаревшее слово нередко употребляется как синоним бытия. Но это некорректно уже с грамматической точки зрения: «бытие» — существительное, «сущее» — прилагательное. «Бытие» может обозначать

¹² Аристотель. Метафизика. М., 1934. 1062b.

и признак, и носитель признака, «сущее» — только носитель признака. Можно сказать: «бытие человека», но нельзя сказать: «сущее человека».

Категории «бытие» и «сущее» трактуют и как противоположности. Например, Хайдеггер понимает бытие как то, что скрывается за сущим и проявляется в нем. Сущим он называет не просто существующее, а истинно существующее. Сущее — это предмет опытного знания, непосредственно данное, а бытие — скрытая сторона объектов, лишь обнаруживающая себя в сущем. Отсюда — сближение сущего с кажимостью, а бытия — с сущностью. Поскольку слова не имеют природной связи с обозначаемыми объектами, я не усматриваю в этих перевешиваниях старых названий на старых вещах особой мудрости. Их назначение — создать иллюзию новаторства.

Сказанного о понятии «бытие» достаточно для того, чтобы сопоставить его с рассмотренным выше понятием «универсум». Для этого важно учесть связь между бытием как миром в целом и бытием как длением. Второе значение термина накладывает отпечаток на первое: бытие как мир в целом, понимается диахронически, универсум как мир в целом понимается синхронически. Универсум — это мир в пространстве, бытие — мир во времени. Эта дистинкция не отрицает ни пространственности бытия, ни временности универсума. Разница заключается лишь в аспектах рассмотрения, в способе выделения предмета в чистом виде.

Глава 3. Единое и многое

В истории философии категория «единое» знавала славу, сравнимую со славой категории «бытие». Если бытие было предметом первой философии, онтологии, то единое исследовалось генологией, конкурировавшей с онтологией за место в философии. Но в современном дискурсе категории «единое» и «многое» практически не употребляются. Однако этот факт является основанием не для того, чтобы исключить их из данной книги, а для того, чтобы приглядеться к ним с особой тщательностью.

Обычно одна категория выражается несколькими терминами. Здесь — противоположное явление: перед нами два термина, каждый из которых выражает по четыре принципиально, качественно различные категории. За две с половиной тысячи лет, прошедших с того времени, когда генология конкурировала с онтологией, каждое из этих значений обзавелось своим собственным термином; именно поэтому в современном дискурсе термины «единое» и «многое» практически не употребляются. Хрестоматийное сравнение их с королем Лиром поэтому вполне уместно. Но чтобы понять, что представляют собой современные потомки этой королевской пары, вернемся во времена Аристотеля. Он определяет единое как то, «что не допускает деления»¹³. Судя по контексту, речь идет не о любом делении, а о делении на то же самое. Этому определению можно дать две диаметрально противоположные интерпретации.

Единое как предельный продукт синтеза

Кучу можно разделить на кучи, животное на животных — нельзя. Это и имел в виду Аристотель. Единое — это целое, многое — его части. Таково самое простое понимание единого и многого.

А теперь совершим следующий логический шаг — предельный переход. Относительным единством обладает любой реально существующий предмет, даже, пожалуй, и куча. Такие предметы и реально, и мысленно объединяются во все более сложные единства и в пределе образуют сверхъединое — мир в целом, универсум. Именно его Аристотель называет единственным реально существующим единым. Так понимаемое сверхъединое состоит из многого, а многое находится в едином. Заметьте: это сверхъединое экстенционально совпадает с бытием и универсумом, но по содержанию отличается от них.

¹³ *Аристотель*. Метафизика. М., 1934. 1062b.

Единое как предельный продукт анализа

Единое, понимаемое как то, что не допускает деления на то же самое, может быть получено не только синтезом, но и анализом. Мысленно деля целостные образования на части, каждую часть — вновь на части, мы в пределе получим части, которые уже не делятся на части, и которые, следовательно, подходят под аристотелевское определение единого как того, что не допускает деления на то же самое: они не делятся вообще ни на что.

На роль так понимаемого первоединого предлагалось множество сущностей — от атома Демокрита до математического атома Пифагора — единицы, которая проста и, следовательно, неделима. Именно из таких первоединых и Пифагор, и Демокрит надеялись построить универсум, т.е. сверхъединое или всеединое. Именно так понимаемое первоединое они называли сущностью всех вещей.

Итак, крайности сошлись: под определение единого как неразложимого на то же самое подходят и мир в целом, и его простейший элемент. Причем эти два понимания связаны: универсум един именно в силу того, что состоит из первоедиств. И еще одна деталь: первоединое входит во всеединое, а значит, и во многое, из которого всеединое состоит.

Единое как предельный продукт идеализации

Итак, всеединое мы получили посредством синтеза — объединяя относительные единства — индивидуальные вещи — во все более сложные целостности; а первоединое — посредством анализа — разлагая реально существующие объекты на части, части этих частей и т.д.

Существует и третий путь к понятию единого — идеализация. Для того чтобы пройти по этому пути к третьему значению термина «единое», вполне достаточно повседневного опыта и строгого следования логике.

Из опыта мы знаем: единое тем более едино, чем меньше зависит от окружающей среды, чем в большей степени автономно, самодостаточно, не подвержено воздействию извне.

Методом предельного перехода получаем первый вывод: сверхъединое абсолютно автономно.

Но полная независимость от внешних воздействий — лишь половина его достоинства. Вторая половина — возможность воздействовать на любые другие объекты, всемогущество. Отсюда — еще один атрибут сверхъединого: не являясь ничьим следствием, оно является первопричиной всего остального.

Опыт говорит нам: чем из меньшего количества частей состоит объект, тем он целостнее, единее. Следовательно, сверхъединое — это абсолютно простой объект, вообще не состоящий из частей. В этом контексте становится понятным странное на первый взгляд утверждение Декарта о простоте Бога. Заметьте, что в число атрибутов аристотелевского всеединого этот — не входит. Итак, в отличие от вторичных, бытийных единств, сверхбытийное первоединое является абсолютно простым.

Из абсолютной простоты первоединого чисто дедуктивно следует его неделимость.

Пойдем дальше. Реальные объекты относительно совершенны. Сверхъединое абсолютно совершенно. Но любое изменение абсолютного совершенства было бы изменением к худшему. Следовательно, сверхъединое абсолютно совершенно и неизменно.

Вместе с тем, оставаясь неизменным, оно является источником изменений всего бытийного. Таким образом, базируясь только на повседневном опыте и логике, мы получаем еще одно удивительное свойство сверхбытийного единого: это неподвижный перводвигатель.

Продолжим движение по этому пути. Человек изменяет природные объекты двумя способами: 1) внося своей деятельностью форму в инертную материю извне (классический пример — создание горшка из глины); 2) получая нужный ему результат за счет саморазвития объекта (пример — выращивание животных). Внесение извне формы в инертную материю называют эманацией, возникновение новой формы предмета за счет его самоизменения — эволюцией. Всемогущество первоединого исключает изменение бытийных сущностей посредством

развития, т.е. самоизменения. Следовательно, воздействие внебытийного единого на бытие — это эманация.

Продолжая наше чисто умозрительное рассуждение на базе повседневного опыта и логики, заметим, что любой бытийный объект состоит из материи и формы и что он тем совершеннее, чем меньше в нем материи и больше формы. Следовательно, абсолютно совершенный объект полностью лишен материи. Итак, сверхъединое — это форма в чистом виде, форма форм.

Но чистая форма идеальна. Это Дух в чистом виде. Следовательно, первоединое — это Абсолютный Дух.

Чем меньше воля человека зависит от внешних обстоятельств, тем шире ее возможности, тем больше ее свобода. Следовательно, сверхъединое абсолютно свободно.

Абсолютно свободная причина всех изменений в мире не может не быть благой. Следовательно, сверхъединое — это абсолютное благо.

Но в реальном пространстве-времени сущностей, обладающих перечисленными атрибутами, нет. Следовательно, сверхъединое сверхбытийно.

А теперь объединим все дедуцированные нами атрибуты сверхбытийного единого: оно абсолютно автономно, является первопричиной всего сущего, абсолютно просто, абсолютно совершенно, неизменно, это неподвижный перводвигатель, воздействие которого на бытие — это эманация; это идеальная форма в чистом виде, Абсолютный Дух, который абсолютно свободен и сверхбытиен.

Дело осталось за малым: обнаружить так понимаемое сверхъединое эмпирическим наблюдением. Сделать это до сих пор не удалось, что дало основание наделить его еще одним, на сей раз сомнительным достоинством: сверхъединое непознаваемо.

Итак, атрибуты сверхъединого — это продукты логической обработки повседневного опыта, совершавшейся на всем протяжении человеческой истории. Но перед начинающим мыслителем сверхъединое предстает готовым, во всем своем ослепительном блеске. Он не узнает в нем плод воображения своих предшественников и падает перед ним на колени.

Единое как предельный продукт обобщения

Итак, мы рассмотрели три значения терминов «единое» и «многое», полученные тремя познавательными процедурами: синтезом, анализом и предельным переходом (идеализацией). Четвертое их значение порождено столь же стандартной познавательной процедурой — обобщением.

Начну с примеров. Древние геометры ломали головы над вопросом, почему доказательство теоремы, полученное на единственном треугольнике, оказывается верным для всех треугольников, в то время как единственный извлеченный из урны шар, оказавшийся черным, не дает оснований утверждать, что все шары в урне черные. Этот вопрос известен сегодня в методологической литературе как парадокс Милля¹⁴.

Древние видели единственную возможность ответить на него: доказательство теоремы относится не к этому индивидуальному треугольнику, а к треугольнику вообще, который, подобно шампуру, пронизывает все треугольники, оставаясь при этом одним-единственным. К нему-то и относится доказательство, верное именно в силу этого для всех треугольников. Эту не укладывающуюся в голове мысль выражают еще и так: треугольник, являющийся предметом геометрического доказательства, един во многом.

Заметьте, это понимание единого возникло не потому, что оно соответствует повседневному опыту. Треугольник вообще, входящий, оставаясь единым и неделимым, во все эмпирические треугольники, — это еще большая нелепость, чем круглый квадрат. Его реальность стали признавать «с горя» — только потому, что не могли иным способом понять природу геометрического, а затем и естественнонаучного доказательства, дающего общий вывод на основе единственного подтверждающего примера. Ведь и Резерфорду для того, чтобы доказать, что все атомы имеют планетарную структуру, было достаточно одного опыта.

Еще один пример единого во многом зафиксирован в таких повседневных выражениях, как «белизна (единственное число) облаков (множественное число)», «интеллигентность

¹⁴ Милль Д. Ст. Система логики. М., 1900. С. 251.

(единственное число) людей (множественное число)» и т.д. Общий признак понимается здесь как один-единственный на все множество обладающих им объектов, как единое во многом. Как это может быть?

О том, насколько фундаментальную роль это, казалось бы, совершенно нелепое значение термина «единое» играло в истории человеческой мысли, свидетельствует тот поразивший меня факт, что именно оно зафиксировано в этимологии латинского термина *unum* — один, единственный, тот же самый. Здесь нет и намека ни на одно современное значение «единого»: *unum* — это не целое, состоящее из элементов, не первоэлемент целого и не единое, существующее вне многого, т.е. вне мира. Перед нами исторически первое понимание единого, и анализ всех его четырех значений следовало начать с него. Но я решил сначала подготовить читателя к этому шоку.

Парадоксальная идея единого (одного) во многом играет фундаментальную роль не только в науке, но и в теологии. С чисто гносеологической точки зрения, Бог, входящий, оставаясь одним, единым, *unum*, не разделенным на части, в три свои ипостаси, не отличается ни от треугольника вообще, входящего, также оставаясь единым, *unum*, во все эмпирические треугольники, ни от белизны — одной на все множество обладающих ею облаков. Тот, кто не видит этого, не понимает смысла тринитарной проблемы.

Современное состояние проблемы

Совершенно очевидно, что четыре значения терминов «единое» и «многое», порожденные четырьмя познавательными процедурами — синтезом, анализом, идеализацией и обобщением, — настолько фундаментальны, что удержать их в рамках теории единого и многого было невозможно, и сегодня каждое из этих значений стало предметом специальной науки. Единое во многом исследуется в работах, посвященных проблеме универсалий и тринитарной проблеме; многое в едином — в работах, посвященных части и целому, форме и содержанию, системе и элементам; сверхъединое, понимаемое как мир в целом, — предмет

онтологии, единое вне многого — теологии. Последние попытки проанализировать проблему единого и многого в ее исторически первичном, нерасчлененном смысле в Европе были предприняты на рубеже XVIII—XIX веков. Реанимацию этой проблематики в русской философии на рубеже XIX—XX веков я считаю анахронизмом.

Глава 4. Реальность

Никаких отличий термина «реальность» от термина «бытие», кроме лингвистических, мне выявить не удалось. Термин «реальность» (от позднелатинского *realis* — действительный), как и термин «бытие», обозначает и признак (реальность объективного мира), и носитель признака (объективная реальность)¹⁵. Но в ряде контекстов термин «реальность» удобнее: мы говорим об объективной и субъективной реальности, а не об объективном и субъективном бытии, хотя смысл имеют оба эти выражения. Объективной реальностью называют ту часть бытия, которая существует вне человеческого сознания, субъективной — содержание самого сознания. Проанализируем сходство, различие и взаимосвязь этих двух частей реальности.

Объективная реальность

Реальность своего собственного сознания не отрицает никто. По вопросу же о существовании объективной реальности философы делятся на два лагеря: тех, кто отрицает ее существование, называют субъективными идеалистами или солипсистами (от лат. *solus* — единственный и *ipse* — сам), а тех, кто признает ее существование, — реалистами. С лингвистической точки зрения, это, конечно, нестрого, поскольку реальность (субъективную) признают и солипсисты. Несмотря на то что солипсизм теоретически неопровер-

¹⁵ Возникает соблазн отождествить «реальность» не только с «бытием», но и с «действительностью». Но последний термин обычно рассматривают в паре с возможностью.

жим, в истории философии он встречается лишь как объект критики. Даже Д. Беркли, классик субъективного идеализма, не проводит его последовательно: признавая существование сознаний других людей и Бога, он фактически пропагандирует объективный идеализм.

Термин «субъективная реальность» для реалиста имеет иной смысл, чем для солипсиста. Для последнего это его собственное сознание. Если же реалист будет понимать субъективную реальность так же, то получится, что твое сознание — объективная реальность для меня, а мое — для тебя. Разница между объективной и субъективной реальностью релятивизируется, и спор между реалистами и солипсистами запутается. Чтобы сохранить ясность своей позиции, реалист под субъективной реальностью должен понимать совокупное сознание всего человечества (включая свое собственное), а под объективной — мир, существующий вне этого совокупного сознания. Впрочем, в полемике с солипсистом реалист, чтобы найти с ним общий язык, может исходить из его понимания субъективной реальности.

Первоначально философы считали существование объективной реальности чем-то само собой разумеющимся. Лишь к XVII веку культура философского мышления выросла настолько, что этот постулат был подвергнут методологическому сомнению. Декартовское «мыслю, следовательно, существую» (*cogito ergo sum*) входит в первую пятерку философских афоризмов именно потому, что предлагает средство для разрешения этого сомнения: несомненность для меня моей субъективной реальности, того факта, что я мыслю, является основанием не сомневаться в существовании меня самого как мыслящего. А это уже реальность, за границами моей субъективной реальности, объективная реальность. Осталось расширить этот плацдарм до масштабов всего универсума. Но решить эту задачу Декарту не удалось. Именно под влиянием этого обстоятельства возник субъективный идеализм Д. Беркли¹⁶. Вот аргумент, которым он обосновывает свою позицию: «Для меня достаточное основание не верить в существование

¹⁶ Хотя его зародыши усматривают уже в тезисе Протагора о человеке как мере всех вещей.

чего-нибудь, если я не вижу основания верить в это»¹⁷. Как показал К. Поппер, это ошибка: отсутствие оснований признавать существование объективной реальности не является основанием отрицать его. Строже рассуждает Д. Юм, оставивший на этом основании открытым вопрос, существуют ли объекты, вызывающие наши впечатления.

Этот вопрос остается нетривиальным и для современной философии. Разработано множество способов как решить, так и обойти его. Наиболее курьезный — утверждение, что один и тот же объект, в зависимости от точки зрения, может быть представлен как существующий и вне сознания, и внутри него. Наиболее же распространенный — утверждение, что выбор между субъективным идеализмом и реализмом определяется личной верой, а не научным доказательством.

Человечество использует для решения вопроса о существовании объективной реальности гипотетико-дедуктивный метод: в своей практической деятельности люди исходят из веры в ее существование; каждый практический успех, достигнутый на основе этой веры, подтверждает и тем усиливает ее. Но абсолютно она не будет обоснована ни на одном конкретном этапе человеческой истории. Никогда, следовательно, не будет завершён спор между реалистами и солипсистами. Но чаша весов постепенно склоняется в пользу первых.

Спор идет и между реалистами — философами, признающими существование объективной реальности. В его основе лежит деление реалистов на монистов и плюралистов. Монисты утверждают, что мир состоит из единого субстрата, плюралисты — что из многих.

Монисты также делятся на два лагеря: материалистов и объективных идеалистов. Материалисты утверждают, что первосубстратом мира является материя. Что до объективного идеализма, то нам важно различать две его разновидности. Объективный идеализм первого типа отличается от материализма только пониманием субстрата объективной реальности: он имеет ту же при роду, что и субстрат человеческого сознания. Эта идеальная объективная реальность первична.

¹⁷ Беркли Д. Соч. М., 1978. С. 309.

Примерами объективного идеализма этого типа является пантеизм и объективный идеализм Гегеля¹⁸.

Вторая разновидность объективного идеализма сходна с первой постулатом об идеальности объективной реальности, но дополняется утверждением, что и она, и субъективный мир индивида порождены еще одной внебытийной идеальной сущностью — Богом.

Итак, согласно солипсизму, мир исчерпывается субъективной реальностью, согласно материализму — вне субъективной существует материальная объективная. Согласно первой разновидности объективного идеализма, эта объективная реальность так же идеальна, как и субъективная, согласно второй разновидности объективного идеализма, кроме этой бытийной объективной реальности существует внебытийная, создающая и бытийную объективную, и бытийную субъективную реальность.

Теперь — о плюрализме. Термин «плюрализм» (от лат. *pluralis* — множественный) ввел Х. Вольф. В противоположность монизму, плюрализм утверждает, что объективная реальность состоит не из одной, а из множества качественно различных, не зависимых и не сводимых друг к другу первосущностей. Простейшей разновидностью плюрализма является дуализм, согласно которому этих первосущностей всего две — дух и материя.

Итак, в дуализме в максимально простом виде выступает взаимосвязь всех трех дефинитивных признаков плюрализма: отрицание всякого сходства духа и материи; отрицание взаимосвязи между ними и отрицание взаимного перехода этих противоположностей друг в друга. Всё вместе это означает отказ от теоретического объяснения процессов познания и практики. Поэтому в истории философии последовательный дуализм встречается не чаще, чем последовательный монизм. Даже классический дуализм Р. Декарта не полностью подходит под теоретическое определение дуализма. Мир, с его точки зрения, образован двумя конечными субстанциями — мыс-

¹⁸ Если отождествлять не субстрат объективной реальности с субстратом субъективной, а наоборот, то мы получим уже не объективный идеализм, а вульгарный материализм. Хрестоматийным примером последнего является концепция Бюхнера, утверждающего, что мозг так же выделяет мысль, как печень — желчь.

лящей и материальной, Но они порождены, в свою очередь, третьей, бесконечной субстанцией — Богом. Эта общность происхождения не позволяет говорить об их абсолютном несходстве. Не осознает Декарт во всей остроте и психофизиологическую проблему: процессы, происходящие в протяженной материальной субстанции, и процессы, протекающие в непротяженной душе, взаимодействуют у него через «шишковидную железу». Ключевой вопрос: «Как это возможно?», над которым философия бьется с момента своего возникновения, остается у него без ответа. Лишь третий атрибут плюрализма — отрицание взаимоперехода первосубстанций — проведен Декартом последовательно. Таким же непоследовательным является и дуализм Канта, признающего воздействие вещи в себе на сознание (что возможно лишь при допущении их субстратного сходства), но отрицающий ее познаваемость. С гносеологической точки зрения, плюрализм вообще и дуализм в частности — частный случай эклектики, которая никогда не считалась философской добродетелью.

В качестве примера плюрализма, признающего существование более чем двух независимых первосущностей, обычно приводят мировоззрение Эмпедокла. Он учил, что мир образован четырьмя элементами — землей, водой, воздухом и огнем, которые вечны, неизменны, не влияют друг на друга и не переходят друг в друга.

Плюрализм, убеждение, что мир состоит из множества первосущностей, естественен для человека, начинающего размышлять над природой объективной реальности. Он видит перед собой качественное разнообразие окружающих его явлений, и мысль, что все они представляют собой различные формы существования одного и того же, представляется ему противоречащей очевидности. Сомнения в этой очевидности возникают, когда он пытается объяснить наблюдаемые процессы.

Еще древние пришли к выводу, что в основе любого объяснения природных процессов должны лежать три принципа. Первый Аристотель формулирует так: «Ни одна вещь не возникает из небытия, но все — из бытия»¹⁹. Позже он был назван принципом сохранения, или законом сохранения.

¹⁹ *Аристотель*. Метафизика. М., 1934. 1062b.

Второй принцип гласит, что возникающая вещь должна быть подобна той, из которой она возникает. Небелое, поясняет эту мысль Аристотель, возникло бы из ничего, если бы не было тем же самым, что и белое. И, наконец, согласно третьему принципу, подобными являются не только вещи, превращающиеся друг в друга, (например, белое и небелое), но и взаимодействующие объекты. Этот третий принцип необходимо строго отличать от первых двух. Он выражен в афоризме «Подобное испытывает от подобного». Подобие при этом понималось строго и просто: как сходство родовых признаков при различии видовых. Отрицая эти три принципа, плюралист лишал себя возможности понять и взаимодействие, и взаимное превращение объектов, существующих вне сознания, а также, что особенно важно, взаимодействие своего сознания с объективной действительностью. Это взаимодействие состоит из двух процессов. С одной стороны, объективная реальность отражается в образах сознания, а с другой, образы сознания воплощаются практикой человека в формы объективно существующих вещей.

Итак, первые философы ставили перед собой задачу объяснить два взаимодействия между объективной и субъективной реальностью — познание и практику — на основе трех методологических принципов: 1) из ничего ничто не возникает; 2) подобное возникает из подобного; 3) подобное взаимодействует с подобным. Исторически первую попытку решить эту задачу предпринял Эмпедокл. Он утверждал, что образ земли сам является землей, образ воды — водой и т.д. Эту концепцию позже называли вульгарным материализмом. Аристотель возражал Эмпедоклу: «Душа должна быть или этими предметами, или формами их; но сами предметы отпадают — ведь камень в душе не находится»²⁰. Следовательно, из действительности в душу переходит не предмет, а лишь «форма предмета»²¹. Но образ предмета идеален. Следовательно, идеальна и «подобная» ему форма объективно существующего предмета. Так, с помощью чисто логических рассуждений над фактами повседневного опыта идеальное, первоначально понимаемое

²⁰ Аристотель. О душе. М., 1937. С. 102.

²¹ Там же. С. 7.

как субстрат субъективной реальности, оказывается одним из двух субстратов объективной: последняя состоит из идеальной формы и материальной материи. К этому же выводу приводили и размышления о природе человеческой практики: форма, которую человек придает бесформенной материи, например, горшечник — глине, — это его идея, перенесенная в материю. Следовательно, форма вещей идеальна.

Интересно, что Бог первых религий отличался от горшечника лишь масштабами своей деятельности. Бесформенная материя ему, как и горшечнику, была предзадана. Он вносил в нее лишь форму, точно так же, как горшечник — в глину.

Но после решения этого вопроса возникал новый: если никакая вещь не возникает из небытия, то из какого бытия возникают такие «вещи», как материя мира и божественное сознание? Имеют они независимое происхождение или одна из них порождает другую? В последнем случае, какая из них первична, а какая — вторична? В явной форме эти вопросы были сформулированы неоплатонистами в III веке. Они же попытались и решить их. Реальный мир понимался ими как результат эманации духовного, божественного первоединства, а материя — как продукт полного угасания этой эманации. В итоге дух-демиург превратился в духа-Бога, который не формирует мир, а творит его целиком — и форму, и материю — последняя является инобытием формы и, следовательно, духа. Так возник последовательный объективный идеализм. Он базировался на теории эманации вплоть до XVII века. Еще Лейбниц трактовал мир как продукт излучений (*fulgurations*) Божества, понимаемого им как первичное Единство²². Завершающий шаг в развитии объективного идеализма сделал Гегель. Он истолковал объективную реальность не как результат эманации, а как итог саморазвития абсолютной идеи. Источником ее саморазвития он считал внутренне присущее ей противоречие. Но если мир — продукт саморазвития идеи, то из чего возникает сама идея? Открывается угроза дурной бесконечности, которую Шеллинг и Гегель устраняют тем, что выводят идею из чистого бытия, тождественного ничто. Для последнего вопрос «Из чего?» уже лишен смысла.

²² Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т.1. М., 1982. С. 421.

Материализм легко истолковывает на основе принципов монизма оба процесса, протекающие в объективном мире: и взаимное превращение, и взаимодействие объектов. А способен ли он монистически истолковать две формы взаимодействия между объективной и субъективной реальностью, две формы человеческой деятельности — познание и практику? Попытка Эмпедокла решить эту задачу на основе принципов вульгарного материализма был убедительно опровергнута Аристотелем. Возможно ли отрицание отрицания — возвращение к материализму за счет отрицания концепции Аристотеля?

Аристотель прав, утверждая, что в душу в процессе познания переходит не сам предмет, а только его форма. Форма же переходит из субъективной реальности в объективную и в процессе практической деятельности. Но он не прав, умозаключая на этом основании, что форма объективно существующих вещей идеальна. Форма существует в двух видах: материальном и идеальном. Переходя из объективной реальности в субъективную, она перестает быть материальной, но остается формой; переходя из субъективной реальности в объективную перестает быть идеальной, но остается формой. На мой взгляд, именно это имел в виду Маркс, когда писал, что идеальное — это ни что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней.

Но перед материализмом встает и еще один аспект взаимосвязи объективной и субъективной реальности, не существующий ни для субъективного, ни для объективного идеализма. Согласно материализму, сознание существовало не вечно, а возникло на определенном этапе развития материального мира. Однако, согласно принципам сохранения и монизма, ничто не возникает из ничего, и любое нечто возникает не из чего угодно, а лишь из чего-то подобного себе. Но если так, то из какого свойства, присущего всей материи и подобного сознанию, исторически возникает само сознание? Можно принимать или не принимать конкретные ответы на этот вопрос, но невозможно отрицать его осмысленности для материализма. Мне представляется заслуживающим внимания следующий ответ на него, разрабатывавшийся в отечественной философии.

Самым отдаленным «предком» человеческого сознания является отражение — способность тел неживой и живой природы изменяться сообразно характеру внешнего воздействия. С появлением растений и низших животных эта способность трансформируется в раздражимость — способность изменяться в соответствии с характером не только внешнего воздействия, но и внутренних потребностей организма. Появление нервной системы делает возможной очередную трансформацию этого свойства: появляется субъективный образ объективного мира. С появлением человека он трансформируется в сознание.

Некатегориальные значения термина

Исследование каждой категории Аристотель начинал с выявления значений, в которых употребляется обозначающий ее термин. В заключение я считаю полезным перечислить эти значения. Смысл термина «реальность» решающим образом зависит от того, в паре с каким другим термином он употребляется.

Реальность — иллюзия

Предметы объективного мира, которые даны человеку в его восприятиях, субъективно слиты с воспринимаемыми предметами, осознаются как сами предметы. Поэтому мы нередко ставим вопрос: иллюзия перед нами или реальность, снится мне это или происходит на самом деле. Существует даже житейский совет, как ответить на этот вопрос: нужно ущипнуть себя. Отсутствие боли укажет на иллюзорность происходящего. Способность отличить реальность от иллюзии — условие не только развития, но и самого выживания человечества.

Реальное — прошлое — будущее

Обычно реальным называют мир, который существует одновременно с человеком, т.е. современный ему мир. Прошлое для меня — уже не реальность, будущее — еще не реальность. В этом контексте понятие «реальность» сливается с понятием «настоящее» и противостоит не только прошлому и будущему, но и возможному.

В философских текстах реальностью называют также любой неиллюзорный объект (и мир в целом, и любой его

фрагмент), рассматриваемый в единстве его настоящего, прошлого, будущего и возможного.

Реальный — идеальный

Эта пара понятий употребляется в двух существенно различных смыслах. Во-первых, реальным миром называют объективную реальность, идеальным — субъективную. Возможно, именно на этом противопоставлении основано именование реалистами всех философов, признающих объективную реальность. Во-вторых, эта дихотомия порождена также делением нашего рационального знания на эмпирическое и теоретическое. Эмпирическое знание описывает реальные, неиллюзорные объекты, локализованные в пространстве и времени, теоретическое — идеальные объекты, созданные особой познавательной процедурой — идеацией — и не только не существующие в реальности, но и не способные к такому существованию: движение без трения, абсолютно черное тело и т.д. Способность различать реальные и идеальные объекты — условие развития науки.

Реальный — номинальный

В социальной действительности объекту нередко сознательно дают имя, которого он не заслуживает: страну называют свободной, деньги за работу — зарплатой и т.п. Чтобы подчеркнуть это, говорят о реальной и номинальной свободе, реальной и номинальной зарплате и т.д.

На реальные и номинальные делят не только уже существующие объекты, но и возможности. Реальной называют возможность, предпосылки для реализации которой имеются. В этом же смысле говорят и о реальных планах. Номинальной называют возможность, не исключаемую законами логики и природы.

Оппозиция «реальный — номинальный» фигурирует и в споре по традиционной проблеме универсалий: философов, утверждающих, что общие имена (*nominis communis*) ничему в действительности не соответствуют, называют номиналистами, философов, признающих реальность общих предметов, задаваемых общими именами, — реалистами.

Из перечисленных значений термина «реальность» основным является первое — выступающее в паре с «иллюзией». О нем и шла речь выше.

Часть II

КАТЕГОРИИ — ПРЕДЕЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ АНАЛИЗА

Глава 5. Материя и форма

С категорией «материя» в отечественной философии произошла самая настоящая катастрофа, последствия которой ощущаются до сих пор. Сначала Ф.Энгельс, а за ним В.И. Ленин сделали в ее анализе ошибки, которые были возведены в ранг «краеугольных камней диалектического материализма». Таким образом была задана верхняя планка профессионализма не только для учения о категориях, но и для всей отечественной философии на протяжении всего периода, пока диалектический материализм являлся в нашей стране государственной философией.

Сначала проанализируем когда-то хрестоматийное рассуждение Энгельса, на которое опирается и Ленин в своей полемике с позитивистами: «Когда естествознание ставит себе целью отыскать единообразную материю как таковую,... то оно поступает таким же образом, как если бы оно вместо вишен, груш, яблок желало видеть плод как таковой, вместо кошек, собак, овец и т.д. — млекопитающее как таковое, газ как таковой, металл как таковой,

камень как таковой, химическое соединение как таковое, движение как таковое»²³.

Назовем вещи своими именами: это логическая ошибка. Отвлечение от качественных различий — это инструмент формального обобщения. Оно позволяет переходить от менее общего известного понятия к более общему, также известному: «человек» — «примат» — «млекопитающее» — «животное» и т.д. Отвлечение от качественных различий конкретных вишен — это шаг не к субстратному понятию «материя», а к более общему конкретному понятию «вишня вообще»; отвлечение от качественных различий вишни вообще, груши вообще, яблока вообще и т.д. — это шаг к еще более общему конкретному понятию «плод вообще» и т.д. При этом в полном соответствии с законом обратного отношения между объемом и содержанием понятия, объем понятия расширяется, а содержание — обедняется. Пределом формального обобщения является понятие «объект», обозначающее любое нечто, а вовсе не понятие «материя», обозначающее первосубстрат всего сущего. Путь к понятию «материя» — не формальное обобщение, а анализ — процедура, противоположная синтезу. Итак, Энгельс спутал процесс формально-логического обобщения с процессом анализа, переход от менее общего понятия к более общему с переходом от целого к частям²⁴.

Ленинское определение материи

Вот это определение, без знания которого студент когда-то не мог рассчитывать даже на тройку: «Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них»²⁵.

²³ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1952. С. 203.

²⁴ Каково-то было профессиональным отечественным логикам видеть эту ошибку классика и молчать!

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. С. 131.

К моему намерению проанализировать это определение со всей тщательностью коллеги относятся двояко. Одни возмущаются тем, что я нахожу «какие-то ошибки у Ленина», другие недоумевают, зачем я «копаюсь в ерунде», вместо того чтобы просто отбросить ее. Сначала отвечу первым.

Согласитесь, что термин «материя» здесь нужно взять в кавычки, поскольку он употреблен автономно²⁶.

Теперь обратите внимание на плеоназм, содержащийся в дефиниенсе определения: характеристика материи как «объективной реальности, которая ... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них», логически эквивалентна характеристике неженатого «как холостого мужчины, не имеющего жены».

Для устранения этой ошибки достаточно было бы просто вычеркнуть из определения слово «объективной». Почему Ленин этого не делает? Здесь глубокий резон. Поступив так, он превратил бы свое определение в классическое — через ближайший род и видовое отличие. А одним из теоретических достижений Ленина до сих пор считается доказательство невозможности дать такое определение материи. Вот это доказательство:

«Когда я определяю: осел есть животное, я подвожу понятие «осел» под более широкое понятие. Спрашивается теперь, есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это предельно широкие, самые широкие понятия.... Только шарлатанство или крайнее скудоумие может требовать такого определения этих двух «рядов» предельно широких понятий, которое не состояло бы в простом повторении: то или другое берется за первичное»²⁷ (выделено мной. — Г.Л.).

²⁶ И тем избавиться от попыток увидеть в этой грамматической ошибке какую-то высшую ленинскую мудрость. Кстати, у Ленина есть определение и без этой ошибки: «...материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.18. С. 149).

²⁷ Там же.

Намеки на осла, обвинения в скудоумии и шарлатанстве меня больше не гипнотизируют. И это позволяет увидеть логическую ошибку, лежащую в основе доказательства, сравнимую по теоретическому уровню с ошибкой Энгельса. «Животное» шире «осла» по объему. «Бытие» (объективная реальность) и «мышление» (субъективная реальность) являются предельно широкими по содержанию. Они охватывают своим содержанием две части универсума и тем исчерпывают его. По объему они сингулярны: объективная реальность единственна, мышление, понимаемое в собирательном смысле, — тоже. Если бы Ленин пользовался традиционной логической терминологией, он сказал бы, что понятие «животное» является более общим (обладает большим объемом), чем понятие «осел», а понятия «бытие» и «мышление» являются предельно широкими по содержанию. Они возникают в результате деления реальности на две части: объективную (бытие) и субъективную (сознание). Но тогда не получилось бы и доказательства: из того, что предельно общее понятие нельзя определить через ближайший род, ибо такового у него нет, вовсе не следует, что предельно широкое понятие нельзя определить через более общее, ибо оно сингулярно и в силу этого имеет над собой несколько более общих понятий. Например, для бытия (объективной реальности) таковыми являются реальность и объект.

Из сказанного следует, что плеоназм в ленинском определении материи не случаен. Он работает. Именно он создает иллюзию, что материя определена в нем нетрадиционно. Вот что получится, если устранить эту ошибку: «Материя» есть философская категория для обозначения ... реальности, которая ... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.

Итак, в отличие от субъективной реальности, материя есть такая реальность, которая существует независимо от ощущений и отражается в них. Классическое определение через род и видовое отличие. Но устранение этой ошибки сразу обнажает другую, которую она прикрывала: это оп-

ределение не отмежевывает материализм от объективного идеализма. Как мы видели, в признании реальности, существующей вне его сознания и отражаемой в нем, объективный идеалист не найдет ничего противоречащего своим принципам. Этот «прокол» в определении заметил А.А. Зиновьев, так «дополнивший» его: материя — это объективная реальность, данная нам в ощущениях ... Богом.

Но и эту ошибку легко устранить: достаточно сказать, что материя независима от любого сознания. Однако от этого будет только хуже: обнаружится еще одна ошибка, самая главная.

Вопрос, что такое материя, философы, начиная с Фалеса, понимали ясно и просто: что представляет собой предел деления универсума на части, части частей, что представляет собой первосубстрат мира? Фалес говорил, что это вода, в XIX веке пришли к тому, что это химические атомы. Когда оказалось, что и атомы делимы, физики стали истолковывать первоэлементы мира как результаты этого деления. Вот как резюмирует результаты их усилий, достигнутые к концу XX века, известный болгарский философ С. Петров: «Самые большие оптимисты полугласно принимают, что дно материи уже достигнуто, и ниже фотонов, лептонов и кварков, создающих, по предположению, адроны, некуда опускаться. Просто оптимисты допускают еще один уровень специфичных материальных субстратов, с высказанной или задней мыслью, что он должен быть последним. У одних это единое нелинейное спинорное поле, возбужденные состояния которого и есть известные элементарные частицы (Гейзенберг). У других праматерия есть пространство-время, а ее познанные формы с их массами, зарядами и всеми другими свойствами есть лишь топологические аномалии в структуре пространства (Уиллер). Для третьих наиболее перспективным является указатель, на котором написано «все есть вакуум и все от вакуума» (Наан). Четвертые, может быть, в стремлении к оригинальности как самоцели выбирают то, что осталось, — самое неуловимое — время как

субстанцию мира (Вайцзеккер). Просто пессимисты видят, что парадигма атомизма в кризисе, поскольку новые факты размыгают ее основные положения, и те утрачивают эффективность своих приложений, но уверены, что следующая парадигма в ближайшие сто лет не будет найдена (Шредер-Фрехет). Наибольшие пессимисты приходят к агностическому постулату, что существование последней субстанции, истинной реальности в смысле древних, никогда не будет доказано (Мерсье). Философски наиболее притягательными являются единые теории поля, особенно подающая в последнее время большие надежды теория супергравитации и гипотеза зашнуровки»²⁸.

Что же противопоставляет этим попыткам найти первосубстрат мира Ленин? Он предлагает такое определение материи, которое не опровергнет никакое физическое открытие! На вопрос, что такое материя, т.е. первосубстрат объективной реальности, он отвечает: «Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущении». На вопрос, из чего состоит объективная реальность, он отвечает: из объективной реальности, данной нам в ощущении. Но ведь это не ответ на поставленный вопрос!

Свойство быть объективной реальностью, существовать вне и независимо от сознания, безусловно, присуще материи. Этого не отрицали ни Фалес, ни Вайцзеккер. Но это свойство присуще не только материи: и универсум в целом, и любая часть универсума, и любой его признак также существуют вне сознания, независимо от сознания и отражаются в сознании. Итак, дефиниенс ленинского определения материи по объему шире дефиниендума. В логике такие определения называют несоразмерными.

Итак, вот причины, по которым я не требую сегодня от студентов знания ленинского определения материи:

1) в нем термин «материя», употребленный автономно, не взят в кавычки;

²⁸ Петров С. Методология на субстратный подход. София, 1980. С. 246–247.

2) в его дефиниенсе родовое и видовое понятия экстенционально совпадают;

3) в нем предельно широкие понятия не отличаются от предельно общих;

4) с ним согласится любой объективный идеалист;

5) оно несоразмерно: под него подходит и объективный мир в целом, и любой фрагмент этого мира, в том числе, конечно, и материя.

Необходимо, однако, видеть не только ошибки, но и достижения Ленина. Для этого признаем очевидное: чтобы отмежеваться от субъективного идеализма, определение материи не нужно. Достаточно строго определить объективную реальность. Фактически это признавал и Ленин, когда говорил, что «единственное “свойство” материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство быть объективной реальностью, существовать вне нашего сознания»²⁹. И фактически именно объективную реальность-то он и определил. Остался пустяк: отличить материалистическое понимание объективной реальности от объективно идеалистического. Об этом Ленин в пылу полемики с субъективными идеалистами попросту забыл.

Чтобы привести форму ленинского определения материи в соответствие с его содержанием, достаточно внести в него третье, последнее изменение (все три выделены): «*Объективная реальность*» есть философская категория для обозначения ... *реальности*, которая ... отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них.

Перед нами определение, содержащее критерий демаркации между реализмом (включающим материализм и объективный идеализм) и субъективным идеализмом, вполне сравнимый со знаменитым критерием Куайна, отделяющим номинализм от платонизма: «Существовать — значит быть значением связанной переменной». Тот, кто знаком с жалкими «Очерками по философии марксизма», против которых, собственно, и был направлен «Материализм

²⁹ Ленин В.И. Цит. соч. С. 275.

и эмпириокритицизм», согласится: Ленин задал этим определением планку, ниже которой материалисту в философской деградации опускаться нельзя. Сегодня эта планка убрана и «Очерки по философии марксизма» впору переиздавать.

Итак, с коллегами, которые убеждены, что у Ленина не может быть никаких ошибок, я объяснился. Теперь обращаюсь к тем, которые считают, что, проделав это, я напрасно тратил время. Я охотно согласился бы с ними, если бы все мы были английскими, французскими или американскими философами. Но мы российские философы. И я могу текстуально показать, что многие из моих оппонентов:

1) до сих пор убеждены, что понятие «материя» получено из понятий «плод», «животное» и ряда других «методом» формально-логического обобщения;

2) считают, что материю нельзя определить через ближайший род и видовое отличие;

3) не отличают понятия, предельно общие по объему, от понятий, предельно широких по содержанию;

4) не видят, что ленинское определение материи не отмежевывает материализм от объективного идеализма;

5) не осознают, что Ленин определил не материю, а то, что состоит из материи, — объективную реальность.

Я утверждаю: методологические ошибки Энгельса и Ленина, ведущие их к ошибочным утверждениям о природе материи, — это наши методологические ошибки. Просто отбросив данное классиками марксизма понимание материи, но не пережив каждую из их методологических ошибок как свой собственный философский грех, мы так же не вернемся в мировую философию, как и просто переехав из Урюпинска в Париж, не станем парижанами. Именно в нежелании (а может быть, и неумении) выполнить эту трудную работу самокритики, самоочищения я усматриваю тождество двух противоположностей: тезиса, что у Ленина нет ошибок, и тезиса, что эти ошибки не заслуживают профессионального философского анализа.

— Ну, хорошо, — сказал мне мой глубокоуважаемый оппонент М.А. Розов, — ленинское определение материи ты отверг. А что взамен? Ведь если просто удалить из отечественных библиотек труды, развивающие ленинское учение о материи, то на их месте образуется вакуум. Чем его заполнить, что противопоставить трактовке материи Энгельсом и Лениным? Что считать задачей современного философского исследования материи?

Эта задача состоит вовсе не в том, чтобы «возводить последнее слово науки в последнее слово философии» (С.Петров), т.е. пересказывать своими словами достижения физиков или, опережая физиков, делать физические открытия³⁰. Нужно просто с повинной вернуться на столбовую дорожку развития мировой философии и вновь обратиться к осмыслению тех предельных, пограничных проблем, над которыми веками размышляли выдающиеся умы Европы.

Вот одна из них: что является категорией, парной «материи». Спутав материю с тем, что из материи состоит, — объективной реальностью, — Ленин напутал и с парной ей категорией, заявив, что это «сознание». В определенном смысле он последователен: объективной реальности противостоит субъективная реальность, т.е. сознание. А что противостоит субстрату объективной реальности, материи? Что останется в объективной реальности, если абстрагироваться от ее субстрата? Ответ известен уже 25 веков: форма. Форма есть то, что образует предмет из его материи. В качестве предмета может выступать и универсум, и атом, и кварк.

Следующий логический шаг: только анализируя соотношение материи и формы, можно увидеть конструктивный смысл вопроса о соотношении материи и сознания: проблема материи и сознания — это аспект проблемы материи и формы. Мысленное разложение универсума на части даст нам, с одной стороны, чистую материю, а с другой, чистую

³⁰ Я имею в виду, в частности, знаменитое предвидение Ленина: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом». Известный физик-теоретик Д.Д. Иваненко говорил нам на лекциях: «Но ведь электрон неделим!»

форму. Вульгарно-материалистическая попытка истолковать сознание как вид материи, выделяемой мозгом так же, как печень выделяет желчь, сегодня отвергнута. Но если сознание не материя, значит, это форма.

Возникает следующий вопрос: сознание и форма — это одно и то же, или сознание — это особая разновидность формы? Можно показать, что исследование этого вопроса является ключом к пониманию генезиса материализма и объективного идеализма³¹.

Возникает и еще одна чисто философская проблема: что мы получим в пределе разложения универсума сначала на материю-1 и форму-1, затем — на материю-2 и форму-2 и т.д.? Логически возможны три ответа.

1. В пределе мы получаем, с одной стороны, чистую материю, лишенную формы, а с другой — чистую форму, лишенную материи. Именно из такого понимания материи и формы исходили философы, учившие, что реальный мир, представляющий собой единство материи и формы, был создан Демиургом посредством внесения чистой формы в бесформенную материю.

2. Бесформенной материи и чистой формы в реальном мире не существует. Реальное разложение универсума на материю и форму в конце концов, приведет к такому субстрату, представляющему собой единство материи и формы, который далее на материю и форму уже не разлагается. Именно такой первосубстрат универсума Фалес видел в воде, Гераклит — в огне, Демокрит — в атомах, Гейзенберг — в нелинейном спинорном поле и т.д.

3. Невозможно получить ни лишенную формы материю, ни предельное, не поддающееся дальнейшему расчленению единство материи и формы. Дна универсума достичь невозможно. Предела разложению универсума на материю и форму нет, реально не существует ни чистой материи, ни чистой формы, а есть лишь их единства, которые по мере

³¹ См. об этом: *Левин Г.Д.* К проблеме объективности отношений в истории философии // Системный анализ и научное знание. М., 1978.

развития науки разлагаются на единства более фундаментальных уровней.

Итак, если не путать две философские категории — «материя» и «объективная реальность» — и если целиком отдать на откуп физикам поиски ответа на вопрос, что конкретно представляет собой первосубстрат универсума, то предметом философского учения о материи будет только соотношение материи и формы. Забыв о форме, вы ничего не скажете о материи, ибо форме, говорит Гегель, принадлежит все определенное. Это понимали всегда, и только возведенный в ранг государственной философии дилетантизм Энгельса и Ленина помешал увидеть это.

Соотношение материи и формы в истории философии анализируется тремя способами: одним континуальным и двумя дискретными. Термины континуального мышления — «материя» и «форма». Этот тип мышления сформировался в практических действиях с однородными делимыми массами — глиной, тестом, водой, расплавленным металлом, зерном и т.п. Для их обозначения возник даже целый класс имен — вещественные имена существительные³², в число которых входят и такие философские категории, как «материя», «субстрат» и «субстанция». Труд Демиурга, вносящего форму в бесформенную материю, понимался по аналогии с трудом гончара, придававшего бесформенной глине форму горшка или скульптуры.

Дискретный тип мышления сформировался в ходе другой практической деятельности — в разложении целого на части и объединения частей в целое. Он существует в двух формах.

1. То, что в рамках континуального мышления называют формой, здесь выступает как структура, а то, что там называют материей, здесь именуется элементами. Есть здесь специальный термин и для единства элементов и структуры — «система». В XX веке возникло целое направление в философии — теория систем, анализирующая древний вопрос

³² Русская грамматика. М., 1982. С. 462.

о соотношении материи и формы с применением современных математических методов.

2. Более тонкую форму дискретного мышления позволяют осуществить при анализе материи и формы категории «отношение» и «носители отношения». Теория отношений позволяет более тонко проанатомировать единство материи и формы средствами дискретного мышления. Она позволяет расчленить сеть структуры на отдельные «ниточки» отношений. «Все структуры, рассматриваемые изнутри, — говорит Н. Гартман, — являются, в сущности, отношениями»³³.

Категория «отношение» недооценивается в отечественной философской литературе. Между тем, в мировой философии существует такое направление, как реляционизм (не путать с релятивизмом), истолковывающее все определенности бытия как отношения. Есть даже такой раздел философии, как метафизика отношений³⁴.

Столкновение двух стилей мышления — континуального и дискретного — с особой остротой происходит в квантовой механике, в частности в форме конфликта между корпускулярной и волновой теориями света. С гносеологической точки зрения, сегодня более конструктивной является дискретная теория материи. Она позволяет не только описать, но и объяснить те отношения, в которых находятся элементы целого.

Итак, если понятие «материя» отличить от понятия «объективная реальность» и передать физике поиск перво-субстрата универсума, то в ведении философии окажется только проблема материи и формы, одним из аспектов которой является проблема материи и сознания. В рамках современного дискретного мышления эта проблема формулируется по-разному: как проблема структуры и элементов, системы и структуры, отношений и их носителей. Проблема отношений и их носителей рассматривается в главе «Свойство и отношение». Туда я и переносу дальнейшее обсуждение этой темы.

³³ Hartman N. Der Aufbau der relen Welt. Berlin, 1940. S. 238.

³⁴ Horvath A. Metaphysik der Relationen. Graz, 1914.

Субстанция и акциденция

Эти категории в современном дискурсе практически не употребляются. Но философы иногда ими кокетничают. Поэтому стоит сказать о них несколько слов.

Вещественные имена существительные в грамматике — это имена, обозначающие однородные делимые массы. С этой точки зрения, «субстанция» и «материя» — вещественные имена существительные. Но если «материя» выступает в паре с «формой», то «субстанция» — в паре с «акциденцией». Понятие «материя» возникло в процессе разложения предметов на части, части этих частей и т.д. Движение к понятию «субстанция» началось с естественного, почти детского вопроса, который мы, взрослые, отмечаем: к чему крепятся в вещах их признаки, акциденции: цвета, формы, твердости и т.п. Представлялось очевидным, что предмет — это не простой набор признаков. Должно существовать нечто, чему они присущи — *sub-stantia* — под-лежащее, лежащее под акциденциями, в основе акциденций. Это чисто умозрительное рассуждение и породило представление о субстанции. В его границах акциденции понимались как находящиеся вне субстанции. Возникает естественный вопрос: а сама субстанция обладает внутренне присущими ей признаками, или она так же лишена их, как и первоматерия — формы? На этот вопрос отвечают по-разному.

Одни мыслители наделяют субстанцию предмета внутренне присущими ей признаками. Они называли их атрибутами, а те признаки предмета, которые не являются атрибутами, т.е. не входят во внутреннее содержание субстанции, — модусами. Те философы, которые понимают субстанцию, по аналогии с первоматерией, как лишенную внутренне присущих ей определенностей, делят акциденции на неотделимые и отделимые от субстанции; первые также называют атрибутами, вторые — модусами.

Еще один вопрос: может ли субстанция существовать самостоятельно? Если понимать ее как субстрат, из которого образованы предметы и которая является носителем акци-

дений, то наделять ее самостоятельным существованием в пространстве и времени так же неверно, как и акциденции. Поэтому, когда утверждают, что субстанция существует самостоятельно, ее понимают еще в одном смысле — как индивидуальный предмет.

Модусы иногда также трактуют не как признаки предметов, а как сами предметы. В общем, хотя эти термины вышли из употребления, вопрос, чем предмет, обладающий свойствами, отличается от набора этих свойств, по-прежнему остается нерешенным.

Часть III

КАТЕГОРИИ — ПРЕДЕЛЬНЫЕ ПРОДУКТЫ ОБОБЩЕНИЯ

Глава 6. Объект, предмет, признак

Объект

Это самое общее понятие. В его объем включают все, что существует: универсум — это объект, папиллярный узор на подушечке моего пальца — тоже объект. А можно ли назвать объектом то, чего не только не существует, но и не может существовать: кентавра, вечный двигатель, абсолютно черное тело и т.д.? Я предлагаю сделать это. Воображаемые объекты играют в познании не менее фундаментальную роль, чем реальные. Например, вечный двигатель участвует в формулировке второго начала термодинамики. Поэтому договоримся: воображаемые объекты — это тоже объекты. Иначе придется утверждать, что чистая теория никаких объектов не описывает.

Итак, объект — это все, на что может быть направлена мысль, «все, что может быть названо»³⁵. «Объект» — понятие очень удобное в самом начале исследования. Еще не зная, о чем идет речь, мы уже знаем, что это объект.

Определение объекта как того, на что может быть направлена мысль, — гносеологическое. Объект характеризуется через отношение к познанию и, следовательно, к субъекту.

³⁵ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. С. 342.

Термин «объект» выступает здесь в паре с термином «субъект». Это порождает утверждение, что без субъекта нет объекта, что объект существует только тогда, когда существует субъект. Это верно, если объект понимать как то, что реально отражается органами чувств реально существующего субъекта. Но в нашем определении речь идет о другом: объектом называется то, на что может быть направлена мысль, но не обязательно направлена. Так что ничего субъективно-идеалистического в этом понятии нет.

Важно различать понятие, обозначаемое термином «объект», и сам термин «объект». То, что в современной литературе называют объектом, Аристотель называл сущностью и различал первые и вторые сущности. В этом же смысле нередко употребляют и термин «явление» («явление объективной действительности»), а также термины «предмет» и «вещь». В ряде контекстов в этом смысле употребляют термин «нечто». Речь пойдет не о термине «объект», а о том, что мы условились им обозначать.

Предметы и признаки

Объекты дихотомически делятся на предметы и признаки. Условимся обсуждать эту дихотомию на материале реально существующих объектов. Ее ввел Аристотель, правда, в других терминах. То, что сегодня называют предметами, конкретными, индивидами, партикулярами, вещами и т.д., он называл первыми сущностями, а то, что сегодня называют признаками, качествами, характеристиками, определенностями, универсалиями и т.д., — вторыми сущностями. Вторыми сущностями он называл также и классы (роды и виды), которым присущи эти признаки.

Различение первой и второй сущности, предмета и признака имеет ключевое значение для философии. Достаточно сказать, что от него зависит осмысленность спора между современными номиналистами и платонистами (платоновскими реалистами, реалистами). Первые признают реальность

только предметов (первых сущностей, конкретных сущностей, конкретов, индивидов), вторые считают реальными также и признаки (вторые сущности, абстрактные сущности, абстракты, универсалии). Между тем, даже сами участники этого спора признают современное представление о разнице между предметами и признаками неудовлетворительным. «Различие между номиналистами и их противниками, — пишет классик современного номинализма У. Куайн, — зависит от не слишком ясного различия между тем, что считают партикулярами и универсалиями»³⁶. «Линия между тем, что обычно называют абстрактом, и тем, что обычно называют конкретом, кажется мне смутной и капризной»³⁷, — вторит ему Н. Гудмен.

Мы видим, таким образом, что от строгого и ясного различения категорий «предмет» и «признак» зависит исход одной из самых острых философских дискуссий, продолжавшихся весь XX век и не закончившихся сегодня. Трудно назвать философа или логика с мировым именем, который не принял бы в ней участия: Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Ф.П. Рамсей, Н. Гудмен, В. Куайн, Р. Карнап, С. Лесневский, Т. Котарбиньский, А. Черч, И.М. Бохенский, К. Поппер являются авторами наиболее важных исследований по этой проблеме³⁸. Общее же их количество исчисляется сотнями. Это к вопросу о роли философских категорий в современном дискурсе.

На мой взгляд, достаточно строго предметы (первые сущности) и признаки (вторые сущности) различил уже Аристотель. Главным дефинитивным признаком первой

³⁶ *Quine W.V.O.* Logic and Reification of Universals // *Universals and Particulars*. N.Y., 1970. P. 28.

³⁷ *Goodman N.* The World of Universals. Ibid P.16.

³⁸ *Рассель Б.* Проблемы философии. СПб., 1914. Гл. IX, X; *Карнап Р.* Эмпиризм, семантика, онтология // Р. Карнап. Значение и необходимость. М., 1959; *Поппер К.* Эпистемология без познающего субъекта // К. Поппер. Логика и рост научного знания. М., 1983; *Russell B.* On Denotation // *Mind*. 14.1905; *Wittgenstein L.* Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am Main, 1971; *Ramsey F. P.* The Foundations of Mathematics // *Ramsey F. P.* The Foundations of Mathematics and other Logical Essays. Paterson, 1960; *Quine W. V. O.* From a Logical Point of View. Cambridge, 1953; *Bochenski J. M., Church A., Goodman N.* The Problem of Universals. Notre Dam, 1956.

сущности он считает способность существовать отдельно: «Из других родов сущего ни один не может существовать отдельно, одна лишь (первая. — *Г.Л.*) сущность может»³⁹. В качестве примеров первых сущностей Аристотель приводит «животных, растения и их части, а также такие природные тела, как огонь, вода и земля»⁴⁰. Под отдельным существованием он имеет в виду самостоятельное существование первых сущностей в пространстве и времени в качестве целостностей. При этом Аристотель определяет первую сущность не как то, что существует отдельно, а как то, что может существовать отдельно. Следовательно, часть первой сущности, например, ножка стола, — тоже первая сущность: не обладая отдельным существованием реально, она способна к такому существованию. Именно этим она отличается от второй сущности — признака стола, например, его цвета⁴¹. Наделение признака вещи самостоятельным существованием в пространстве и времени называют гипостазированием или реификацией, и считают ошибкой все, за исключением крайних платонистов.

Еще одну разницу между первой и второй сущностью Аристотель выражает так: «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, — это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем, как, например, отдельный человек или отдельная лошадь»⁴². «Она то, что не сказывается о субстрате, но о чем сказывается все остальное»⁴³. Здесь нужны комментарии.

Эти высказывания можно понимать и в грамматическом, и в онтологическом смысле. Первая сущность

³⁹ *Аристотель*. Метафизика. 1028а.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Термин «абстрактная сущность» (или «универсалия») в современной литературе шире, чем аристотелевская «вторая сущность». Этим термином обозначают все, что нельзя назвать первой сущностью (индивидом, конкретом, партикуляром). Сюда относятся не только признаки, но и классы (экстенционально понимаемые признаки), а также бесконечности и даже мысли. В рамках данной главы я буду называть вторыми сущностями только признаки предметов.

⁴² *Аристотель*. Категории. 1028а // Он же. Соч. Т.1. М., 1976.

⁴³ Там же. 1029а.

в грамматическом смысле — это собственное имя, т.е. имя индивидуальной вещи, например, «Буцефал» или «Сократ». В суждении оно может быть только подлежащим. Именно о нем «сказывается все остальное», т.е. все, что заключено в предикате суждения. Первая сущность в онтологическом смысле — это сама отдельная вещь, обозначаемая именем собственным: сам Буцефал или сам Сократ, а «все остальное» — это признаки, которые присущи ей, которые придают ей определенность и в этом смысле сказываются о ней. Итак, вторая сущность сказывается о первой. Обратить эту последовательность невозможно: индивидуальная вещь не может быть признаком признака, не может в этом смысле сказываться о нем. Именно эту асимметрию Аристотель и использует для различения первой и второй сущности⁴⁴.

О том, насколько современными являются эти два критерия, с помощью которых Аристотель отличает первую сущность от второй (предмет от признака, партикуляр от универсалии), говорит следующее рассуждение современного платониста К.А. Бейлиса: «Универсалии — это род сущностей, которые, за исключением конъюнкции взаимно несовместимых сущностей, могут характеризовать, т.е. могут быть воплощены или экземплифицированы. Если они воплощены, мы называем их характеристиками того, что они экземплифицируют. Универсалии тоже имеют признаки. Однако партикуляры хотя и имеют множество признаков, не могут ничего характеризовать»⁴⁵. Разница, как мы видим, чисто терминологическая.

Это наводит меня на следующее методологическое размышление. Современная философия отличается от философии времен Аристотеля, во-первых, предметом анализа (Аристотель не слышал ни о кварках, ни о генах) и, во-вторых, методами исследования. Но в нашем случае ни

⁴⁴ Она сохраняется и при трактовке второй сущности как вида (т.е. класса индивидуальных вещей): индивидуальный предмет входит в вид, обратное же невозможно.

⁴⁵ Baylis C.F. Universals, Communicable Knowledge and Metaphysics // Universals and Particulars. №4. P. 58. (1970).

то, ни другое отличие не работает. Для размышлений о разнице между предметом и признаком Аристотелю и Бейлису вполне достаточно аристотелевских примеров. Апелляция к кваркам и генам продвижению в собственно философском исследовании не будет способствовать, а лишь замаскирует его недостатки. Изыски, например, современного исчисления предикатов или теории систем здесь также бесполезны. Следовательно, разница в результатах исследования Аристотеля и современного мыслителя определяется, во-первых, степенью таланта и, во-вторых, степенью освоенности предмета. В последнем пункте мы катастрофически опоздали. Подобно тому, как в ньютоновской, нерелятивистской механике сегодня невозможно затмить Ньютона, в исследовании классических философских категорий нельзя превзойти классиков: главное сказано. Наша задача — систематизаторская: выловить все, что сказано о категориях классиками философии, и изложить их идеи современным языком, просто, строго, в контексте современных проблем.

Но вернемся к теме. Итак, предмет отличается от признака, во-первых, тем, что способен к самостоятельному существованию в пространстве и времени, и, во-вторых, тем, что, обладая признаками, не может быть ничьим признаком: ни признаком вещи, ни признаком признака. Чем эти два критерия не устраивают современных философов? На каком основании Ф.П. Рамсей утверждает: «Ничто не кроется за тем, что один сорт их (сущностей. — *Г. Л.*) называют индивидами, а других — качествами; оба слова бессмысленны»⁴⁶? Вот его ответ:

«Различие между отдельными вещами и универсалиями выводится из различия между субъектом и предикатом»⁴⁷, следовательно, «вся теория отдельных вещей и универсалий возникла только потому, что важнейшую черту действительности спутали с тем, что является свойством лишь нашего сознания»⁴⁸. Напрашивается естественное возражение: раз-

⁴⁶ Ramsey F.P. The Foundation of Mathematics // Ramsey F.P. The Foundation of Mathematics and other Logistical Essays. Paterson, New Jersey, 1960. P. 132.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Ibid.

личие между субъектом и предикатом суждения не первично. Оно детерминируется объективным различием между вещью и признаком. Рамсей доказал бы свое утверждение, если бы опроверг это очевидное возражение. Но он даже не упоминает о нем. А это делает неработающим и его аргумент.

Конечно, от упрека в неточности не застрахован никто. В принципе его можно сделать, даже не поинтересовавшись, о чем идет речь. Спор о точности или неточности определения приобретает смысл, только если указана задача, для решения которой это определение вводится. В XX веке такой задачей стало разрешение спора между номиналистами и платонистами о реальности абстрактных сущностей. Я утверждаю: двух аристотелевских критериев для решения данной задачи вполне достаточно, при условии, конечно, что о них постоянно помнят. Это бывает не всегда. Объем понятия «предмет» в процессе его использования в повседневном и научном мышлении постоянно расширялся и на каком-то этапе совпал с объемом понятия «объект», т.е. включил в себя и признаки.

Первоначально предметами называли материальные объекты, сравнимые с размером человеческого тела: камень — это предмет, скалу же, а тем более галактику предметом в повседневном смысле назвать трудно. Столь же трудно назвать предметом и электрон. Итак, первоначально предметами называли только макропредметы. Распространение этого термина на микро- и мегаобъекты диктовалось потребностями уже не обыденного, а научного мышления.

В современных работах по логике и математике предметами называют не только первые (конкретные), но и вторые (абстрактные) сущности. Например, «все, что может быть названо» А. Черч называет не объектом, а предметом. В результате термины «предмет» и «объект» становятся синонимами, и вся работа по их различению идет насмарку. Я предлагаю все, что может быть названо, именовать объектами, а объекты, способные к самостоятельному существованию в пространстве и времени — предметами.

Среди предметов особую важность имеют те, что опосредованы человеческим трудом. Для их обозначения существует особый термин — «вещь»⁴⁹. М. Хайдеггер определяет вещь как «продукт человеческой деятельности»⁵⁰. Исторически с понятием «вещь» происходило то же, что и с понятием «предмет»: его объем расширился. Вещами стали называть любые предметы, в том числе и не включенные в человеческую деятельность, а затем и абстрактные сущности. Например, о хорошей песне говорят: «Это вещь!». В итоге термины «предмет», «вещь» и «объект» стали употреблять как синонимы. Для нашего дальнейшего анализа это неприемлемо. Поэтому договоримся о словах. Самым общим термином, применимым к любому нечему, пусть остается «объект». Но поскольку социальная проблематика в этой работе не рассматривается, условимся любой объект, самостоятельно («отдельно») существующий в пространстве и времени, называть и предметом, и вещью. Объекты дихотомически делятся на предметы (вещи) и признаки.

Признак

Как уже подчеркивалось, признак— это объект, существующий только в составе предмета как его характеристика, черта, определенность и не способный, в отличие от части предмета, к самостоятельному существованию в пространстве-времени.

Реальность предметов ни у кого из философов, признающих существование объективной реальности, сомнения не вызывает. А вот реальность признаков номиналисты отрицают. Позицию номиналистов наиболее адекватно выразил один из ведущих номиналистов XX века Т. Котарбиньский, заявивший, что понимает, что такое белый снег, но не понимает, что такое белизна снега. По существу современный спор между номиналистами и платонистами касается не онтоло-

⁴⁹ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. С. 342.

⁵⁰ Чернов В.И. Анализ философских понятий. М., 1967. С. 19.

гии, а языка. Номиналисты не возражают против употребления конкретного термина «белый»; другими словами, они не отрицают существование белых предметов. Отрицают они онтологическую референцию абстрактного имени «белизна», а вместе с ним и всех абстрактных имен вообще. Одно время номиналисты даже пытались полностью устранить абстрактные имена из естественного языка, заменив их конкретными, но языковые монстры, возникавшие в результате такой попытки, вынудили их отказаться от этой затеи.

Итак, что вынуждает номиналистов признавать реальность предметов и отрицать реальность признаков? Для ответа на этот вопрос необходимо, опираясь на определенные выше категории «предмет» и «признак», отличить конкретные имена от абстрактных.

Конкретные и абстрактные имена

Деление понятий или, что не меняет сути дела, имен на абстрактные и конкретные зеркально соответствует онтологическому делению объектов на предметы и признаки. Конкретные имена Д. Ст. Милль определяет как «названия предметов», абстрактные — как «названия признаков»⁵¹. Абстрактные имена, как и обозначаемые ими абстрактные сущности (признаки), современные номиналисты называют универсалиями. Онтологическую референцию абстрактных имен они отрицают с неподражаемым сарказмом: «Когда обычный человек говорит, что нет справедливости, он говорит истину, о которой не подозревает. Никогда не существовало подобной вещи. Справедливость — это фикция, как и ее товарищи — дружба, дисциплина, демократия, свобода, социализм, изоляционизм и умиротворение. Вы не можете указать их референты»⁵².

Итак, абстрактные имена ничему в действительности не соответствуют, не имеют референтов. А обладают ли

⁵¹ Милль Д.С. Система логики. М., 1900. С. 19.

⁵² Hugh W. Semantics. The nature of words and their meanings. N. Y., 1941. P. 159.

онтологической референцией прилагательные: старший, красный, белый и т.д.? Это существенный вопрос. В ответе на него среди исследователей единства нет. Милль считает прилагательные не абстрактными, а конкретными именами: «Джон, озеро, этот стол — это имена вещей; белый есть также название вещи или, вернее, вещей. Напротив, белизна есть название признака, качества или атрибута этих вещей»⁵³. Но так думают не все. Г. Кюнг, например, полагает, что прилагательные «красный», и «бегущий», являются такими же универсалиями, как и «краснота» и «бег»⁵⁴. Эта трактовка перешла в философию из грамматики. Здесь прилагательное определяется как «часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета»⁵⁵, а причастие — как часть речи, обозначающая процессуальный признак. Я считаю, что включение прилагательных в число универсалий лишает спор об универсалиях всякого смысла. Прилагательное и причастие обозначают не признак, которым обладает предмет, а предмет, который обладает признаком. Из трех имен — «квадрат», «квадратный» и «квадратность» — абстрактным является только последнее, только оно задает абстрактный объект⁵⁶, и только оно порождает современную проблему универсалий. В исчислении предикатов ближайшим аналогом конкретного имени является индивидная, а ближайшим аналогом абстрактного — предикатная переменная. Поэтому современные номиналисты отрицают онтологическую референцию не только абстрактных имен, но и предикатных переменных. Чтобы не усложнять анализ, я опущу вопрос об онтологической референции

⁵³ Милль Д.С. Система логики. М., 1900. С. 19.

⁵⁴ Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М., 1999. С. 41.

⁵⁵ Русская грамматика. Т.1. М., 1982. С. 540.

⁵⁶ Очень важно видеть, что универсалиями современные номиналисты считают любые абстрактные существительные, независимо от того, являются ли сингулярными или общими. Соответственно конкретные существительные они не считают универсалиями также независимо от того, сингулярные они или общие: традиционная проблема универсалий остается у них «за скобками».

предикатных переменных⁵⁷ и рассмотрю лишь проблему онтологической референции абстрактных имен.

Рассуждая чисто умозрительно, логику номиналиста можно представить так. Вещь богаче, чем любой ее признак. Следовательно, конкретное имя богаче абстрактного; следовательно, правильнее описывать действительность не в абстрактных, а в конкретных именах; следовательно, причина, вынуждающая номиналистов отрицать онтологическую референцию абстрактных имен, — это их бедность, абстрактность, неполнота.

Но первая посылка этой цепи умозаключений неверна. Конкретное понятие («интеллигент», «квадрат») содержит не больше информации, чем соответствующее ему абстрактное («интеллигентность», «квадратность»). Абстрактный и конкретный термины различаются не богатством содержащейся в них информации, а только способом ее выражения: абстрактный термин «квадратность» обозначает признак, характеризующий предмет, конкретный термин «квадрат» — предмет, характеризующийся этим признаком.

Но если абстрактное имя не беднее, чем конкретное, то почему номиналисты отказывают ему в онтологической референции?

Вспомним о дефинитивном отличии признака от части: часть можно отделить от вещи, признак — нет. А то, что невозможно отделить в реальности, недопустимо отделять и в воображении — вот неявная посылка номинализма. Фраза «Сходство симметрично и транзитивно» наделяет отношение сходства самостоятельным существованием, гипостазировать и, следовательно, реифицирует его. Признак трактуется как предмет. А это недопустимо. Вот почему нужно говорить не о сходстве, а о сходном, не о братстве, а о братьях, не о белизне, а о белом и т.д.

— Но ведь никто из пользующихся абстрактными понятиями не утверждает, что в воздухе плавают сходства, братства, улыбки и т.д.!

⁵⁷ См. об этом: *Левин Г.Д.* Проблема универсалий. Современный взгляд. М., 2005. Гл. 2.

— Это свидетельствует лишь о непоследовательности платонистов. Гипостазирование, реифицирование признаков являются логическим следствием употребления абстрактных имен. Сделать имя признака подлежащим предложения — значит обращаться с ним как с предметом. И если платонисты не видят этого следствия из принятых ими посылок, то это уж их трудности. Чтобы доказать правомерность использования в описании действительности абстрактных имен (и их ближайших аналогов — предикатных переменных), платонизм обязан дать теоретический ответ на вопрос, как возможно их соответствие действительности. К сожалению, в платонистской литературе трудно найти не только ответ на этот вопрос, но даже и его формулировку. Одно из немногих исключений — следующее рассуждение ведущего платониста XX века А. Черча: «Экстремистское требование просто запретить абстрактные сущности во всех случаях идет, вероятно, от желания сохранить связь между теорией и наблюдением. Однако мне кажется произвольным предпочитать, например, видение как метод наблюдения пониманию, поскольку так же, как можно видеть непрозрачные тела, можно понимать или осознавать понятия. Между этими двумя случаями фактически имеется прямая параллель. Именно: в обоих случаях наблюдение достигается не прямо, а через посредство вспомогательных средств — через свет, хрусталики глаз или линзы оптического инструмента и нервную сеть в случае видимых тел; через словесные выражения в случае понятий»⁵⁸. Этой аналогией и исчерпывается анализ механизма онтологической референции абстрактных понятий. Главный же аргумент в защиту платонизма — чисто прагматический: платонисты формулируют на своем языке любые научные рассуждения, на номиналистском же нельзя построить даже элементарную арифметику.

Отсюда — два следствия. Первое после мучительных поисков сформулировали сами номиналисты: вопрос, чему и как в действительности соответствуют абстрактные имена, нельзя

⁵⁸ Curch A. The Need of Abstract Entities in Semantic Analysis // Proceeding of the Arts and Science. 80. Boston, 1955. P. 104.

разрешить отказом от употребления этих имен. Второе содержится в цитированном высказывании А. Черча: соответствие действительности абстрактных понятий неверно понимать как зеркальное, дубликатное. Механизм этого соответствия не менее сложен, чем механизм соответствия предмету зрительного образа. Задача гносеолога как раз в том и состоит, чтобы описать его. Я попытался решить эту задачу на основе интервального подхода. Его суть в следующем: существует интервал, в границах которого отступление наших знаний от зеркального соответствия действительности лишь облегчает исследование, никак не сказываясь на его результатах. Например, в формулировке закона Бойля-Мариотта: «Произведение объема данной массы идеального газа на его давление постоянно при постоянной температуре» — целых четыре абстрактных термина. Оперирование ими никак не сказывается на адекватности нашего понимания этого закона. В принципе их можно заменить конкретными терминами, как братство — братьями, равенство — равным и т.д. Но формулировка закона усложнилась бы от этого настолько, что понять ее было бы практически невозможно. И это не техническая трудность, а принципиальное препятствие для рационального познания. Именно для его преодоления в стихийном развитии естественного языка и сформировались абстрактные имена, а затем и предикатные переменные. За эту уловку пришлось заплатить возникновением современной проблемы универсалий. Но она разрешима, а значение абстрактных имен и предикатных переменных для развития человеческого познания непреходяще.

Предмет и процесс

Деля объекты на предметы и признаки, мы интуитивно понимаем предметы синхронически. Процесс — например, человеческую историю — в этом контексте нельзя назвать предметом. Возникает опасение, что деление объектов на предметы и признаки не является полным, нужна еще одна классификация, в которой предметы выступали бы в паре

с процессами, в число которых входят и движение по кругу, и регресс, и прогресс. Я предлагаю другое решение этой трудности: движение во всех его разновидностях — это признак предмета. Оно обладает главным дефинитивным отличием признака: способно существовать только в составе предмета, не может быть отделено от него. Итак, движение можно назвать объектом и признаком предмета, но не предметом.

Мы разделили объекты на предметы и признаки. Признаки тоже в свою очередь делятся по нескольким обоснованиям: по одному — на качественные и количественные, по другому — на единичные и общие, по третьему — на свойства и отношения. Наша следующая задача — рассмотреть эти три дихотомии.

Глава 7. Качество и количество

Качество

«Качеством, — пишет Аристотель, — называется видовое отличие сущности»⁵⁹. Разберемся. Аристотель, как мы помним, различает первую и вторую сущность. Первая сущность — это индивидуальный предмет, «например, отдельный человек или отдельная лошадь». Каждая первая сущность входит в вид, а вид — в род. У вида есть видовое отличие, т.е. признак, присущий всем его элементам и только им, у рода — родовое. Каждая первая сущность обладает и видовым, и родовым отличием или, что то же самое, признаком. Качество — это признак первой сущности, на основании которого мы включаем ее в вид⁶⁰. Этот признак важен: в определении понятия сначала указывается ближайшее родовое, а затем — видовое отличие сущности, например,

⁵⁹ Аристотель. Метафизика. 1020а.

⁶⁰ Я определяю здесь качество не любой, а только первой сущности, т.е. индивидуального предмета. Распространить сказанное на вторые, третьи и другие сущности — задача чисто техническая.

«человек есть животное разумное». Для родового отличия Аристотель специального термина не предлагает. Разница между видовым и родовым отличием относительна: родовой признак людей — это видовой признак животных. Из аристотелевского определения качества как видового отличия сущности можно вывести еще несколько. Это такой признак объекта, который:

- 1) фиксируется его дефиницией;
- 2) дает предмету определенное имя;
- 3) отражен в видовом содержании его понятия;

Сегодня качество можно определить проще, не через понятия рода и вида, а через понятие класса — как классообразующий признак, т.е. признак, присущий всем элементам класса и только им. Класс может состоять из любого количества предметов, в том числе и из единственного. В этом случае качество будет сингулярным признаком. Следовательно, в определении качества число объектов, которым оно присуще, не учитывается. Из сказанного следует, что у каждого эмпирического объекта существует столько же качеств, сколько имеется классов, в которые он входит. Я, например, вхожу в классы пешеходов, пациентов, преподавателей, философов, россиян и др. Признаки, образующие эти классы, — это мои качества. Данную мысль можно выразить и иначе: у каждого объекта по крайней мере столько же качеств, сколько существует понятий, в объемы которых он входит.

Развитием аристотелевского определения качества является его гегелевская дефиниция: качество — это непосредственная определенность вещи, тождественная с ее наличным бытием⁶¹. Гегель поясняет: «Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть»⁶². Лед (нечто) делает тем, что он есть (льдом) определенное агрегатное состояние воды. Теряя это свое качество, т.е. видовое отличие, он перестает

⁶¹ Гегель. Сочинения. Т.1. М.; Л., 1929. С. 157.

⁶² Там же.

быть тем, что он есть (льдом), но сохраняет родовое отличие и остается водой как химическим соединением.

*Качество и свойство*⁶³

Свойство, как будет детально показано ниже, в философской, теоретико-множественной и логической литературе рассматривается в паре с отношением и трактуется как признак (род), нераздельно принадлежащий одному объекту (видовое отличие); соответственно отношение — как признак, сопринадлежащий нескольким объектам. Следовательно, в роли качества (классобразующего признака) может выступать и свойство, и отношение. Например, признак, который делает женщину матерью, — это ее отношение к собственным детям. Но это и ее качество.

Класс можно разложить на подклассы, под-подклассы и т.д. У каждого из них есть признак, присущий всем его элементам и только им, т.е. качество. В итоге возникают две параллельные иерархии: иерархия классов и иерархия качеств.

Качество и семейные сходства

Как показал Витгенштейн, существуют понятия, такие, например, как «игра», «число», «язык», «элементарная частица», объемы которых представляют собой четко и правильно фиксированные классы, но содержание которых не отражает качества, т.е. признака, присущего всем элементам этого класса и только им. Такое понятие содержит лишь информацию о признаках, присущих отдельным подклассам этого класса. Например, понятие «игра» определяют через указание на признаки, присущие всем играм в мяч, всем играм в карты и т.д. Совпадая, пересекаясь и исключая друг друга, подклассы, задаваемые этими признаками, строго задают класс игр. Можно поэтому сказать, что классическое понятие, определяемое через ближайший род и видовое отличие, задает качество, а понятие, созданное по методу семейных сходств, — нет. При этом понятия, видовые по

⁶³ Анализ точек зрения отечественных философов на соотношение качества и свойства дан в книге: Лукьянов Л.Ф. «Сущность категории “свойство”». М., 1982.

отношению к нему, в нашем примере — понятия «футбол», «преферанс» и другие — являются классическими.

Первичные и вторичные качества

Термин «качество» употребляется не только в аристотелевском смысле, но и как синоним термина «признак», в частности, при делении признаков, воспринимаемых органами чувств, на первичные и вторичные в зависимости от того, насколько адекватно они отражаются органами чувств. Форма тела — первичное качество, его цвет и запах — вторичные. С проблемой качества и количества эта дихотомия связана довольно опосредованно.

Количество

Парная «качеству» категория «количество» используется для различения объектов, неразличимых качественно. Например, все квадраты — это прямоугольники с равными сторонами. Это их качество, внутри которого они неразличимы. Различить их можно только по величине сторон, т.е. количественно. Итак: количество — это признак, по которому различают предметы, неразличимые по качеству, это неоднородность качественно однородных предметов. Количественная неоднородность качественно однородных предметов задается их границами в пространстве и времени. Отсюда третье определение количества: это пространственно-временная определенность качественно однородных явлений.

Аристотель различал два вида количества — множество и величину: «Всякое количество есть множество, если оно исчислимо, а величина — если измеримо. Множеством же называется то, что в возможности делимо на части не непрерывные, величиной — на части непрерывные»⁶⁴. Множество определяется пересчетом, величина — измерением. Если пересчет — рутинная процедура, то разработка методов измерения — чрезвычайно сложная задача, являющаяся предметом целой науки — метрологии.

⁶⁴ Аристотель. Метафизика. 1020а.

Первоначально множество осознавалось, с одной стороны, в понятиях «один» и «много», а с другой, — в понятиях «все» — «не все»; соответственно, величина — в понятиях «больше», «меньше» и «равно».

От количества — множества и величины — важно отличать число, а от числа — цифру. Цифра — это знак, выражающий результат пересчета или измерения. Число — не любое, а познанное, зафиксированное количество — пересчитанное или измеренное.

Очень важно осознать, что деление признаков на качественные и является переkreщивающимся. Класс можно задавать и количественно, например, химические элементы различать по числу протонов в ядре, линии спектра — по длине волны, свойства и отношения — по числу носителей и т.д. Различие между категориями «качество» и «количество» — генетическое: сначала мы выделяем класс по любому (качественному или количественному) признаку, а затем количественными методами различаем объекты, неразличимые качественно.

Мера

Гегель первым обратил внимание на связь качества с количеством. Их единство он называет мерой. Мера «есть определенное количество, с которым связано некоторое наличное бытие или некое качество»⁶⁵. Точнее было бы сказать, что мера связывает не количество с качеством, а количественные изменения с качественными. Количество характеризуется Гегелем как определенность, «не тождественная с самим бытием, а ... снятая или безразличная»⁶⁶. Иными словами, количественные изменения вещи «безразличны» к ее наличному бытию. Но лишь до определенных пределов. Мера как раз и представляет собой интервал, в границах которого предмет, изменяясь количественно, сохраняет свое качество, например, вода, меняя свою температуру, остается жидкостью. При выходе количественных

⁶⁵ Гегель. Там же. С. 184.

⁶⁶ Гегель. Там же. С. 170.

изменений за границы меры происходит смена качества. Переход количественных изменений в качественные — это вызванный количественными изменениями переход предмета от одного видового признака к другому. В свою очередь, качественные изменения оказывают обратное воздействие на количественные. Эта взаимосвязь количественных и качественных изменений носит универсальный характер и фиксируется в законе взаимного перехода количественных изменений в качественные.

Переход количественных изменений в качественные — это переход от одного видового признака к другому. Родовой признак при этом не меняется: нагревание меняет агрегатные состояния воды, но не ее химическую формулу. Дальнейшее нагревание воды приводит к уничтожению и ее более устойчивого родового признака: она распадается на водород и кислород. Чтобы представить и разложение воды на водород и кислород как переход количества в качество, нужно «переключить гештальт»: рассматривать в качестве видового признака химическую формулу воды, а не ее агрегатные состояния.

Постепенность и скачок

Количественные изменения предмета называют постепенными, качественные — скачкообразными. При этом не имеют в виду время, которое они занимают: литр воды можно довести до кипения за секунды, а испарять — год. Количественные изменения постепенны потому, что между двумя количественными состояниями предмета существует множество промежуточных количественных состояний. Между двумя качественными состояниями предмета таких промежуточных, переходных состояний нет: лед переходит в жидкость, а жидкость в пар без промежуточных состояний, т.е. скачком. Когда же мы принимаем во внимание время, за которое определенный объект переходит из одного состояния в другое, мы различаем виды качественных скачков. Быстрый называют скачком со взрывом, медленный — скачком без взрыва. На примере перехода воды из жидкого

состояния в газообразное это понятно. Различение этих двух видов качественных скачков играет важную роль в исследовании социальных процессов. Россия на протяжении своей истории не раз оказывалась жертвой именно скачков со взрывом.

Норма

Норма (от лат. *norma* — руководящее начало, правило, образец) — это частный случай меры, интервал, в границах которого предмет, изменяясь количественно, сохраняет свою способность удовлетворять человеческую потребность, т.е. быть ценностью.

Границы нормы обычно совпадают с границами меры: для воды интервал температур от нуля до ста градусов — это и мера (в нем она остается жидкостью), и норма (в нем она сохраняет способность охлаждать двигатель). В простейшем случае норма является «точечной»: -ча и -ща пишут через «а» во всех случаях. В более сложных различают верхнюю и нижнюю границу нормы, минимум и максимум, например, верхнюю и нижнюю границу нормального артериального давления. От минимума и максимума нормы отличают оптимум, который называют также идеалом. Объект, соответствующий норме, называют нормальным, а объект, соответствующий идеалу, — идеальным. Опираясь на эту дистинкцию, сначала фиксируют идеал, а затем указывают допустимые отступления от него, например, сначала указывают номинальный размер детали, в затем — допуски.

Мера выступает как норма лишь в социальных процессах. В природе, не включенной в человеческую деятельность, есть меры, но нет норм. Устанавливая соответствие предмета или процесса норме, мы осуществляем исследование в границах ценностно-нейтральной науки; устанавливая их соответствие мере, мы переходим в сферу аксиологии.

Соответствовать норме и, следовательно, быть нормальным, может объект, служащий достижению не любой, а лишь благой цели, т.е. объект, включенный в реализацию смысла человеческой истории. Существуют границы, в которых зло,

меняясь количественно, остается злом, но эти границы не называют границами нормы, а само зло — нормальным.

Высказывания, фиксирующие нормы, также называют нормами и исследуют в логике норм. В нормативном высказывании нет побуждения. Оно не принуждает, а лишь информирует о том, «как принято»: родителей уважают, в общественных местах не курят и т.д. Поэтому «можно ... отказаться от мысли о стоящей за нормами «воле» и говорить только об идеальном положении дел, рассматриваемом в нормативном порядке»⁶⁷. Важнейшей проблемой нормативной (деонтической) логики является вопрос об истинности нормативных высказываний. Одни авторы полагают, что эти высказывания могут быть как истинными, так и ложными, другие утверждают, что они стоят «вне категории истины». Трактовка нормы как вида меры позволяет решить эту проблему чисто дедуктивно: всякая мера объективна, следовательно, объективна и любая норма, отличающаяся, разумеется, от суждения, в котором она зафиксирована. Такое суждение может неправильно отражать норму и, следовательно, быть ложным.

Объективно существующую норму важно отличать не только от нормативного высказывания, но и от эталонного объекта, воплощающего, экзemplифицирующего ее, например, от эталонного звука, издаваемого камертоном. Непосредственно нам даны не нормы, а фиксирующие их нормативные высказывания и экзemplифицирующие эти высказывания эталонные объекты. С ними мы и соотносим эмпирические объекты. Такое соотношение называют оценкой, а его результат — оценочным высказыванием. В медицине и технике оценку называют диагнозом, в педагогике — экзаменом, юриспруденции — следствием.

В оценке также нет побуждения, как и в норме. Она констатирует лишь соответствие или несоответствие выделенного объекта норме. Задача привести эмпирический объект, противоречащий норме, в соответствие с ней, ставится в высказываниях третьего типа — прескриптивных.

⁶⁷ Вригт фон Г.Х. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 320.

Существуют эталоны не только для объектов, удовлетворяющих человеческие потребности, т.е. для ценностей, но и для антиценностей, в частности для преступлений. Последние описаны в уголовном кодексе. Соотнося с ними тот или иной проступок, судья назначает наказание. Но эти эталоны так же некорректно называть нормами, как и объекты, соответствующие им, — нормальными.

Глава 8. Свойство и отношение

Итак, объекты мы дихотомически разделили на предметы и признаки, а признаки — на качественные и количественные. Теперь осуществим еще одну дихотомию — разделим признаки на свойства и отношения. Критерий такого деления прост и носит чисто количественный характер: признак, нераздельно принадлежащий одному объекту, называют свойством, а признак, сопринадлежащий нескольким (по крайней мере двум) объектам, — отношением. Например, форма предмета А — это его свойство: она принадлежит ему нераздельно; а сходство формы предмета А с формой предмета В — отношение: оно сопринадлежит предметам А и В так же, как вещь, купленная вскладчину, — купившим ее людям.

На начальных этапах развития философии и логики отношения не отличались от свойств, все признаки трактовались как свойства. Предполагалось, что любой признак принадлежит обладающей им вещи нераздельно. Отсюда следовало, что признаков ровно столько же, сколько и их носителей: квадратностей ровно столько же, сколько и квадратов, интеллигентностей ровно столько же, сколько и интеллигентов и т.д. Именно на этом интуитивном убеждении строились и первоначальная грамматика, и первоначальная логика. Закон противоречия, например, запрещал одновременно приписывать одному и тому же предмету и признак А, и признак не-А. Это приводило к трудностям. Представлялось па-

парадоксальным, например, что дом может быть одновременно и большим, и малым, вода — и чистейшей, и грязнейшей и т.д. Эти парадоксы были разрешены, когда осознали, что отдельный признак может не только принадлежать одному, но и сопринадлежать нескольким объектам.

«Отношение» в число философских категорий включил еще Аристотель. Ему же принадлежит и специальный термин для обозначения отношения — *prosti* (от глагола *pristitemi* — прикладывать, приставлять). Выбором термина Аристотель подчеркивает внешний, прикладной, приставной характер отношения как признака вещи, в отличие от свойства как чего-то ей внутренне присущего. Правда, определяет Аристотель не отношение непосредственно, а явление, находящееся в отношении, т.е. соотнесенное. Из трех переводов его определения на русский язык наиболее адекватный принадлежит А.В. Кубицкому: «Соотнесенным с чем-нибудь является то, что в том, что оно есть само, обозначается зависящим от другого или каким-либо другим способом ставится в отношение к другому»⁶⁸. Мысль, заключенную в этом определении, наиболее адекватно, на мой взгляд, выразил А. Хорват в книге «Метафизика отношений»: «Отношения должны обозначаться через сопринадлежность (*zugehörigkeit*) другим вещам»⁶⁹.

Аристотелевская трактовка отношения как признака, сопринадлежащего нескольким объектам, в отличие от свойства, как признака, принадлежащего одному объекту нераздельно, пережила в XX веке и величайший триумф, и глубокий кризис. Триумф заключается в том, что она лежит в основе теоретико-множественного и логического определения свойства и отношения. В теории множеств свойство отождествляется с классом объектов, которым оно принадлежит, (например, квадратность — с классом квадратных предметов), а отношение — с классом пар, троек и т.д. объектов, которым оно сопринадлежит (например,

⁶⁸ Аристотель. Категории. 6а.

⁶⁹ Horvath A. Metaphisik der Relationen. Graz, 1914. S. 67.

отношение супружества — с множеством супружеских пар). Если философское определение свойства и отношения называют интенциональным, то теоретико-множественное — экстенциональным.

Логика, в отличие от философии, изучает не признаки — свойства и отношения и, в отличие от теории множеств, не классы носителей признаков, а предикаты, в которых описываются свойства и отношения. Предикатом, или пропозициональной функцией, большинство современных логиков называют то, что остается от предложения после замены его логических субъектов пустыми местами или переменными. Например, предложение «Джон любит Джейн» превращается в двухместный предикат «__ любит __» или «х любит у». Он и называется отношением. Предикат с одним свободным местом называют свойством⁷⁰.

Как и всякое нетрадиционное употребление терминов, история которых насчитывает тысячелетия, логические определения свойства и отношения порождают путаницу: определение свойства как одноместного, а отношения — как многоместного предиката часто относят не к языковым выражениям, а к самим объективно существующим признакам. Например, известный логик А.И. Уемов пишет: «Свойство называют предикатом, а соответствующие вещи — местами предиката»⁷¹. Куайн считает ответственным за эту путаницу Б. Рассела⁷². В собственных рассуждениях я буду употреблять термин «место» только в логическом смысле — для обозначения пустого места в предикате. Но в полемике с А.И. Уемовым мне придется употреблять этот термин в его смысле.

Итак, свойство и отношение в философском смысле (признак, принадлежащий одному объекту, и признак, сопринадлежащий нескольким объектам) задают свойство и отношение в теоретико-множественном смысле (множество объектов — носителей свойства и множество n -ок

⁷⁰ Клини С. Математическая логика. М., 1973. С. 94.

⁷¹ Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 58.

⁷² Quine W.V.O. On Universals // Journal of Symbolic Logic. XII (1947) . P. 82.

объектов — носителей отношения) и отражаются в свойствах и отношениях в логическом смысле (одноместных и многоместных предикатах). Несколько забегаая вперед, замечу: отказ различать свойства и отношения по числу носителей с логической необходимостью ведет к отказу и от их логического и теоретико-множественного различения.

О триумфе — достаточно. Теперь — о кризисе. Вот как формулирует его причину А.И. Уемов: «Различие между свойством и отношением не сводится, в отличие от общепринятого, к количеству мест, так что в принципе отношение может быть одноместным, а свойство — многоместным»⁷³. Пример многоместного свойства — любой общий признак: «Всякое общее свойство присуще множеству объектов, и поэтому можно сказать, что оно характеризует их вместе»⁷⁴. Примеров одноместных (унарных) отношений — сколько угодно: самоуправление, самовоспитание, любовь к самому себе и т.д. Представляется очевидным, что все они подходят под определение свойства как признака, нераздельно принадлежащего одному объекту.

Итак, перед нами противоречие между теоретическими определениями отношения и свойства как многоместного и одноместного предикатов и бесспорными эмпирическими примерами унарных отношений и многоместных свойств. А.И. Уемов — один из ведущих отечественных специалистов по проблеме свойств и отношений. И он, как мы видим, решает это противоречие в пользу эмпирических фактов. Разберемся.

Сначала — о многоместных (общих) свойствах. В главе «Единичное и общее» я детально покажу: утверждение, что общее свойство является многоместным в том же смысле, что и отношение, ошибочно. Здесь же я ограничусь лишь доказательством тезиса, что отношение не может быть одноместным.

⁷³ Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. М., 1971. С. 69. Отношение автор определяет как «то, что образует вещь из данных элементов»; Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963. С. 51.

⁷⁴ Спасов Д. О природе отношений // Философские науки. 1972. № 4. С. 138.

Общим или единичным признак вещи делает его сходство или несходство с признаками других вещей. От этих сходств и несходств мы и должны на время абстрагироваться, чтобы выделить отличие свойств от отношений в чистом виде. Говоря, например, что между Иваном и Марьей существует отношение супружества, мы абстрагируемся от вопроса, существует ли такое же отношение еще между кем-нибудь. Признак (и свойство, и отношение), рассматриваемый в абстракции от его сходств и несходств с признаками других объектов, условимся называть отдельным. Сказанное позволяет конкретизировать классическое определение свойства и отношения: отдельный признак, нераздельно принадлежащий одной вещи, называется свойством, отдельный признак, соприналежащий нескольким вещам — отношением.

Теперь — об унарных отношениях, подходящих под определение свойства. Мой тезис: унарных отношений в строгом смысле в реальном мире нет. Существуют высказывания, говорящие о строго унарных отношениях. Они стоят в том же ряду, что и высказывания о кентаврах, вечных двигателях и возникновении из ничего. Существуют квази-унарные отношения (например, самоуправление), которые при строгом анализе оказываются бинарными.

Чтобы обосновать этот тезис, различим основание отношения — *fundamentum relationis*, как говорили средневековые схоласты, и носитель отношения. Отношение *R* предмета *A* к предмету *B* вторично касательно внутреннего содержания *A* и *B*. Причем, и это самое важное, отношение *R* порождается не всем содержанием относящихся предметов, а лишь частью этого содержания: отношение «*A* больше *B*» — размерами *A* и *B*, отношение «*A* тяжелее *B*» — их массами, отношение «*A* дороже *B*» — стоимостями и т.д. Те стороны относящихся объектов, которые непосредственно порождают отношение между ними, и называют основаниями отношения. В приведенных примерах основания отношения принадлежат разным носителям — *A* и *B*. Но ничто не ме-

шает им находится в одном и том же носителе. Например, в самоуправляемом механизме сосуществуют и управляющая, и управляемая части. Таким образом, строго говоря, самоуправление — это бинарное отношение. То же можно сказать и о любви к самому себе. Ведь чувство любви вызвано не самим этим чувством, а какой-то другой стороной индивида. Любовь, порождая сама себя, должна существовать до своего возникновения, а это нелепо. Унарные отношения, которые в терминах оснований отношения можно истолковать как бинарные, условимся называть квазиунарными. Это отношения, у которых носитель один, а оснований — два.

В квазиунарном отношении может находиться не только объект, о котором говорит высказывание, но и само это высказывание, например: *«Данное высказывание напечатано курсивом»*. Это высказывание говорит о самом себе. Следовательно, семантическое отношение «говорит» здесь унарно. Но оно говорит о себе не всем своим содержанием, а лишь своим смыслом. Это первое основание анализируемого отношения. Вторым является форма шрифта, которым это высказывание напечатано. Следовательно, перед нами квазиунарное отношение. Строго унарных отношений в реальном мире нет, есть лишь высказывания о таких отношениях. Настаивание на их реальности ведет к самым катастрофическим последствиям. Во-первых, как уже отмечалось, придется отказаться от определений свойства и отношения, лежащих в основе логики и теории множеств. Во-вторых, придется признать соответствующими действительности такие высказывания о строго унарных отношениях, которые порождают логические и семантические парадоксы. Как известно, их открытие в начале XX века породило третий, продолжающийся и поныне, кризис оснований теории множеств⁷⁵. Классический пример выражения, задающего строгую самоотнесенность — предложение «Данное высказывание ложно». Как известно, оно порождает

⁷⁵ Френкель А., Бар-Хиллел И. Основания теории множеств. М., 1966. Гл. 1.

обсуждающийся вот уже 25 веков парадокс «лжец». Чтобы избавиться от него, А.Тарский и Б.Рассел запрещают всякую самоотнесенность, как строгую, так нестрогую. Такой запрет вызывает серьезные возражения. К.Поппер формулирует их в виде следующего диалога:

«*Сократ.* Не можем ли мы, скажем, издать закон, запрещающий любой сорт самоотнесенности, прямой или косвенной и тем очистить наш язык от парадоксов?

Тезет. Мы можем, конечно, сделать такую вещь, но язык, для которого мы издадим этот закон, уже не будет нашим обычным естественным языком: искусственные правила создают искусственный язык»⁷⁶.

И действительно, запрет ставить в отношения к самим себе как языковые выражения, так и задаваемые ими абстрактные объекты, привел бы к существенным ограничениям в грамматике (например, к запрету возвратных глаголов и местоимений) и в логике (например, к отказу от классификации отношений по признаку рефлексивности). Запрет же только тех выражений, которые задают строгую самоотнесенность, приведет наши рассуждения в строгое соответствие с классическим определением отношения и не нанесет никакого вреда выразительным возможностям нашего языка — как естественного, так и искусственного. Впрочем, эти запреты давно работают в естественном языке. Ведь когда мы говорим: «Иванов выше всех в классе», мы же не утверждаем, что он выше и самого себя⁷⁷.

Итак, классическое, идущее от Аристотеля различение свойств и отношений по числу носителей не только лежит в основе современной логики и теории множеств, но и участвует в разрешении логических и семантических парадоксов, породивших кризис оснований математики.

Но вернемся к теории отношений, развиваемой А.И. Уемовым. Традиционному определению отношения он

⁷⁶ Popper K.R. Self-reference and meaning in ordinary language // Mind. Vol. LXII. № 250. P. 167.

⁷⁷ Подробнее см.: Левин Г.Д. Диалектика и парадоксы теории множеств // Вопросы философии. № 12. 1981.

противопоставляет следующее: «Отношением будет называться то, что образует вещь из данных элементов»⁷⁸. Я принимаю это определение при условии, что вещь понимается достаточно абстрактно: как все, что состоит из элементов. Легко заменить, что оно не противоречит определению отношения как признака, принадлежащего нескольким объектам. Ведь самым фактом этой принадлежности отношение в определенном смысле объединяет предметы в новый предмет. Так, сходство по классообразующему признаку объединяет предметы в такую в высшей степени эфемерную вещь, как класс.

Однако в такой «исхоженной» области, как философские категории, практически невозможно дать определение, которое до этого никому не приходило бы в голову. Не ново и предлагаемое А.И. Уемовым определение отношения: оно фактически совпадает с определением структуры. Это естественно: «Все структуры, рассматриваемые изнутри, являются, в сущности, отношениями»⁷⁹. Отсюда, кстати, следует, что теория отношений — это ключ к теории структур и систем.

И последнее. Из различения свойств и отношений по числу носителей следует, что разница между ними относительна. Любое отношение можно представить как свойство. Все зависит от того, что мы берем в качестве носителя признака: для мужа супружество — отношение, для семьи в целом — свойство.

Итак, мы разделили признаки по одному основанию на качества и количества, а по другому — на свойства и отношения. По третьему основанию их делят на единичные и общие. Из истории философии известны три теории общего: теория сходства, теория тождества и теория связи. И сходство, и тождество, и связь — это отношения, а обозначающие их понятия — важнейшие философские категории. Для профессионального анализа трех теорий общего эти категории необходимо проанализировать со всей тщательностью.

⁷⁸ Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. С. 51.

⁷⁹ Hartman N. Der Aufbau der realen Welt. Berlin, 1940. S.278.

Глава 9. Тожество и сходство

Постановка проблемы

Исследованию тождества (identity) посвящена обширная литература⁸⁰; работ, посвященных сходству (similarity, resemblance, likeness, sameness), значительно меньше⁸¹; исследований взаимосвязи этих двух отношений я не встречал.

Это легко объяснить, если принять, что «тождество» и «сходство» («одинаковость») — синонимы. Нередко так и думают. Вот пример: «Абстракцией отождествления называют процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов и одновременного выделения *одинаковых, тождественных* их свойств»⁸² (курсив мой. — Г. Л.). Для трактовки «тождества» и «сходства» как синонимов есть определенные основания. «Тожество» выступает в паре с «различием», «сходство» — также. Отсюда чисто логически следует, что «тождество» и «сходство» — это два названия

⁸⁰ Вот лишь несколько работ из многих десятков: *Black M.* The identity of indiscernibles // *Mind*. 1952. 51. P. 53–64; *Geach P.T.* Identity // *Review of Metaphysics*. 1967. 21. P. 3–12; *Griffin N.* Relative Identity. N.Y., 1977; *Kripke S.* Identity and Necessity, in M. Munitz, (ed.), *Identity and Individuation*. N.Y., 1971; *Lowe E.J.* What is a criterion of identity? // *Philosophical Quarterly*. 39.1989. P.1–29; *Noonan H.W.* Relative Identity, in B. Hale and C. Wright (e., ds.) *A Companion to the Philosophy of Language*, Oxford, па-бот Blackwell, 1997; *Wiggins D.* Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford, 1967; 1980; *Yablo S.* Identity, Essence and Indiscernibility // *Journal of Philosophy*. 1987. 84. P. 293–314; *Васюков В.Л.* Тожество // Новая философская энциклопедия. Т. 4; *Новоселов М.М.* Абстракция в лабиринтах познания. М., 2005. Гл. 5, 6.

⁸¹ Здесь нужны уточнения. Тожество — это всегда тождество. Сходств же (соответственно, различий) ровно столько же, сколько и признаков, по которым вещи сходны или различны. В русском языке для обозначения и сходства вообще, и видов сходства существует целый арсенал терминов: «сходство», «одинаковость», «равенство», «эквивалентность», «конгруэнтность», «подобие», «гомологичность», «толерантность», «аналогичность», «изоморфизм», «гомоморфизм» и др. Произвол в их определениях и трактовке их соотношения чисто художественный. Чаше всего авторы, употребляющие эти термины, либо не различают тождество и сходство, либо различают их очень нечетко. Этот упрек я отношу и к интересной книге Ю.А. Шрейдера «Равенство, сходство, порядок» (М., 1971) и к не менее интересной главе «Исчисление предикатов с равенством» книги «Математическая логика» С. Клини (М., 1973).

⁸² *Горский Д.П.* Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961. С. 24.

для отношения, противоположного различию. Однако на прямой вопрос, верно ли это умозаключение, прямого утвердительного ответа я не встречал. Обычно начинаются уточнения: существует множество видов сходства; тождество занимает среди них особое место: это абсолютное, неразличимое сходство. Б. Рассел приводит следующий контрпример такому пониманию тождества: один из двух неразличимо сходных близнецов потерял на войне глаз, руку и ногу. Он стал меньше похожим на себя прежнего, чем его уцелевший брат. И, тем не менее, мы отождествляем с ним прежним именно его, а не его брата. С определением тождества как абсолютного сходства явно ничего не получается.

Но если тождество — это не сходство и не вид сходства, то что это такое?

— Послушайте, какое это имеет значение? Оставьте эти мелочные дистинкции, займитесь настоящими философскими проблемами! — Такова третья, пожалуй, самая распространенная точка зрения на соотношение тождества и сходства (наряду с трактовкой тождества как сходства и как вида сходства). Она порождена двумя причинами. Во-первых, желанием сохранить лицо при отказе обсуждать трудную проблему. Во-вторых, действительным непониманием ее фундаментального философского смысла.

Мой тезис: констатируя тождество объектов, мы приводим свои рассуждения в соответствие с законами сохранения, констатируя их сходство, — в соответствие с материальным единством мира. Другими словами: категория тождества отличается от категории сходства так же фундаментально, как принцип сохранения от принципа материального единства мира.

Но обоснование этого тезиса лишь первая задача главы. Вторая и более трудная — показать глубокую мудрость, содержащуюся и в отождествлении тождества со сходством, и в трактовке тождества как абсолютного сходства, и во взгляде на дискуссию об их соотношении как на мудрствование по пустякам. Но решить эту вторую задачу можно, лишь показав, в чем на самом деле сходны,

в чем различны, и как взаимосвязаны эти два отношения⁸³. С этого и начнем.

Введем дистинкцию, которая определит всю структуру главы и не раз пригодится нам в дальнейшем: отличим тождество и сходство в эмпирическом мире от тождества и сходства в теоретическом. Первые существуют между реальными, эмпирическими объектами, вторые — между объектами, созданными нашим воображением: одно дело — тождество Утренней и Вечерней звезды, другое — тождество равностороннего и равноугольного треугольников. Это разные отношения, и говорить о них как об одних и тех же — значит лишать обсуждение всякого смысла. Сначала я рассмотрю отношения тождества и сходства, существующие между эмпирическими объектами, локализованными в реальном пространстве времени.

Тождество и сходство в эмпирическом мире

«Тождество возможно только между вещью и ею самой»

Сначала договоримся о терминах, парных «тождеству» и «сходству». Отношение, противоположное сходству, условимся называть несходством или различием. Отношение, противоположное тождеству, будем называть нетождеством. «Положительного» термина для его обозначения я не нашел. Называть нетождество различием — значит возвращаться к спутыванию тождества со сходством.

Первым отношение тождества проанализировал Платон. Он включил его в первую в истории философии систему категорий: *бытие, тождество, различие, движение и покой*⁸⁴. Он же высказал и мысль, что тождество и сходство — качественно различные отношения. Анализируя соотношение бытия, покоя и движения, он пишет: «Каждый из них

⁸³ Сказанным определяется мое отношение к работам, трактующим тождество как сходство или как вид сходства. Использовать их для анализа проблемы — то же самое, что пользоваться вычислением, в котором арифметическая ошибка сделана в самом начале.

⁸⁴ Платон. Софист // Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1970. 254с–259б.

есть иное по отношению к остальным двум и тождественное по отношению к себе самому»⁸⁵ (курсив мой. — Г.Л.). М. Хайдеггер построил на этом тезисе Платона собственную теорию тождества и сходства⁸⁶. Г. Фреге следующим образом обобщает тезис Платона: «Тождество возможно только между вещью и ею самой»⁸⁷. Две вещи тождественными быть не могут по определению. Между ними существует противоположное тождеству отношение нетождества. В отношении сходства вещь может находиться и к себе самой, и к другим вещам. Таково первое различие между тождеством и сходством. Но вернемся к тождеству.

Рассуждая чисто умозрительно, можно различить два отношения вещи к самой себе и, соответственно, два вида тождества: синхроническое и диахроническое. В первом случае предмет А в момент времени t_1 тождествен самому себе в тот же самый момент времени t_1 , во втором — предмет А в t_1 тождествен самому себе в t_2 . Сомневающихся в реальности синхронического тождества я не встречал. Вопрос же о реальности диахронического тождества дискутируется по крайней мере со времен Гераклита. Сначала разберемся с реальностью синхронического тождества.

Существует ли синхроническое тождество? Иначе говоря, существует ли тождество объекта А в t_1 ему самому в t_1 ? Утвердительный ответ на этот вопрос представляется очевидным. Писано, однако же, есть: «Бойся очевидности!». Чтобы убедиться в мудрости этого предостережения, сопоставим утверждение о реальности синхронического тождества с другими, не менее очевидными философскими положениями.

1. Формула «А в t_1 тождественно А в t_1 » не является результатом исследования действительности. С ней можно согласиться, даже не поинтересовавшись, о чем идет речь.

⁸⁵ Платон. Софист // Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1970. 254а.

⁸⁶ Хайдеггер М. Тождество и различие. М., 1997. С. 5.

⁸⁷ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8. С.180.

Она не содержит никакой информации о мире. Естественно, что и дедуцировать из нее невозможно ничего, кроме тавтологии. Это не смысловое, а чисто языковое образование. Утверждение о тождестве имеет смысл, только когда предмет в t_2 сопоставляется с предметом в t_1 , подобно тому, как и утверждение, что тело движется, имеет смысл, только когда его скорость отлична от нуля. Предложение о синхроническом тождестве является результатом вырождения предложения о диахроническом тождестве. Это вырождение происходит, когда t_2 сливается с t_1 .

В защиту утверждений о синхроническом тождестве можно сказать, что они безвредны. Но занимать место и ничего не делать — тоже вред.

2. В диахроническом тождестве проявляется закон сохранения: тождество объекта A в t_1 ему самому в t_2 означает, что объект A не возникает из ничего и не превращается в ничто, а сохраняется во времени. Тождество объекта A в t_1 ему самому в t_1 никак не связано с этим законом. Его не станет отрицать и тот, кто считает, что предметы могут возникать из ничего и превращаться в ничто.

3. Синхроническое тождество — это строго унарное отношение. Никакими дистинкциями истолковать его как бинарное нельзя. Следовательно, мы перед выбором: либо сохранить философское определение отношения как признака, сопринадлежащего нескольким объектам, и основанные на нем теоретико-множественное и логическое определение отношения, — и тогда, чтобы быть последовательным, отрицать объективную реальность синхронического тождества, либо признать реальность последнего и тогда, чтобы быть последовательным, отрицать корректность всех этих трех определений. Любопытно, что подавляющее большинство исследователей просто отмахивается от этой альтернативы. Мне известно только одно исключение: А.И. Уемов, как было показано выше, не только указал на несовместимость классического определения отношения с признанием реальности унарных отношений, но и постро-

ил теорию свойств и отношений, основанную на признании их реальности⁸⁸.

4. В строго унарное отношение можно мысленно поставить как объект, задаваемый предложением, так и само это предложение. Большинство таких предложений безвредно, но некоторые, например: «Данное предложение ложно», порождают парадоксы. Теория типов Б. Рассела запрещает предложения, говорящие как о самих себе, так и о внелингвистических объектах, находящихся в отношениях к самим себе. Под этот запрет подходят и предложения, говорящие о синхроническом тождестве.

Итак, высказывания о синхроническом тождестве:

- 1) не несут никакой информации;
- 2) не являются формой осознания закона сохранения;
- 3) несовместимы с классическим определением отношения;

4) входят в класс предложений, порождающих парадоксы и запрещаемых теорией типов.

На этих четырех основаниях я утверждаю: в эмпирическом мире (я не говорю пока о теоретическом) синхронического тождества не существует. Существует только синхроническое сходство нетождественных объектов, например, двух близнецов, но о нем — позже.

Существует ли диахроническое тождество?

Отрицательный ответ именно на этот вопрос Гераклит дает в знаменитом афоризме «В одну и ту же реку нельзя войти дважды»⁸⁹. Иными словами: река в момент t_2 не тождественна реке в момент t_1 , а сходна с ней. Отрицание диахронического тождества не означает отрицания закона сохранения: вода, которая заполняла русло реки в t_1 , не превратилась в ничто, а вода, заполнившая его в t_2 , не возникла из ничего. Но это другая вода, она не тождественна предыдущей. Ошибка обыденного сознания заключается в том, что ее сходство с водой, заполнявшей русло реки в мо-

⁸⁸ Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. М., 1963.

⁸⁹ Фрагменты Гераклита // Материалисты древней Греции. М., 1955. С. 49.

мент t_1 , принимается за тождество. Против этой-то ошибки и направлен афоризм Гераклита.

Лейбниц, первым увидевший в афоризме Гераклита постановку и решение проблемы диахронического тождества, соглашается с ним, но с существенной оговоркой: «теми же самыми лишь по видимости, а не в строгом смысле слова»⁹⁰ остаются во времени только неодушевленные предметы. Одушевленные остаются тождественными на самом деле.

Почему Лейбниц отрицает диахроническое тождество неодушевленных предметов? Он отвечает на этот вопрос анализом легенды о корабле Тесея: афиняне постоянно ремонтировали этот корабль и в конце концов заменили все его части. Лейбниц утверждает, что после этого он перестал быть тождественным тому кораблю, на котором Тесей приплыл в Афины, а стал лишь сходным с ним — ситуация та же, что и с рекой Гераклита. Материя корабля (как и вода в реке) стала не той же, а лишь такой же, что и прежде. При этом Лейбниц, как и Гераклит, не утверждает, что материя, из которой корабль состоял в t_1 , превратилась в ничто в t_2 , а материя, из которой он состоял в t_2 , возникла из ничего. Просто она не сохранилась в составе корабля, в его пространственных границах.

Но почему, отрицая диахроническое тождество неодушевленных предметов, Лейбниц считает возможным «признать одним и тем же человеком зародыш и взрослого человека»⁹¹? Ведь тело человека полностью обновляется еще быстрее, чем корабль Тесея, — каждые пять лет. Вот его ответ: человек «остаётся совершенно тем же самым индивидом благодаря... душе или ... духу, составляющему у мыслящих субстанций их «я»⁹². Заметьте принципиальную деталь: Лейбниц отходит здесь от трактовки разновременного тождества как вещественного, телесного, и говорит о тождестве души или духа. Но ведь согласно еще Аристотелю, «душа есть ... форма, а не

⁹⁰ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. С. 232.

⁹¹ Там же. С. 233.

⁹² Там же. С. 232.

материя и не субстрат»⁹³. А форма — также по Аристотелю — это то, что образует вещь из ее материи, например, корабль Тесея — из его деталей. Современный исследователь назвал бы эти детали элементами, то, что образует из них корабль, — структурой, а сам корабль — системой. После замены всех элементов корабля его субстратное тождество исчезло, точно так же, как и субстратное тождество гераклитовской реки. Здесь Лейбниц прав. Но сохранилось структурное тождество корабля (как, кстати, и структурное тождество реки). Это и позволяет утверждать, что корабль остается тождественным самому себе во времени в том же смысле и по той же причине, что и человек, несколько раз на протяжении своей жизни полностью обновляющийся материально. Оба, в полном соответствии с принципом сохранения, остаются тождественными самим себе во времени, но не как субстраты, а как структуры или, что не меняет сути дела, формы.

Чтобы закрыть тему, подчеркну, что законы сохранения распространяются не только на материю и форму, но и на движение: оно тоже не возникает из ничего и не превращается в ничто. Это позволяет различать три вида диахронического тождества: материальное, формальное и тождество движения. Например, то движение, которым обладает Солнечная система сегодня, было не таким же самым, а именно тем же самым миллион лет назад.

*Диахроническое тождество
и закон возрастания энтропии*

Согласно закону возрастания энтропии, абсолютное тождество предмета в t_1 самому себе в t_2 невозможно: полностью во времени не сохраняется ни материя, ни форма, ни движение предмета. Имеет смысл говорить лишь о его частичном диахроническом тождестве?⁹⁴ Его констатация — один из способов привести наши рассуждения в соответствие с законом сохранения.

⁹³ Аристотель. О душе. М., 1937. С. 41.

⁹⁴ Иногда частичным тождеством называют сходство одновременно существующих нетождественных объектов, например, двух братьев. Это классическое спутывание тождества со сходством.

При констатации тождества встречаются две противоположные ошибки. Первая имеет место, когда, например, двух близнецов принимают за одного и того же человека (излюбленный сюжет комедий), а вторая — когда, например, Утреннюю звезду и Вечернюю звезду принимают за две разные планеты. В первом случае имеет место отождествление нетождественного, во втором — разотождествление тождественного. Эти две противоположные ошибки позволяют увидеть роль, которую в познании и в практической деятельности играет правильное отражение отношений тождества и нетождества. Для этого представим себе невозможное: действительность каждый раз приходит в полное соответствие с нашими утверждениями о ней. Чтобы она соответствовала принятию нами двух близнецов за одного и того же человека, один из них должен исчезнуть, превратиться в ничто, в мире должна исчезнуть масса, равная массе одного из близнецов. Чтобы стало соответствовать действительности утверждение, что Утренняя звезда и Вечерняя звезда — это две нумерически различные планеты, в универсуме должна возникнуть из ничего масса, равная массе Венеры. Иными словами, ошибаясь в отражении отношений тождества и нетождества, мы приводим свои рассуждения в противоречие с законами сохранения, которые в объективной действительности имеют непреложный характер.

Чтобы избежать этой ошибки, необходимо прежде всего соблюдать логический закон тождества: $A = A$. Он не запрещает в рамках одного рассуждения обозначать один и тот же эмпирический объект разными сингулярными терминами, скажем, «утренняя звезда» и «вечерняя звезда», но категорически исключает обозначение одним и тем же сингулярным термином нетождественных, нумерически различных объектов.

Сказанного о тождестве достаточно для того, чтобы обратиться к анализу сходства.

Сходство и материальное единство мира

Принцип единства мира или принцип монизма лежит в основе двух философских систем — материализма и идеализма. Плюрализм его отрицает. Первоначально принцип единства мира формулировался в двух положениях:

- 1) все нетождественные вещи сходны;
- 2) каждая вещь связана с каждой.

От второго положения вынудил отказаться тот факт, что любое воздействие распространяется в пространстве с конечной скоростью, и, следовательно, время существования данной вещи может оказаться короче, чем время, за которое до нее дойдет воздействие другой вещи. Сегодня принцип монизма звучит так: все нетождественные вещи, как одновременные, так и разновременные, сходны; их сходство является необходимым условием их связи. Иначе говоря: существует сходство без связи, но связь без сходства невозможна.

А можно ли говорить о сходстве тождественных объектов?

Этот вопрос нужно разделить на два.

1. Существует ли с синхроническое сходство тождественных объектов, т.е. сходство объекта A в t_1 с объектом A в t_1 ?
2. Существует ли с диахроническое сходство тождественных объектов, т.е. сходство объекта A в t_1 с объектом A в t_2 ?

Здесь же возникает и третий вопрос: является ли сходство тождественных объектов формой проявления материального единства мира?

Обозначим отношение сходства символом « $\approx$ ». В логике это отношение наделяют тремя признаками: рефлексивностью: $A \approx A$ (любой объект сходен с самим собой), симметричностью: $A \approx B \rightarrow B \approx A$ (если A сходно с B , то B сходно с A) и транзитивностью: $A \approx B \ \& \ B \approx C \rightarrow A \approx C$ (если A сходно с B , а B — с C , то A сходно с C).

Некоторые авторы отрицают транзитивность сходства: из того, что A сходно с B по форме, а B с C — по цвету, не следует, что A сходно с C по цвету или по форме.

На мой взгляд, здесь не учитывается различие между сходством и толерантностью, тщательно проанализированное Ю.А. Шрейдером⁹⁵. Если принимать во внимание только носители отношения, сходство от толерантности отличить невозможно. Разница между ними становится очевидной, если учитывать и основания отношений. Если у $A = B$ и $B = C$ основания одинаковые (скажем, форма), перед нами отношения сходства, если разные (в первом случае — форма, во второй — цвет) — отношения толерантности, которые, строго говоря, неправомерно обозначать символом « $=$ ».

Итак, сходство, если его не путать с толерантностью, симметрично и транзитивно. Единственное, что я отрицаю со всей решительностью, это рефлексивность сходства: сходства объекта A в t_1 с объектом A в t_1 так же не бывает, как и тождества объекта A в t_1 с объектом A в t_1 . В защиту этого тезиса я привожу те же четыре аргумента, что и в защиту тезиса о несуществовании синхронического тождества: 1) высказывание о таком сходстве не несет информации: с ним можно согласиться, даже не поинтересовавшись, о чем идет речь; 2) оно представляет собой строго унарное отношение, реальность которого исключается классическим определением отношения; 3) предложения о таком сходстве входят в класс предложений, порождающих парадоксы и запрещааемых теорией типов; 4) оно не является формой проявления единства мира — такое сходство признает и плюралист⁹⁶.

Исходя из этой посылки, можно предположить существование трех видов сходства:

1) сходства одновременных нетождественных объектов (например, двух близнецов);

2) сходства разновременных нетождественных объектов (например, прошлогоднего наводнения с нынешним);

3) сходства разновременных тождественных объектов (например, современной Земли с Землей, существовавшей в прошлом веке).

⁹⁵ Шрейдер Ю.А. Равенство, сходство, порядок. М., 1971.

⁹⁶ Сходства делятся на качественные и количественные. Количественное сходство называют равенством. Для математики большой проблемой является отлучение равенства математических объектов от их тождества.

Последний вид сходства рассмотрим позже. Сейчас обратимся к соотношению сходства и несходства одновременных нетождественных объектов.

Принцип различия нетождественных

Различив тождество и сходство, соответственно, нетождество и несходство с помощью принципов сохранения и монизма, мы получили возможность поставить вопрос, который без этого различения не имеет смысла: как взаимосвязаны тождество и сходство? Ответ на этот вопрос состоит из двух частей, каждая из которых является, по выражению Лейбница, «великим принципом подлинной метафизики». Первая известна как принцип единства мира: все нетождественные объекты сходны. Иными словами, в реальном, эмпирическом мире нет абсолютно различных нетождественных объектов. Еще раз другими словами: нетождество и сходство неразделимы.

А можно ли разделить нетождество и различие? Существуют ли абсолютно сходные нетождественные объекты? Утвердительный ответ на этот вопрос представляется очевидным. И снова: «Бойся очевидности!» Лейбниц высказывает на этот счет тезис, сравнимый по значимости с принципом монизма: «Хотя существует много вещей одного и того же рода, однако никогда не бывает совершенно одинаковых вещей»⁹⁷. Видимо, не без влияния Лейбница ганноверская принцесса София «сказала однажды на прогулке в своем саду, что она не верит в существование двух совершенно одинаковых листков. Один остроумный дворянин из ее свиты заметил, что их нетрудно было бы найти, но хотя он очень усердно искал их, однако должен был убедиться собственными глазами, что в них всегда можно найти какое-нибудь различие. Соображения эти, которыми до сих пор пренебрегали, показывают, как далеко отошли в философии ... от великих принципов истинной метафизики»⁹⁸ (курсив мой. — Г.Л.).

⁹⁷ Лейбниц Г.В. Цит. соч. С. 230.

⁹⁸ Лейбниц Г.В. Цит. соч. С. 231–232.

Итак, положение «Никогда не бывает совершенно одинаковых вещей» — такой же великий принцип подлинной метафизики, как и положение «Никогда не бывает совершенно различных вещей», известный как принцип монизма. Лейбниц характеризует первое из этих положений как «внутренний принцип различия»⁹⁹. Почему внутренний? Дело в том, что внешнее различие одновременных нетождественных объектов — по положению в пространстве — признавали и философы до Лейбница, в частности Д. Локк. Лейбниц утверждает нечто большее: нетождественные объекты различны, даже если абстрагироваться от их положения в пространстве и учитывать только внутреннее содержание.

Подчеркну еще раз со всей определенностью: и принцип схождения нетождественных, и принцип различия нетождественных объектов имеют смысл лишь для тех, кто признает качественную разницу между сходством и тождеством, (соответственно несходством и нетождеством). Для тех, кто отрицает ее, принцип схождения нетождественных звучит как противоречие: все несходные объекты сходны, а принцип различия нетождественных — как тавтология: все различные объекты различны.

Ни один из этих двух принципов нельзя доказать индуктивно: для этого пришлось бы перебрать все бесконечное множество объектов. Эти принципы являются предметом философской веры, которая базируется на том факте, что за всю историю познания не было обнаружено ни абсолютно сходных, ни абсолютно различных нетождественных вещей. Напрашивается возражение: мы познали лишь ничтожную часть универсума, и нет никакой гарантии, что в оставшейся его части и те и другие не будут обнаружены. На этом возражении основана философская вера и плюралистов, отрицающих единство мира, и тех мыслителей, которые вместе с остроумным дворянином из свиты принцессы Софии не видят ничего противоестественного в существовании неразличимо сходных нетождественных объектов, например,

⁹⁹ Там же.

двух абсолютно одинаковых листков или двух абсолютно одинаковых атомов. При этом отрицание реальности неразличимых объектов не противоречит признанию того факта, что мы не можем их различить.

И принцип сходства, и принцип различия нетождественных относятся как к одновременным, так и разновременным объектам. Сказанного здесь о них достаточно для того, чтобы обсудить вопрос о сходстве и различии тождественных объектов.

*Можно ли пренебречь разницей
между тождеством и сходством?*

Итак, первая задача главы решена: показано принципиальное, качественное отличие тождества эмпирических объектов от их сходства, а также взаимосвязь и взаимообусловленность этих двух отношений. Это позволяет приступить к решению в определенном смысле противоположной задачи: выявить условия, в которых этой принципиальной, качественной разницей можно пренебречь.

Рассмотрим житейскую ситуацию: я затягиваю болт не той гайкой, которой он был затянут прежде, а такой же. В принципе я могу найти именно ту гайку, но это никак не скажется на результатах работы, а лишь затянет ее. В этой конкретной практической ситуации разница между тождеством и сходством мне совершенно безразлична, и анализ ее я вполне могу, вместе со своими оппонентами, назвать мудрствованием по пустякам. Но при выходе за границы этой ситуации игнорирование этой разницы может стать серьезной ошибкой и даже преступлением, например, если хранитель музея проигнорирует разницу между той же самой и такой же самой картиной.

Принцип тождества неразличимых

Из положения, что между нетождественными объектами всегда существует какое-нибудь различие, чисто логически следует, что неразличимы только тождественные объекты. Следовательно, если объекты неразличимы, значит, они тождественны. Это положение известно как принцип или закон Лейбница. Этот закон по разному трактуется

в эмпирическом и теоретическом познании. Обсудим его эмпирический смысл.

Сначала — о понятии «неразличимость». Различение — гносеологическая процедура, акт сознания. Объекты могут быть неразличимыми и потому, что различия между ними нет на самом деле, и потому, что я не могу его обнаружить. Будем понимать здесь неразличимость в первом смысле.

Закон Лейбница прекрасно работает при констатации синхронического тождества: любой объект, рассматриваемый в данное время и в данном отношении, конечно же, неотличим от самого себя, рассматриваемого в то же время и в том же отношении. Отсюда умозакljučают, что он тождествен самому себе. Но для констатации синхронического тождества никакой критерий не нужен. Тавтологии не нужны ни в доказательствах, ни в критериях истинности. Критерий нужен для констатации тождества разновременных объектов, например, человека, потерявшего на войне глаз, руку и ногу, с ним самим довоенным.

И здесь обнаруживается принципиальная гносеологическая проблема, которую можно увидеть, лишь приняв, что тождество и сходство — качественно различные отношения. Дело в том, что тождество или нетождество разновременных объектов непосредственно констатировать нельзя. Можно заметить лишь сходство и несходство между ними: я могу увидеть, что монета, показанная мне в t_1 , сходна с монетой, показанной мне в t_2 , но увидеть, что они тождественны или, наоборот, нетождественны, я не в состоянии. Переход от утверждения о сходстве или несходстве разновременных объектов к утверждению об их тождестве или нетождестве — такой же творческий акт, как и переход от утверждения о временной последовательности явлений к утверждению о причинной связи между ними.

Итак, для утверждения о тождестве разновременных объектов нужен критерий. В роли именно такого критерия и предлагается принцип тождества неразличимых: если разновременно наблюдаемые объекты неразличимы, значит,

они тождественны. Но попытка применить его к разновременным эмпирическим объектам приводит к тезису Гераклита: такого тождества не существует. Объекта A в t_2 отличен от объекта A в t_1 просто в силу закона возрастания энтропии. Напрашивается вывод, что для эмпирического исследования принцип тождества неразличимых либо бесполезен (при констатации синхронического тождества), либо ложен (при констатации тождества диахронического). Это чисто теоретический принцип, применимый лишь к объектам, созданным нашим воображением. Разберемся.

Любой индивидуальный предмет A , локализованный в пространстве и времени, обладает признаками, как сходными с признаками других предметов, так и отличными от них. Сходство предмета A в t_1 с предметом A в t_2 по общим признакам не является критерием их тождества. Таковым является лишь их сходство по уникальным, неповторимым признакам, например, по папиллярному узору на подушечках пальцев, радужной оболочке глаза, генетическому коду и т.д. Итак, вот формулировка принципа тождества неразличимых для эмпирических объектов: неразличимость разновременных индивидуальных объектов по уникальным признакам является критерием их тождества. Согласно принципу различия нетождественных, уникальные признаки есть у любого эмпирического предмета. Задача исследователя — найти их сначала у предмета, рассматриваемого в t_1 , а затем — у предмета, рассматриваемого в t_2 .

О важности любой процедуры можно судить по количеству синонимов, которыми он обозначается. Вот синонимы «отождествления»: «узнавание», «опознание», «идентификация».

Тождество и сходство в теоретическом мире

Перед начинающим теоретиком мир теоретических объектов предстает в готовом виде. Труд миллионов исследователей, создавших его, вынесен «за скобки». Для нашей цели — понять специфику отношений тождества и сходства в теоретическом мире — эти «скобки» нужно «раскрыть».

Можно ли трактовать сходство как тождество?

Возьмем класс реальных, эмпирических, локализованных в пространстве и времени сходных предметов, скажем, людей. Практик оперирует с каждым из них индивидуально: врач, как подчеркивал еще Аристотель, лечит одного индивидуального больного за другим, а не одного больного вообще. Для успеха такой деятельности необходимо учитывать не только общие, но и уникальные признаки преобразуемых предметов. Теоретик же рассуждает о подчас бесконечном классе предметов. Учитывать особенности каждого из них у него нет физической возможности: на «поштучное» описание всех элементов только одного бесконечного класса треугольников ушли бы все ресурсы его мозга. Поэтому в сфере внимания теоретика остаются лишь признаки, по которым исследуемые им объекты неразличимо сходны. От несходных он абстрагируется. В результате возникает класс неразличимо сходных нетождественных предметов. Условимся называть эту процедуру абсолютизацией сходства¹⁰⁰. Эта элементарная процедура порождает класс неразличимо сходных объектов, существование которого в реальном пространстве-времени запрещается лейбницевским принципом различия нетождественных. Следовательно, мы перед выбором: либо (в соответствии с принципом различия нетождественных) отказаться от абсолютизации сходства и, следовательно, от теоретического описания мира, либо (в соответствии с принципом тождества неразличимых) истолковать возникший класс

¹⁰⁰ Эту процедуру *абстрагирования от различий между элементами класса* в отечественной литературе называют *абстракцией отождествления*. Я согласен, что это *абстракция*, но не вижу здесь никакого *отождествления*. Класс предметов, от различий между которыми абстрагировались, *количественно* не изменился: образующих его неразличимо сходных предметов по-прежнему ровно столько же, сколько было до акта абстрагирования. Абстракцией *отождествления* эту процедуру можно назвать, лишь приняв посылку, ложность которой я старался показать: абсолютное сходство — это тождество. Чтобы не «легализовать» эту ошибку в терминологии, я предлагаю абстрагирование от всех различий между элементами класса, т.е. преобразование класса относительно сходных нетождественных предметов в класс абсолютно, неразличимо сходных нетождественных предметов, называть просто *абсолютизацией сходства*.

неразлично сходных нетождественных объектов как класс тождественных объектов, т.е. попросту как один объект, ибо, напомним, «тождество возможно только между вещью и ею самой»¹⁰¹. Наука пошла вторым путем: класс неразлично сходных нетождественных треугольников «склеивают» в треугольник вообще, класс домов — в дом вообще, класс людей — в человека вообще и т.д. Такой единственный объект, склеенный из целого класса нетождественных, неразлично сходных объектов, называют общим объектом, а замену неразличимого сходства нетождественных объектов тождеством называют отождествлением нетождественного. Мы уже дважды встречались с этой процедурой. Во-первых, как с ошибкой, когда анализировали принятие двух близнецов за одного человека, и, во-вторых, как с правомерным познавательным приемом, когда отказывались отличать такую же самую гайку от той же самой. Сейчас мы имеем дело с третьим, самым интересным случаем отождествления нетождественного. Обсудим его со всей тщательностью.

Повторюсь: в основе превращения класса неразлично сходных нетождественных объектов в класс тождественных объектов, т.е. попросту в один общий объект лежит лейбницевский принцип тождества неразличимых, известный также как закон Лейбница. Применительно к миру теоретических объектов существует четыре формулировки этого принципа.

1. «Для двух объектов A и B верно — $A = B$, если, и только если, все свойства A и B общие»¹⁰². Назовем эту формулировку закона положительной.

2. «Если нельзя указать никакого свойства P , по отношению к которому x и y различны, то x и y тождественны»¹⁰³. Это отрицательная формулировка.

¹⁰¹ Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1977. Вып. 8. С. 180.

¹⁰² Кондаков Н.И. Лейбница закон // Он же. Логический словарь-справочник. М., 1976. С. 278.

¹⁰³ Клини С. Математическая логика. М., 1973. С. 195.

3. «Вещи тождественны, если имя одной из них может быть подставлено вместо имени другой без нарушения истинности»¹⁰⁴. Это семантическая формулировка принципа.

4. « x тождественно y , если y принадлежит к каждому классу, к которому принадлежит x , или, иными словами, если « x есть y » влечет « y есть y » для всех значений y »¹⁰⁵. Эту формулировку принципа назовем экстенсиейной.

Ни одна из них не принадлежит самому Лейбницу. Правда, в подтверждение того, что именно Лейбниц является автором третьей, семантической формулировки, А. Черч приводит следующее его высказывание: «Все объекты при подстановке сохраняют свою силу без изменения смысла»¹⁰⁶. Остальные три со ссылками на Лейбница я не встречал.

Наиболее адекватно принцип тождества неразличимых выражен второй формулировкой, принадлежащей С. Клини: «Если нельзя указать никакого свойства P , по отношению к которому x и y различны, то x и y тождественны». Ее анализом я для краткости и ограничусь. Напомню: объекты x и y — теоретические.

Принцип тождества неразличимых в применении к теоретическим объектам можно трактовать и как описание, и как предписание. В качестве описания он тривиален: от отсутствия различий между x и y заключают к их тождеству. Тождество x и y в логических и математических работах по умолчанию понимается как синхроническое. Как я уже говорил в первом разделе главы, утверждение о таком тождестве — классическая тавтология, которая с помощью принципа тождества неразличимых «дедуцируется» из отсутствия различий между x и y . Но тавтологии не нуждаются в дедукции. Ничего не меняется и в том случае, если тождество x и y понимать как диахроническое: второе начало термодинамики в логических и математических работах не учитывается.

Принцип тождества неразличимых становится исключительно эвристичным, если трактовать его не как описание,

¹⁰⁴ Черч А. Введение в математическую логику. М., 1960. Т.1. С. 440.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же.

а как предписание, как дозволение в определенном интервале и для определенных нужд трактовать класс нетождественных объектов, сходство между которыми абсолютизировано, как класс тождественных объектов, т.е. как один общий предмет — дом вообще, человека вообще, треугольник вообще и т.д. Именно о таком общем предмете говорит содержание понятия «человек», в то время как его объем образуют те самые индивидуальный люди, из которых этот человек вообще «склеен». В итоге, вместо одного монстра — класса неразлично сходных объектов — возникает другой — общий предмет, который никаким наблюдением невозможно обнаружить в реальном пространстве-времени. Именно по этой причине Платон поместил его «подальше от глаз» — в надмировое пространство.

С точки зрения созерцательной гносеологии, отождествление нетождественного, или, в другом аспекте, замена сходства тождеством — это надругательство над здравым смыслом. С точки же зрения гносеологии, кладущей в основу познания практику, это такая же правомерная процедура, как и, например, временное извлечение из тела пациента сердца с целью упростить хирургическую операцию на нем. В самом деле, держать перед своим умственным взором бесконечные классы неразлично сходных объектов и исследовать отношения между ними — задача чрезвычайно трудоемкая. Все меняется, как только на месте каждого такого класса появится один общий предмет, например, на месте бесконечного множества треугольников — треугольник вообще, а на месте бесконечного множества окружностей — одна окружность вообще. Открывается возможность оперировать с классами предметов как с индивидуальными предметами и тем радикально упростить задачу теоретического исследования.

В филогенезе человеческого познания отождествление нетождественных происходит в два этапа. Сначала «склеиваются» признаки предметов. Сами предметы еще мыслятся «россыпью». Именно эту стадию на пути от эмпирического

мира к теоретическому фиксируют такие выражения, как «белизна (единственное число) облаков (множественное число)», «разумность (единственное число) людей (множественное число)» и т.д. Эта же промежуточная стадия зафиксирована и в хрестоматийном определении общего признака как признака (единственное число), присущего нескольким объектам (множественное число). Это определение эклектично. В нем соединены два несовместимых видения сходства: адекватного — для предметов, замененного тождеством — для признаков. Устранить эту эклектичность можно двумя путями: идя назад, т.е. отказавшись от отождествления неразлично сходных признаков, и идя вперед, т.е. отождествив не только признаки, но и их носители — предметы. Именно этот второй, завершающий акт перехода из эмпирического мира в теоретический осуществлен в таких выражениях, как «белизна (ед. ч.) облака (ед.ч.)», «разумность (ед. ч.) человека (ед. ч.)» и т.д.

Отождествление нетождественных предметов и отождествление нетождественных признаков порождают разные трудности. В первом случае встает вопрос, чему соответствует понятие «человек», если в реальном мире существуют только индивидуальные люди, каждый из которых обозначается именем собственным. Во втором случае трудность в определенном смысле противоположная: многие философы убеждены, что, в отличие от человека вообще, человечность вообще, одна на все множество обладающих ею людей, существует. Возникает, так сказать, житейский платонизм.

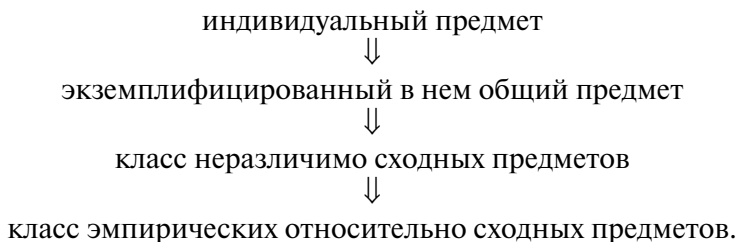
Две формы существования общего предмета

Общий предмет, например, треугольник вообще, фигурирует в теоретических рассуждениях в двух ипостасях. Во-первых, как находящийся в воздухе или, что не меняет сути дела, на «платоновском небе». Во-вторых, как воплощенный, «экземплифицированный», оставаясь одним и неделимым, во многие индивидуальные предметы, например, как один треугольник вообще, находящийся в каждом индивидуальном треугольнике. Именно эта точка зрения

позволяет понять, почему геометрическая теорема, доказанная на единственном треугольнике, верна для всех треугольников — прошлых, настоящих и будущих. Считается, что это доказательство относится не к этому индивидуальному треугольнику, а к треугольнику вообще, который в этом индивидуальном треугольнике экзemplифицирован.

Оперирование с индивидуальным предметом, в котором экзemplифицирован общий предмет, чем-то напоминает игру с куклой: ребенок, обращаясь с куклой, видит сквозь нее дочку; геометр, оперирующий с индивидуальным треугольником, видит сквозь него треугольник вообще.

В этой способности воспринимать эмпирический объект, локализованный в пространстве и времени, как экзemplификацию общего теоретического объекта и лежит, на мой взгляд, ключ к пониманию двух точек зрения на соотношение тождества и сходства: на трактовку тождества как абсолютного сходства и на понимание его как сходства вообще. Тот, кто видит сквозь индивидуальный предмет экзemplифицированный в нем общий предмет, а сквозь этот общий предмет — класс неразлично сходных нетождественных предметов, из которых этот общий предмет «склеен», трактует тождество как неразличимое сходство. Тот же, кто «смотрит глубже» и видит за этим абсолютизированным сходством реальное сходство эмпирических предметов, трактует тождество как любое сходство вообще. Схематически:

Именно в этой способности увидеть за мнимым тождеством реальное сходство я и усматриваю историческое

оправдание и глубокую мудрость трактовки тождества и как неразличимого сходства, и как просто сходства. В условиях, когда реальный гносеологический механизм, превращающий класс эмпирических предметов в один общий предмет, теоретически не исследован, обе эти точки зрения служат «ложью во спасение». Ту же функцию в сущности выполняет и третья точка зрения, объявляющая обсуждение вопроса о соотношении тождества и сходства мудрствованием по пустякам. Выявление роли, которую в преобразовании класса сходных эмпирических предметов в один общий теоретический предмет играют абсолютизация сходства и отождествление нетождественного, позволяет ложь во спасение заменить более надежной правдой во спасение.

Но в принципе общий предмет можно представлять себе и не экзemplифицированным, а существующим отдельно, в чистом виде, как платоновский эйдос.

Отождествление нетождественного в повседневном мышлении настолько «автоматизировано», что, переводя, скажем, предложение «Все люди смертны» в предложение «Человек смертен», мы даже не замечаем, что «склеили» класс людей в человека вообще, т.е. поднялись из эмпирического мира на платоновское небо. В исчислении предикатов порядка больше. Здесь отождествление нетождественного называют исключением квантора общности и выражают формулой $\forall x A(x) \rightarrow A(a)$.

Правило Локка

«Склеив» класс индивидуальных предметов в один предмет вообще и получив в процессе его исследования научные результаты, теоретик оказался в том же положении, что и хирург, успешно закончивший операцию на извлеченном сердце. Хирург должен вернуть сердце на место без ущерба для организма, теоретик — преобразовать результат, полученный теоретическим исследованием, в форму, пригодную для практических действий с эмпирическими предметами,

например, теоретические рассуждения о больном вообще преобразовать в форму, пригодную для лечения индивидуального больного. Чтобы осуществить наложение теоретического результата на эмпирический предмет, необходимо исключить сначала отождествление нетождественного, а затем — абсолютизацию сходства. Правило, в соответствии с которым исключают отождествление нетождественного, в отечественной литературе называют правилом Локка. В обыденном мышлении его применяют так же бессознательно, как и противоположную процедуру: переводя предложение «Человек смертен» в предложение «Все люди смертны», мы обычно не осознаем, что спустились с платоновских небес на реальную землю — вновь «расклеили» человека вообще на множество индивидуальных людей. В исчислении предикатов и здесь больше порядка: «расклеивание» общего предмета на множество сходных индивидуальных предметов называют введением квантора общности и выражают формулой $A(a) \rightarrow \forall x A(x)$. Второй шаг с платоновских небес в реальный эмпирический мир — исключение абсолютизации сходства, т.е. возвращение каждому элементу класса его индивидуальных черт, — также осуществляется просто и бессенсационно.

Глава 10. Противоположность и противоречие

Постановка проблемы

В диалектическом материализме, который еще полтора десятилетия назад был в нашей стране государственной философией, понятия «противоположность» и «противоречие» считались основными философскими категориями, а закон единства и борьбы противоположностей — основным законом диалектики (материалистической диалектики, диалектического материализма). Согласно этому закону,

любое развитие — это саморазвитие, а его источником является борьба противоположностей, внутренне присущих развивающемуся явлению. Обоснованию этого тезиса были посвящены десятки книг, сотни статей. Со студенческих лет я искал в них ответы на самые простые вопросы: Что такое противоположности? Какая разница между тождеством, сходством, единством и совпадением противоположностей? Источник саморазвития — это противоречие или борьба противоположностей? Сводится ли механизм саморазвития к борьбе противоположностей? — И не находил. И дело тут не в недостатке интеллекта или профессионализма авторов этих работ, а в догматизме, который сковывал исследование: не предназначенные для публикации и не продуманные до конца высказывания В.И. Ленина о противоположностях, противоречиях и борьбе противоположностей в работе «Философские тетради» были объявлены «краеугольными положениями марксистской философии». Сказать что-либо не согласующееся с ними было невозможно.

Сегодня оковы догматизма упали, и следовало бы ожидать потока новаторских работ по этой, я подчеркиваю, центральной проблеме диалектики. Но произошло нечто противоположное: ее обсуждение вообще исчезло не только из исследовательских работ, но даже из учебников, причем исчезло беззвучно, безо всяких комментариев. Лишь в философских справочниках, которым, так сказать, деваться некуда, содержится информация на этот счет. Перед нами типичная картина российской истории: снова сожгли то, чему поклонялись, и начали поклоняться тому, что до этого сжигали. Это можно объяснить одной из двух прямо противоположных причин.

О первой хорошо сказал Р. Авенариус: «Очевидные нелепости не следует пропагандировать в науке даже в форме тщательного их опровержения». Но назвать очевидной нелепостью понятия «противоположность» и «противоречие», вряд ли решится самый принципиальный критик марксизма.

Дихотомия, в результате которой возникают контрадикторно противоположные понятия «А» и «не-А», — предельно элементарная процедура. Ею владел уже первобытный человек. Для этого достаточно было зафиксировать в исходном классе предметов лишь два признака: ближайший родовой (например, быть растением) и нужный видовой А (например, быть съедобным растением). Объекты, обладающие нужным видовым признаком, объединялись в один подкласс, а объекты, лишенные его и потому не представляющие интереса, — в другой — не-А своего рода интеллектуальную свалку. Не намного сложнее было сформировать и контрарно противоположные понятия, отражающие объекты, обладающие, максимальным отличием от объектов, обладающих нужным признаком А, например, выделить в классе не-друзей недругов, или в классе несъедобных растений — ядовитые.

Понятие «противоположность» играло систематизирующую роль не только в обыденном мышлении, но и в мифотворчестве: ад и рай, Бог и Сатана — это первые образцы мировоззренческих противоположностей. Разделив все явления реального и потустороннего мира на противоположности, творцы мифов объясняли их взаимодействием все события в обоих мирах. М. Элиаде, подвергший гносеологическому анализу мифы Индонезии, констатирует с изумлением: «В истории досистематического мышления редко встречается формула, более разительно напоминающая гегелевскую диалектику, чем индонезийские космологии и символика»¹⁰⁷. Благодаря своей исключительной элементарности и столь же исключительной эффективности понятие «противоположность» играло настолько важную роль в мышлении первобытных народов, что его стали называть дуальным.

Философия, пришедшая на смену мифу, не отвергла дуальное мышление, а продолжила его совершенствование. Так, пифагорейцы осуществили классификацию противоположностей. Они различили предел и беспредельное,

¹⁰⁷ Элиаде М. Космос и история. М., 1987. С. 238.

четное и нечетное, единое и многое, правое и левое, мужское и женское, покоящееся и движущееся, прямое и кривое, свет и тьму, хорошее и дурное, квадратное и продолговатое.

У Гераклита понятие «противоположность» приобретает новую функцию — используется для внесения в статическую картину мира движения: враждой противоположностей он объяснял происходящие в нем изменения. Примерно в то же время возникла и поговорка «В споре рождается истина». Она представляет собой приложение общей формулы «Борьба противоположностей — источник развития» к процессу развития знаний: спор — это борьба противоположностей, тезиса и антитезиса. И именно в этой борьбе, утверждает поговорка, и рождается новая истина, т.е. происходит развитие знания.

Следующий шаг в осмыслении статуса противоположностей сделал Гегель. Он онтологизировал спор, т.е. борьбу тезиса и антитезиса. Для него эта борьба — движущая сила развития объективно существующей абсолютной идеи.

Маркс «поставил гегелевскую диалектику с головы на ноги»: он обнаружил и противоположности, и борьбу противоположностей не только в субъективном, но и в объективном мире и истолковал ее как движущую силу любого саморазвития — природного, социального и познавательного.

Итак, объяснять отсутствие в современной отечественной философии интереса к категориям «противоположность» и «противоречие» тривиальностью этих категорий — значит просто не разбираться в проблеме. Остается второе объяснение, которое прекрасно сформулировал И. Кант: «...эти прекрасные люди страшатся обрабатывать песчаную пустыню, которая, несмотря на все затраченные на нее усилия, осталась все такой же неблагоприятной... меж тем как из материалов, которые сейчас лежат в пыли, можно, вероятно, построить прекрасное здание»¹⁰⁸. В этом, на мой взгляд, все и дело. Чтобы разработать на современном уровне, в контексте современных проблем учение о противоположностях

¹⁰⁸ Кант И. Тракаты и письма. М., 1980. С. 547.

и противоречиях, нужны годы, и современные «прекрасные люди», как и их предшественники, под весьма благовидными предложениями дистанцируются от этой задачи. Я считаю такое отношение к истории отечественной философии непрофессиональным и намерен сам ответить на свои же студенческие вопросы. Начну с определения категории «противоположность».

Противоположность

Это понятие возникло как логическая категория. Первоначально она означала особое отношение между понятиями и суждениями. Позднее противоположными (противоположностями) стали называть и сами эти понятия, и суждения. Абстрагируемся от противоположных суждений и сосредоточимся на противоположных понятиях: «металле» и «неметалле», «белом» и «черном», «мужчине» и «женщине» и т.д.

Следующий этап в эволюции понятия «противоположность» — его онтологизация. Противоположностями стали называть, во-первых, объекты, обозначаемые противоположными понятиями, и, во-вторых, отношение, в котором они находятся. Например, мужчины и женщины — это противоположности, соединенные отношением противоположности.

Третий этап в этой эволюции — классификация противоположностей. Они были разделены на контрарные и контрадикторные.

Контрадикторно противоположными называют два подкласса А и не-А, возникающие в результате деления некоторого исходного класса объектов на по наличию и отсутствию признака А: углов — на острые и не-острые, химических элементов — на металлы и не-металлы, процессов — на обратимые и необратимые и т.д.¹⁰⁹. Так же стали называть и понятия, объемы которых составляют

¹⁰⁹ Отсюда кажущееся парадоксальным следствие: между просто *разными* объектами, скажем, цветом и звуком, меньше сходства, чем между *противоположностями*, скажем, черным и белым цветом.

эти подклассы: «острый угол» и «неострый угол», «металл» и «неметалл» и т.д.¹¹⁰. Обычно, во всяком случае, на начальном этапе исследования, положительный признак, присущий всем элементам не-А и только им, неизвестен. Но со временем он может быть обнаружен. Например, необратимыми называют процессы, самопроизвольно протекающие только в одном направлении, неоплаченным — труд, создающий прибавочную стоимость и т.д. Положительные признаки, присущие элементам подклассов А и не-А, также называют контрадикторно противоположными. Контрадикторно противоположными называют и элементы подклассов А и не-А.

От контрадикторных важно отличать контрарные противоположности:

1) подклассы одного класса, состоящие из объектов, обладающих наибольшим, законченным различием (черные и белые предметы, острые и тупые углы, единичные и всеобщие признаки);

2) понятия, объемы которых составляют такие подклассы («черный» и «белый», «острый угол» и «тупой угол», «единичный признак» и «всеобщий признак»);

3) объекты, являющиеся элементами этих подклассов;

4) признаки, присущие всем элементам этих подклассов и только им.

Критериальный признак контрарно противоположных подклассов — наличие между ними переходного, промежуточного подкласса: между острыми и тупыми углами находятся прямые, между единичными и всеобщими признаками — особенные, между черными и белыми предметами — серые и т.д. Противоположности, контрарные по отношению к классу А, входят в подкласс не-А, например, белые объекты входят в подкласс нечерных, тупые углы — в подкласс неострых, всеобщие признаки — в подкласс общих и т.д. Но не все контрадикторные противоположности включают

¹¹⁰ В другой терминологической традиции, менее удобной для наших целей, такие понятия называют *противоречащими* друг другу

контрарные. Например, деление людей на женщин и не-женщин не предполагает выделения в подклассе не-женщин людей, максимально отличных от женщин¹¹¹. В этом случае контрарная и контрадикторная противоположности сливаются.

Хотя на разницу между этими двумя типами противоположностей указывал еще Аристотель, их спутывал даже Гегель, а за ним и отечественные марксисты. Знаменитый пример такого спутывания — провозглашенный большевиками в тридцатых годах лозунг «Кто не с нами, тот против нас». Всех жителей страны делили тогда на тех, кто с большевиками (А), и тех, кто не с ними (не-А). Среди последних были и те, кто был против них, и те, кто просто их не поддерживал. Включая всех, кто был не с ними, в число тех, кто был против них, большевики совершали не только логическую ошибку, но и политическое преступление.

Ценность любого понятия измеряется не столько богатством его внутреннего содержания, сколько богатством тех проблем, которые можно решить с его помощью. С этой точки зрения, «противоположность» — одно из самых продуктивных понятий философии. Подобно тому, как из понятия натурального числа выросла вся математика, из понятия противоположности выросла вся диалектика.

Чистые и смешанные объекты

Чистым называют объект, содержащий исследуемую противоположность в чистом виде: движение без трения, абсолютно твердое и абсолютно черное тело, идеального мужа, рыцаря без страха и упрека и т.д. Смешанными называют объекты, представляющие собой смесь контрадик-

¹¹¹ Возможно возражение, основанное на спутывании теоретических контрадикторных противоположностей, которые занимают промежуточное положение между контрарными (например, прямых углов, находящихся между острыми и тупыми) со *смешанными* эмпирическими объектами, в данном примере — с гермафродитами. Об объектах, представляющих собой *смесь* контрадикторных противоположностей, мы поговорим ниже.

торных противоположностей: в каждом металле есть атомы неметалла, в каждом мужчине есть что-то от женщины и т.д. Чистые объекты существуют в воображении исследователя, смешанные — в реальном пространстве-времени. Первые описывает чистая теория, например, геометрия Евклида; вторые являются предметом эмпирического знания, которое называют так же, как и его предмет — смешанным. «Смешанный объект» и «чистый объект» — фундаментальные философские категории. Не случайно основное произведение Канта называется «Критика чистого разума».

О смешанном объекте трудно сказать что-то определенное, с ним трудно действовать практически. Ведь если на вопрос, что это за вещество, я скажу, что это и металл, и неметалл, вопрошающий едва ли обогатит свои знания. Представляется совершенно очевидным, что ни смешанное, эмпирическое знание нельзя применить для разработки чистой теории, ни чистую теорию использовать в практических действиях со смешанными объектами. Это очевидное соображение составляет основу одного из трех разновидностей релятивизма. В следующей главе я подвергну все три разновидности релятивизма комплексному анализу. Чтобы не дублировать изложение, я рассмотрю проблему чистых и смешанных объектов сам. Это позволит продвинуться в решении одной из самых трудных задач книги — рассматривать философские категории не изолированно, а в контексте актуальных современных проблем.

Тождество противоположностей

«Диалектика, — пишет В.И. Ленин, — есть учение о том, как могут быть и как бывают (как становятся) тождественными противоположности»¹¹². Бывшие ревнителы, а нынешние гонители диалектического материализма, иронически усмеваются, услышав это высказывание. Я утверждаю: без выявления его рационального смысла создать современное

¹¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.38. С. 97.

учение о противоположностях и противоречиях нельзя. Начнем с того, что выявим смыслы, в которых выражение «тождество противоположностей» употребляют в современной литературе.

Тождество противоположностей — это их единство

Такова точка зрения Ленина: «Тождество противоположностей («единство их, может быть, вернее сказать? Хотя различие терминов “тождество” и “единство” здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях природы (и духа, и общества в том числе)»¹¹³.

Сегодня, когда религиозное отношение к текстам Ленина ушло в прошлое, можно спокойно сказать: выражение «тождество противоположностей ... есть признание ... противоречивых ... тенденций» бессмысленно. Вполне естественное в черновике, но возведенное в ранг «краеугольного положения диалектического материализма», оно парализовало исследование ключевой проблемы диалектики, превратило отечественное учение о противоположностях и противоречиях в то, чего так боялся Ленин — в сектантскую концепцию, развивающуюся в стороне от столбовой дороги развития мировой философии. Пора вернуться на эту дорогу.

Итак, Ленин считает, что «различие терминов тождество и единство ... не особенно существенно». Не принадлежит эта фраза классика марксизма, ее можно было бы и проигнорировать. Но именно она в сочетании с утверждением Ленина, что диалектика — это учение о тождестве противоположностей, определяла понимание диалектики несколькими поколениями отечественных философов и сформировала современную идиосинкразию к ней. «Диалектика — это цирк», — заявил мне один из известнейших отечественных философов. Итак, можно ли поставить знак равенства между выражениями «тождество противоположностей» и «единство противоположностей»?

¹¹³ Там же. С. 358.

Сначала — о единстве противоположностей. Это словосочетание употребляют в нескольких смыслах. Контрадикторные противоположности, А и не-А, входящие в эмпирический объект, например, входящие в золотоносную породу золото и не-золото, нередко никак не взаимодействуют между собой. Они просто сосуществуют, прижатые друг к другу внешними силами. Никакого единства и никакой борьбы между ними нет. Они находятся рядом, но не вместе.

Не о соседстве, а именно — о единстве противоположностей можно говорить, когда существование одной из них является условием существования другой. Хрестоматийный пример — единство мужских и женских особей у животных и человека. Древние называли так понимаемое единство любовью, а противоположное отношение между ними, когда гибель или подавление одной из противоположностей является условием существования и развития другой, — враждой. Уже здесь встает одна из ключевых проблем диалектики: любовь или вражда (борьба) противоположностей является источником развития того целого, которое они образуют?

Итак, единство противоположностей — это реальность, но тождество противоположностей — это нечто совсем другое.

*Тождество противоположностей —
это сходство по родовым признакам*

Предметы только тогда противоположности, когда у них общий родовой признак. Контрадикторные противоположности — это виды одного рода, различенные по наличию и отсутствию исследуемого признака. Именно сходство противоположностей по ближайшему родовому признаку часто называют их тождеством. Говорят, например, что мужчины и женщины тождественны как люди, металлы и неметаллы — как химические элементы и т.д. Выше было показано, что трактовка сходства как тождества — грубая философская ошибка. Но в данном случае нам важна не языковая форма выражения мысли, а сама мысль: противоположности — это

виды одного рода. Она имеет принципиальное значение для понимания причин борьбы противоположностей: чем ближе к родовым видовые признаки противоположностей, тем острее борьба между ними: потоки нейтрино пронизывают Землю безо всяких последствий; метеориты же, состоящие из того же вещества, что и Земля, сталкиваясь с ней, порождают катастрофы.

Диахроническое тождество противоположностей

В предыдущей главе было показано, что объект может быть тождественным только самому себе и что бессмысленно говорить и о тождестве объекта в момент времени t_1 самому себе в этот же момент времени t_1 : строго унарного тождества не бывает. Следовательно, бессмысленно говорить и о тождестве объекта в момент времени t_1 своей противоположности в этот же момент времени t_1 . Существует только разновременное тождество вообще и разновременное тождество противоположностей в частности. Старик не тождествен ребенку, сидящему рядом. Он тождествен лишь самому себе в детском возрасте.

Только признав диахроническое тождество противоположностей, мы можем придать рациональный смысл утверждению, что противоположности превращаются друг в друга. В старика, сидящего рядом, ребенок превратиться не может. Он превратится в старика только в том случае, если стариком окажется он сам. Противоположными могут быть и нетождественные объекты, но превращаются друг в друга только тождественные противоположности.

Тезис о взаимном превращении противоположностей не стоит мистифицировать. Это просто переход объекта (например, воды) из одного качественного состояния, А (например, жидкого агрегатного состояния), в другое, не-А, (не-жидкое агрегатное состояние). Очень важно видеть, что переход явления в свою противоположность происходит в строгом соответствии с принципами сохранения: при замерзании воды она не превращается в ничто, и лед, в который она превращается, не возникает из ничего. Имен-

но учет принципов сохранения позволяет понять, что не все, а только диахронически тождественные противоположности способны превращаться друг в друга.

Такое превращение характерно не только для процесса развития. Противоположности превращаются друг в друга и в обычном движении по кругу: за историю Земли находящаяся на ней вода переходила из жидкого состояния в нежидкое и обратно миллионы раз.

Синхроническое тождество противоположностей.

Тезис Гегеля

До сих пор я приводил аргументы в пользу тезиса, что синхронического тождества противоположностей, тождества объекта А в момент времени t_1 объекту не-А в тот же самый момент времени t_1 не бывает. Этому убеждению противостоят два факта. Во-первых, высказывания о синхроническом тождестве противоположностей встречаются довольно часто, особенно в поэтической и философской литературе: «Я царь — я раб — я червь — я Бог!», «Речка движется и не движется», «Капитал возникает и не возникает в обращении» и т.д. Во-вторых, утверждение, что логически противоречивое высказывание обладает онтологической референцией, другими словами: то, о чем говорит такое высказывание, существует на самом деле, не просто встречается в истории философии, а имеет звучное название: «Тезис Гегеля». Доказательству и опровержению этого тезиса посвящены десятки работ¹¹⁴. Правда, «многие историки оспаривают мнение, что у Гегеля имеется взгляд на логическое противоречие в онтологизированном виде как неизбежную характеристику объективного диалек-

¹¹⁴ Вот лишь некоторые: *Батищев Г.С.* Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963; *Войшвилло Е.К.* Еще раз о парадоксе движения // Философские науки. 1967. № 2.; *Вяккерев Ф.* Структура диалектического противоречия // Вопросы философии. 1964. № 9; *Дудель С.П., Штракс Г.* Закон единства и борьбы противоположностей. М., 1967; *Ильенков Э.В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960.; *Нарский И.С.* Проблема противоречия в диалектической логике. М., 1969; *Попов С.* К вопросу о роли закона единства и борьбы противоположностей в диалектической логике. М., 1959; *Черкесов В.И.* Диалектика как логика и теория познания. М., 1962.

тического противоречия»¹¹⁵. Трудно найти защитников тезиса Гегеля и среди отечественных диалектиков. Даже С. Петров, автор самого фундаментального из известных мне исследований этого тезиса, стремится не доказать его, а «ограничивается защитой мнения, что есть факты из истории науки и из теории взаимоотношений между зрелыми научными системами, объяснение которых затруднительно с точки зрения традиционной философии логики, но значительно облегчается при принятии гипотезы, выраженной в тезисе Гегеля»¹¹⁶.

Оставим историкам философии вопрос о том, является ли Гегель автором тезиса Гегеля. Будем исходить из факта, что этот тезис существует в мировой философской литературе и активно обсуждается, правда, чаще всего как объект критики.

Итак, мы выявили четыре смысла, в которых в современной литературе понимается тождество противоположностей: как их единство, как сходство по родовому признаку, как диахроническое тождество и как синхроническое тождество (тезис Гегеля). Последний заслуживает особого анализа. Чтобы разобраться в нем, введем вторую категорию, являющуюся предметом данной главы — «противоречие».

Противоречие

Утверждение о синхроническом тождестве объекта самому себе («А есть А») называют тавтологией. Утверждение о синхроническом тождестве объекта своей противоположности («А есть не-А») — противоречием. Таким образом, противоречие возникает в результате отрицания тавтологии. Следовательно, это противоположности.

Противоречие в исторически первом смысле — это отношение между речами, т.е. суждениями, которые что-либо утверж-

¹¹⁵ Петров С. Логическите парадокси във философска интерпретация. София, 1971. С. 265.

¹¹⁶ Там же. С. 267–268.

дают или отрицают¹¹⁷. Это понимание противоречия зафиксировано в этимологии греческого слова *αντιφασις*, латинского *contradictio*, немецкого *Widerspruch*, русского «противоречие». «Два суждения, из которых одно является отрицанием второго ...образуют противоречие, тогда, когда оба они полагаются истинными, т.е. соединяются логическим “и”»¹¹⁸.

Онтологизация противоречия, истолкование его как отношения между объективно существующими предметами — это уже исторически более позднее, вторичное явление. Тот факт, что первыми были обнаружены и стали исследоваться именно противоречия субъективного, а не объективного мира, легко объясним: внутренний мир человека дан ему непосредственно, он доступнее для исследования, чем объективный, и потому первые противоречия были обнаружены именно в нем.

Важно различать противоречащее и противоречивое высказывание. Первое противоречит другому высказыванию: «Речка движется» и «Речка не движется». Второе содержит противоречие внутри себя: «Речка движется и не движется». Первое может быть истинным. Второе ложно в силу закона противоречия.

Традиционная логика не отрицает существования противоречивых высказываний, но отрицает существование того, о чем они говорят. Тезис Гегеля признает существование и противоречивых высказываний, и того, о чем они говорят. Чтобы разобраться в сути этого тезиса, необходимо разобраться в природе самого противоречивого высказывания. Ограничимся сингулярными высказываниями.

Пусть «р» — сингулярное высказывание, утверждающее, что индивидуальный, локализованный в пространстве и времени объект *b* обладает признаком *A*, соответственно, «¬р» — высказывание, объявляющее «р» ложным. Высказывание «Истинно, что *p*, и ложно, что *p*» назовем гносеологической формой противоречивого высказывания.

¹¹⁷ Понятия не делают ни того, ни другого. Поэтому между ними существуют лишь отношения противоположности — конрадикторной и контрарной.

¹¹⁸ *Свинцов В. И.* Логика. М., 1987. С. 143.

Из утверждения « $\neg p$ » чисто логически следует: b не обладает признаком A . Конъюнкция этого высказывания с высказыванием « b обладает признаком A » дает вторую форму логически противоречивого высказывания: « b одновременно и обладает, и не обладает признаком A ». Назовем его первой интенциональной онтологической формой противоречивого высказывания.

Дихотомическое деление исходного класса объектов на подкласс A объектов, обладающих признаком A , и подкласс не- A объектов, не обладающих признаком A , является полным и неперекрещивающимся. Рассмотрим случай, когда подкласс не- A обладает признаком, присущим всем его элементам и только им, например, все необратимые процессы обладают признаком двигаться лишь в одном направлении. Обозначим этот положительный признак символом «не- A ». Сказанное позволяет из противоречивого высказывания «Объект b одновременно и обладает, и не обладает признаком A » получить новое высказывание: «Объект b одновременно обладает и признаком A , и признаком не- A ». Такова вторая интенциональная онтологическая форма противоречивого высказывания. Она относится лишь к тем ситуациям, в которых подкласс не- A обладает положительным признаком, присущим всем его элементам и только им.

Итак, мы получили наряду с гносеологической две интенциональные онтологические формы противоречивого высказывания:

- 1) объект b одновременно и обладает, и не обладает признаком A ;
- 2) объект b одновременно обладает и признаком A , и признаком не- A .

Из этих двух экстенциональных онтологических форм логически противоречивого высказывания чисто логически следуют две его экстенциональные онтологические формы:

- 1) объект b и входит, и не входит в подкласс A ;
- 2) объект b одновременно входит и в подкласс A , и в подкласс не- A .

Итак, перед нами пять способов сформулировать противоречивое сингулярное высказывание: один гносеологический и четыре онтологических.

1. Истинно, что объект *b* обладает признаком *A*, и ложно, что объект *b* обладает признаком *A*.

2. Объект *b* одновременно и обладает, и не обладает признаком *A*.

3. Объект *b* одновременно обладает признаком *A* и признаком не-*A*.

4. Объект *b* одновременно и входит, и не входит в подкласс *A*.

5. Объект *b* одновременно входит и в подкласс *A*, и в подкласс не-*A*.

Отсюда вытекает и пять формулировок тезиса Гегеля. Каждая из них настаивает на истинности одной из этих пяти форм логически противоречивых высказываний.

С точки зрения философа, не признающего тезис Гегеля, обладать признаком *A* и не обладать признаком *A* (обладать и признаком *A*, и признаком не-*A*) могут лишь нетождественные объекты. Отсюда еще одна, шестая формулировка тезиса Гегеля: объекты *A* и не-*A* тождественны, являются одним и тем же объектом. Важно полностью осознать «дикость» этого тезиса. Речь идет не о диахроническом тождестве противоположностей (например, Платона-ребенка и Платона-старца), а о тождестве (слиянии, совпадении, отождествлении) нетождественных, нумерически различных противоположностей. Отрицание великой мысли, говорит Гегель, тоже великая мысль. Попробуем понять, в чем же величие тезиса Гегеля, именно на этой формулировке.

Рассмотрим два биллиардных шара, катящиеся строго навстречу друг другу. Они нетождественны, нумерически различны. Ближайшие родовые признаки у них одинаковы: они состоят из одного материала, у них одинаковая форма, равные объемы, равные массы, оба движутся. Их видовым отличием является лишь направление движения. Оно-то и делает их противоположностями. Если забыть о законах

природы, то легко представить себе момент времени t , в который оба шара одновременно займут одно и то же место, т.е. совпадут, сольются, станут тождественными. Произойдет именно то, о чем говорит тезис Гегеля: возникнет синхроническое тождество, слияние, совпадение нумерически различных противоположностей. Круглый квадрат невозможно себе представить. А вот представить, как два абсолютно одинаковых шара одновременно занимают место a , сливаются, превращаются в один шар, а затем продолжают свои движения, нетрудно. Более того, если рассматривать каждый из этих шаров по отдельности, не зная о другом, то можно предсказать, что в момент t , каждый из них займет место a . Значит, абстрактная возможность для двух шаров одновременно занять одно и то же место существует. Если бы она могла реализоваться, возникло бы объективное тождество нетождественных объектов, т.е. онтологическое противоречие, о котором говорит тезис Гегеля. Почему же эта возможность не реализуется?

Сформулировав этот «детский» вопрос, мы переходим от понятия «объективно существующее противоречие», или, что то же самое, «синхроническое тождество противоположностей», к одному из самых фундаментальных понятий учения о развитии — «борьба противоположностей».

Существует альтернатива: либо синхроническое тождество противоположностей, либо борьба между ними. Если тезис Гегеля верен, если тождество противоположностей — реальность, то борьба между ними не возникнет. Она возникает именно потому, что совпадение противоположностей невозможно. В тот самый миг, когда шары соприкоснулись и, с чисто умозрительной точки зрения, должно начаться их взаимное проникновение, слияние, отождествление, т.е. приведение объективной действительности в соответствие с тезисом Гегеля, в реальном пространстве-времени начинается их «борьба». А это значит, что закон противоречия, запрещающий слияние противоположностей, стоит на страже закона единства и борьбы противоположностей:

отрицая синхроническое тождество противоположностей, мы постулируем неизбежность борьбы между ними: слияние двух движущихся навстречу друг другу шаров в один шар, движущийся одновременно в противоположных направлениях, невозможно по законам не логики, а природы.

Понятие «тождество противоположностей» играет в формулировке закона единства и борьбы противоположностей примерно такую же роль, какую понятие «вечный двигатель» — в формулировке закона сохранения энергии: оно указывает на то, чего не может быть никогда. Закон сохранения делает невозможным вечный двигатель, закон единства и борьбы противоположностей — тождество противоположностей.

Наделение логически противоречивого высказывания онтологической референцией или, что то же самое, онтологизация логического противоречия — ошибка, но ошибка, которая дороже многих истин. Тезис Гегеля ошибочен только в том, что принимает абстрактную возможность за действительность. Исследование же этой возможности и причин, по которым она не превращается в действительность, — это и есть исследование закона единства и борьбы противоположностей.

Противоречий, запрещаемых законом противоречия и разрешаемых тезисом Гегеля, в объективном мире, разумеется, нет. Но термин «противоречие» все-таки используется для описания не только субъективного, но и объективного мира. Однако с существенной разницей: в первом совпадение противоположностей мыслится как актуальное, реализовавшееся, в реальном — как потенциальное, как логическая возможность, осуществить которую не позволяют законы природы. Противоречие между противоположностями назревает по мере того, как борьба между ними становится все более неотвратимой. В этой борьбе оно и разрешается, но не слиянием противоположностей, а уничтожением либо одной из них, либо обеих.

*Можно ли свести к борьбе противоположностей
весь механизм саморазвития?*

Это последний из моих студенческих вопросов. Обсудим его на двух хрестоматийных примерах.

Первый — внутривидовая борьба за существование, которая приводилась в учебниках диалектического материализма как классическая иллюстрация закона единства и борьбы противоположностей. Как известно, переход популяции от старого качества к новому состоит из двух этапов. Первый — мутация. Здесь новое качество появляется лишь у одного из членов популяции. Второй этап — борьба за выживание между обладателем нового качества, с одной стороны, и носителями старых, с другой. Подчеркну обстоятельство принципиальной важности: внутривидовая борьба за существование не является мутагенным фактором; новое качество возникает до нее; она лишь испытывает его на жизнеспособность. В том случае, если это испытание оказывается успешным, порожденное мутацией качество «тиражируется», превращается из единичного во всеобщее. В этом и только в этом состоит функция борьбы противоположностей в развитии того целого, внутри которого она происходит.

Второй классический пример борьбы противоположностей — спор, столкновение тезиса и антитезиса. «В споре рождается истина» — этот афоризм известен по крайней мере со времен Аристотеля. Спор, как и внутривидовой борьбе за существование, предшествует «мутация» — появление новой идеи. Без этого спор не начинается. Следовательно, в споре, как и в естественном отборе, «борьба противоположностей» не рождает новое качество, а лишь испытывает его на жизнестойкость: делает уже рожденную истину достоянием всех членов научного сообщества.

Итак, борьба противоположностей, играет фундаментальную роль в развитии явления, внутри которого оно протекает, но весь механизм этого саморазвития не сводится к борьбе противоположностей. На самый главный вопрос: как возникает новое качество, которое испытывается

в борьбе противоположностей, этот закон не отвечает. А это ставит под сомнение и его права на статус основного закона диалектики.

Требует дальнейшего осмысления и тезис, что борьба противоположностей является единственным средством отбора результатов «мутаций». В неживой природе — да. Но развитие измеряется в частности и появлением новых способов разрешения конфликтов. Вспомним, что древние считали источником развития не только Вражду, но и Любовь. Сегодня поиском способов разрешения противоречий, альтернативных борьбе противоположностей, занята целая наука — конфликтология. Пример решения этой задачи — замена физического столкновения диалогом, в котором, по выражению К. Поппера, гибнут уже не люди, а идеи.

Тождество противоположностей и антиномии

Тезис Гегеля можно было бы доказать самым простым и убедительным способом: приведением эмпирических примеров синхронического тождества противоположностей. Именно это попытался сделать Ф. Энгельс в следующем, когда-то хрестоматийном размышлении: «Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществляться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. Постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия и есть именно движение»¹¹⁹.

Сегодня это доказательство тезиса Гегеля вряд ли кто-нибудь решится отстаивать. Его обосновывают другим, косвенным методом. Именно о нем говорит С. Петров в цитированном выше высказывании: «Есть факты из истории науки и из теории взаимоотношений между зрелыми научными системами, объяснение которых затруднительно

¹¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1946. С. 113.

с точки зрения традиционной философии логики, но значительно облегчается при принятии гипотезы, выраженной в тезисе Гегеля»¹²⁰. Под этими «фактами» имеются в виду, в частности, антиномии, т.е. высказывания, выражаемые формулой «А и не-А» и выводимые из бесспорных посылок дедуктивной теории по общепринятым правилам вывода. Все предпринимаемые до сих пор попытки устранить их из тела науки вели к тому, что вместе с парадоксальными запрещались и вполне безвредные выражения. Например, предложение Рассела запретить для устранения из математических текстов и логических, и семантических антиномий любую самоотнесенность, прямую или косвенную, вело к тому, что под запретом оказывалось и такое не ведущее ни к каким антиномиям выражение, как *«Данное высказывание напечатано курсивом»*.

Антиномии были известны еще до Аристотеля. Самая знаменитая из них — антиномия «лжец», порождается утверждением критянина Эпименида: «Все критяне лгуны». Современная наука не уменьшила, а увеличила число этих контрпримеров аристотелевскому закону противоречия. В начале XX века их накопилось столько, что возник кризис оснований математики. В попытках преодолеть его созданы две теории: теория антиномий (истин) и теория антиномий (проблем).

Теория антиномий — истин

Неразрешимая, казалось бы, задача устранить антиномию из текста науки не разрешается, а просто снимается, если принять тезис Гегеля и объявить антиномии формой истинного отражения действительности. Это решение принимается не потому, что удастся показать, чему именно в реальности соответствует логически противоречивое высказывание, но лишь потому, что исчезает необходимость искать локальные методы устранения антиномий. Сторонники тезиса Гегеля напоминают в этой ситуации врачей, уверяющих пациента, что то, с чем он пришел к ним, не болезнь, а норма.

¹²⁰ Там же. С. 267–268.

Теория антиномий — проблем

Однако онтологизация логического противоречия, снимающая проблему нелокальности известных сегодня решений проблемы антиномий, порождает не менее серьезные проблемы. Они возникают при попытке решить задачу, которую сторонники тезиса Гегеля обходят: конкретно представить себе то положение дел, которое задается логически противоречивым высказыванием: движущийся предмет находится и не находится в данном месте, капитал возникает и не возникает в обращении, речка движется и не движется и т.д. Для преодоления этих трудностей была создана теория антиномий-проблем, которая в нашей литературе наиболее последовательно развивалась И.С. Нарским¹²¹.

Чтобы показать ее смысл, обратимся к приведенному выше рассуждению Ф. Энгельса о механическом движении. Как известно, механика состоит из трех разделов: статики, кинематики и динамики. Предложение «Тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно в другом», описывает движение, т.е. решает задачу кинематики в терминах статики. Казалось бы, это тривиальная ошибка. Но представим себе, что кинематики еще нет и все содержание механики как науки исчерпывается статикой. Как описать движение? Один исследователь просто откажется это делать, а другой, с отчаяния, сформулирует анализируемое высказывание. С точки зрения здравого смысла, это нелепость, а с точки зрения интересов физики — прорыв в новую область исследования: попытка сказать то, чего сказать нельзя, для описания чего у нас пока нет средств. Примерно в такой же ситуации находится современная физика, пытающаяся с помощью макроязыка описать микрообъекты и микропроцессы. Отсюда важное методологическое следствие: нарушение закона противоречия развивающимся знанием — один из способов вырваться за границы известного. В этом и состоит историческое значение антиномий, но не как антиномий-истин, а именно как антиномий-проблем.

¹²¹ Нарский И.С. Диалектическое противоречие и логика познания. М., 1969.

Спор между теорией антиномий-истин и теорией антиномий-проблем не закончен. Выбор между ними определяется чисто методологическими предпочтениями. Теория антиномий-истин объявляет антиномию конечным продуктом исследования: получив ее, я получил окончательный результат, больше делать нечего, тема закрыта. Теория антиномий-проблем утверждает, что найдена не истина, а лишь проблема, истинное решение которой еще предстоит найти. Мне ближе вторая интерпретация антиномий.

Глава 11. Абсолютное и относительное

Постановка проблемы

«Главная болезнь философии нашего времени — это интеллектуальный и моральный релятивизм»¹²².

— А что такое релятивизм?

— «Под релятивизмом, или, если вам нравится, скептицизмом, я имею в виду концепцию, согласно которой выбор между конкурирующими теориями произволен»¹²³.

— Мне-то это как раз и не нравится. Меня интересует специфика релятивизма как формы скептицизма.

— «Релятивизм — не одна доктрина, а семья точек зрения, общая тема которых — некоторые центральные аспекты опыта, мысли, оценки или даже реальности некоторым образом относительно к чему-то другому»¹²⁴.

— А что значит «относительны»?

— «Сущностью относительного является существование по отношению к другому»¹²⁵.

— А что такое отношение?

¹²² *Поннер К.* Факты, нормы истина: дальнейшая критика релятивизма // Он же. *Логика и рост научного знания.* М., 1983. С. 379.

¹²³ Там же.

¹²⁴ *Stanford Encyclopedia of Philosophy* <http://plato.Stanford.edu/>

¹²⁵ *Хюмм В.П.* Категории «абсолютное» и «относительное» в историко-философском освещении // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по философии. Тарту, 1965. Вып. 165. № 8. С. 98.

К счастью, ответ на этот вопрос не нужно изобретать: сегодня, как мы видели, существуют целых три теории отношений — философская, теоретико-множественная и логическая. Это позволяет «обернуть метод» и двинуться от уже готовой теории отношений к созданию учения об относительности, а на его основе — и к лечению «главной болезни современной философии».

Относительное и относящееся

До конца XIX века относительным называли объект, находящийся в отношении к другому объекту. Говорили, например: «науки, относительные к военному делу». В современном русском языке такие объекты называют относящимися¹²⁶. Относящимися являются все объекты реального мира. Объектов, лишенных отношений к другим объектам, не бывает. Можно абстрагироваться от всех отношений объекта к другим объектам, но нельзя отнять их у него.

Итак, в современном русском языке относительное — это не относящееся. А что? Вот примеры употребления термина «относительное» (соответственно «абсолютное») в реальном научном и повседневном мышлении: теория относительности, относительность микрообъекта к средствам наблюдения, относительное прилагательное, абсолютная и относительная температура, абсолютно и относительно черное тело, абсолютная и относительная истина, абсолютная величина действительного числа, абсолютный слух, абсолютный спирт, абсолютный нуль, абсолютная и относительная рента, абсолютное большинство, абсолютная монархия, абсолютность и относительность нравственных норм. Попытка найти общий смысл во всех этих словоупотреблениях наводят на мысль, что перед нами просто два ряда омонимов. Можно, конечно, несмотря на неудачу, продолжить поиск этого общего смысла. Но можно поступить и иначе — воспользоваться методом семейных сходств

¹²⁶ Интересно, что в английском языке разница между «относительным к» и «относящимся к» терминологически не выражена: *relative to* в зависимости от контекста переводится и как «относящийся к», и как «относительный к».

Л. Витгенштейна¹²⁷ — разделить класс объектов, образующих объем понятия «относительное» (соответственно «абсолютное»), на подклассы и описать каждый из них в отдельности. В.С. Швырев, безусловно, прав, называя этот метод «модной схемой», «сплошь да рядом ... маскирующей беспомощность и эклектизм концептуального анализа»¹²⁸. Но иногда альтернативы ему просто нет. Ну, не знают физики свойства, которое было бы так же присуще всем элементарным частицам, как зарядовое число — всем химическим элементам. Возможно, когда-нибудь оно будет найдено. Но действовать-то надо сегодня. Метод семейных сходств оказывается в таких ситуациях единственным выходом. Я утверждаю, что перед нами именно такая ситуация. Используя метод семейных сходств, я намерен показать, что существуют три вида релятивности, трудности исследования которых порождают три вида релятивизма.

Первый релятивизм — это детская болезнь философии

На абсолютные и относительные (релятивные) делятся как явления объективной действительности, так и знания о них. Из трех форм рационального знания — понятий, суждений и умозаключений — на абсолютные и относительные делят только понятия. Исследование абсолютных понятий не представляло для первых философов особых трудностей, а вот природа относительных оказалась настоящей загадкой: «Платон постоянно испытывает затруднения из-за непонимания относительных понятий. Он считает, что если А больше, чем В, и меньше, чем С, то А является одновременно и большим, и малым, что представляется ему противоречием. Такие затруднения представляют собой детскую болезнь философии»¹²⁹. Детской болезнью философии я предлагаю назвать и релятивизм, порожденный непониманием природы относительных понятий.

¹²⁷ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am M., 1971. S. 61.

¹²⁸ Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры. М., 2003. С. 7.

¹²⁹ Рассел Б. История Западной философии. Новосибирск, 1997. С. 134–135.

Рассел прав, называя эту «болезнь» детской: именно ребенок первым чувствует гносеологическую трудность, заключенную в относительных понятиях: он протестует, когда его мать называют дочерью. Затем «странности» относительных понятий осознают и философы. За сто лет до Платона Гераклит с удивлением констатирует: «Морская вода — чистейшая и грязнейшая. Рыбам она пригодна для питья и целительна, людям же — для питья непригодна и вредна»¹³⁰. Очень важно видеть, что именно вызывает недоумение Гераклита.

Аристотель утверждает: «Противолежащие друг другу высказывания об одном и том же никогда не могут быть верными»¹³¹. Но высказывания «Морская вода полезна» и «Морская вода вредна» противостоят друг другу и, тем не менее, оба верны! Как быть? Платон спустя сто лет после Гераклита безуспешно бьется над этим вопросом, приводя лишь другие примеры¹³². Действительное его решение появилось лишь на рубеже XIX — XX веков, после создания логики отношений. Именно тогда удалось теоретическими средствами показать качественную разницу между абсолютными и относительными понятиями и на этой основе сформулировать два закона противоречия: один — для абсолютных, другой — для относительных понятий. Но ни Гераклит, ни Протагор, ни Платон, ни даже Аристотель разницы между абсолютными и относительными понятиями не видели. В этой ситуации были логически возможны лишь два отношения к парадоксу Гераклита — догматизм и релятивизм.

В роли догматика выступил Аристотель. Он настаивал на справедливости данной им формулировки закона противоречия не только для абсолютных, но и для относительных понятий, утверждая, что можно заставить «и самого Гераклита ... признать, что противолежащие друг другу высказывания об одном и том же *никогда* (курсив мой. — Г.Л.) не могут быть

¹³⁰ Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 46.

¹³¹ Аристотель. Метафизика. 1062a 30 // Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976.

¹³² Платон. Федон. 102d—103d // Соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1970.

верными»¹³³. Значит, один и тот же объект нельзя назвать одновременно не только круглым и квадратным, но плохим и хорошим, полезным и вредным, большим и малым и т.д. Но почему?

Аристотель не отвечает на этот вопрос, не показывает, как именно контрпримеры Гераклита и Платона можно подвести под его формулировку закона противоречия. Да это и невозможно сделать. Значит, он просто не видит ту гносеологическую проблему, которая породила «детскую болезнь философии».

В роли релятивиста выступил Протагор. В отличие от Аристотеля, он не только признает сформулированную Гераклитом трудность, но и предлагает метод ее устранения, популярный до сих пор: «Человек есть мера всем вещам — существованию существующих и несуществованию несуществующих»¹³⁴. Платон выразил этот тезис яснее и проще: «Каким что является мне, таково оно для меня и есть, а каким тебе — таково для тебя»¹³⁵. Аристотель довел формулировку тезиса Протагора до совершенства: «Что каждому кажется, то и достоверно»¹³⁶. При этом он прямо связывает тезис Протагора с парадоксом Гераклита: «Близким к изложенным здесь взглядам (Гераклита. — Г.Л.) и сказанное Протагором, а именно: он утверждал, что человек есть мера всех вещей... Но если так, то выходит, что одно и то же и существует, и не существует, что оно и плохо, и хорошо, что и другие противолежащие друг другу высказывания также верны»¹³⁷.

Итак, догматизм Аристотеля и релятивизм Протагора порождены одной и той же причиной: трудностями экстраполяции на относительные понятия принципа: «Противолежащие друг другу высказывания об одном и том же никогда не могут быть верными», первоначально сформулирован-

¹³³ Аристотель. Метафизика. 1062а 30.

¹³⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 375.

¹³⁵ Платон. Тезет 152а // Соч.: В 3 т. Т.2. М., 1970.

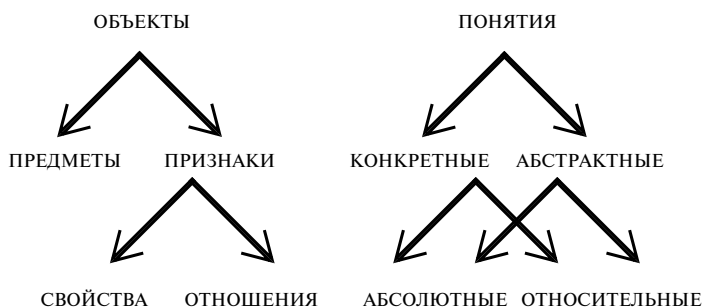
¹³⁶ Аристотель. Метафизика. 1062в 20.

¹³⁷ Там же.

ного для абсолютных. Различаются Протагор и Аристотель лишь реакцией на эти трудности: первый, убедившись, что к относительным понятиям закон противоречия в его традиционной формулировке неприменим, отбросил его целиком, второй же отстаивал эту формулировку вопреки очевидности. Сегодняшние знания об абсолютных и относительных понятиях позволяют объединить тезис Аристотеля и антитезис Протагора в синтез.

Абсолютные и относительные понятия

Онтологическому делению объектов на предметы и признаки, а признаков — на свойства и отношения соответствует гносеологическое деление понятий (или, что не меняет сути дела, имен) по одному основанию — на абстрактные и конкретные, а по другому — на абсолютные и относительные:

Конкретные имена Милль определяет как «названия предметов», абстрактные — как «названия признаков»¹³⁸. Существенно, что в роли конкретных имен выступают не только существительные, но и прилагательные: «Джон, озеро, этот стол — это имена вещей; белый есть также название вещи или, вернее, вещей. Напротив, белизна есть название признака, качества или атрибута этих вещей»¹³⁹. Понятие, выражаемое

¹³⁸ Милль Д.С. Система логики. М., 1900. С. 19.

¹³⁹ Там же.

конкретным именем, называют конкретным, а понятие, выражаемое абстрактным именем, — абстрактным.

Из схемы видно, что на абсолютные и относительные делятся как конкретные, так и абстрактные понятия. Будем для краткости говорить только о конкретных: распространить сказанное на абстрактные — чисто техническая задача.

Для того чтобы отличить абсолютное понятие от относительного, отличим внутреннее содержание предмета — то, которое остается, если абстрагироваться от всех его отношений к другим предметам, от внешнего — самих этих отношений. Между внутренним и внешним содержанием предмета имеется не только онтологическое, но и гносеологическое различие: первое можно обнаружить, рассматривая предмет сам по себе, второе — лишь сравнивая предметы между собой.

Опираясь на эту дистинкцию, абсолютным назовем понятие, которое отражает предмет и соотножает его внутреннее содержание («квадрат», «золото», «мужчина»), относительным — понятие, которое отражает предмет и соотножает его отношение к другому предмету («большой», «полезный», «дядя»)¹⁴⁰. Существенно, что второй носитель бинарного отношения относительным понятием не фиксируется. Это и порождает «детскую болезнь философии»: нет никаких формальных оснований утверждать, что понятие «женщина» идентифицирует свой предмет через его внутреннее содержание, а понятие «мать» — через внешнее. Различить их можно только по смыслу. Иногда, как в данном примере, это нетрудно. Но в ряде случаев на трудностях такого различения строятся целые философские системы. Например, Э. Мах считал «физическое» и «психическое» относительными понятиями и именно на этом тезисе построил свою теорию нейтральных элементов мира¹⁴¹.

¹⁴⁰ То же самое на языке теории имен: абсолютное конкретное имя нотирует предмет и коннотирует его внутреннее содержание, относительное — нотирует предмет и коннотирует его отношение к другому предмету.

¹⁴¹ Проблема осложняется еще и тем, что чем богаче понятие, тем труднее свести его содержание к информации *только* о внутреннем или *только* о внешнем содержании отражаемого в нем объекта. Но данное исследование теоретическое, и я буду рассматривать эти понятия в чистом виде.

Определение абсолютных понятий как отражающих внутреннее содержание объекта, а относительных — как фиксирующих его отношения к другим объектам позволяет дать две формулировки закона противоречия: одну — для абсолютных понятий, вторую — для относительных.

Закон противоречий для абсолютных понятий

Два противоположных свойства: А (квадратность) и не-А (неквадратность) не могут одновременно принадлежать одному и тому же предмету¹⁴². Следовательно, и два противоположных абсолютных понятия «А» и «не-А» («квадрат» и «не-квадрат») не могут быть предикатами одного и того же суждения¹⁴³. Таков смысл закона противоречия для абсолютных понятий.

Закон противоречия для относительных понятий

Предложения «Морская вода и полезная, и вредная», «Марья — и мать, и дочь» не завершены. В них не указаны вторые носители бинарных отношений, зафиксированных относительными понятиями «полезная» и «вредная», «мать» и «дочь». Поэтому применять к ним закон противоречия преждевременно. Предложения «Марья — дочь Ивана и мать Петра», «Морская вода полезна для рыб и вредна для людей» — завершены¹⁴⁴. Они полностью соответствуют закону противоречия для относительных понятий. Предложение «Морская вода полезна для людей и вредна для людей» также завершено. И оно классическим образом запрещается законом противоречия, специфицированным для относительных понятий, поскольку ни один объект *a* не может одновременно находиться в двух противоположных (конверсных) отношениях R и не-R к одному и тому же объекту *b*. Утверждать обратное — значит онтологизировать логическое противоречие, т.е. распространять тезис Гегеля на описание отношений между объектами.

¹⁴² Это верно только для чистых теоретических объектов. Я не затрагиваю пока проблему смешанных объектов, например, когда один человек объединяет в себе признаки мужчины и женщины. Она обсуждается ниже.

¹⁴³ Хотя определить квадратность можно, только соотнеся ее с не-квадратностью.

¹⁴⁴ Гераклит в своей формулировке парадокса указывает эти вторые носители отношений, но не придает этому *решающему* обстоятельству никакого значения.

Итак, в первом релятивизме, релятивизме Протагора, две стороны. Во-первых, постановка реальной гносеологической проблемы — вопроса о распространении закона противоречия с абсолютных понятий на относительные. Во-вторых, объявление этого закона полностью ложным. Преодоление этого релятивизма состоит не в отрицании, вслед за Аристотелем, самой проблемы, а в ее разрешении на основе философской теории вещей, свойств и отношений.

Второй релятивизм — это юношеская болезнь науки

До сих пор мы делили на абсолютные и относительные только понятия. Объективно существующие предметы именовались относящимися. Теперь разделим на абсолютные и относительные и их. Это позволит понять и преодолеть второй тип релятивизма, принципиально отличный от первого.

В основе предыдущих рассуждений лежала посылка, что два противоположных относительных понятия («мать» и «дочь») можно без противоречия применять к одному и тому же объекту, а два противоположных абсолютных («мужчина» и «женщина») — нет. Я уже приводил в сноске естественное возрождение против этого тезиса: а если человек гермафродит или трансвестит? Поразительно, но Гераклит видит эту проблему и обсуждает ее, правда, на более академическом примере: он обозначает морскую воду не только противоположными относительными понятиями (полезная и вредная), но и противоположными абсолютными: чистейшая (состоящая только из воды) и грязнейшая (содержащая примеси). Таким образом, одной фразой он ставит сразу две фундаментальные гносеологические проблемы: одну — для относительных, вторую — для абсолютных понятий. Первую мы рассмотрели. Обсудим вторую. Я уже затрагивал ее в предыдущей главе, в разделе «Чистые и смешанные объекты». Здесь она будет рассмотрена в контексте полемики с релятивизмом.

Чистая теория говорит о чистых предметах или предметах, выделенных в чистом виде: физика описывает движение без трения, абсолютно твердые, абсолютно черные тела; этика — рыцарей без страха и упрека и т.д. Но в реальном пространстве-времени таких объектов нет. Движение без трения, например, исключается вторым началом термодинамики. Здесь существуют только смешанные объекты, внутреннее содержание которых представляет собой смесь контрадикторных противоположностей: в любом реальном кубе есть что-то от шара, в любом реальном мужчине — от женщины и т.д. Констатация этого обстоятельства порождает три вопроса.

1. Применим ли закон противоречия к описанию смешанных объектов?

2. Можно ли использовать знание о смешанных объектах для построения чистой теории?

3. Можно ли использовать чистую теорию в практических действиях со смешанными объектами?

Отрицательное решение первого из этих трех вопросов можно найти уже у Гераклита. А вот отрицательное решение всех трех стало реальной преградой на пути развития науки лишь во времена Галилея, когда основой построения чистой теории стал эксперимент со смешанными объектами, а чистые теоретические положения стали использовать на практике, при оперировании со смешанными объектами. Вот как Галилей формулирует отрицательный ответ на третий из этих вопросов устами своего антипода Симплицио: «Все эти математические тонкости истинны лишь абстрактно. Но, будучи приложенными к чувственной и физической материи, они не функционируют»¹⁴⁵. «В самой природе, — поясняет эту точку зрения А. Койре, — нет ни кругов, ни треугольников, ни прямых линий. Следовательно, бесполезно изучать язык математических фигур: последние по своей сути не являются, вопреки Галилею и Платону, теми знаками, которыми написана книга природы»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ Галилей Г. Избранные труды: В 2 т. М., 1964. Т.1. С. 302.

¹⁴⁶ Койре А. Очерки истории философской мысли. М., 1985. С. 144.

Семнадцатый век — это уже не детство, а юность науки, отпочковавшейся от философии. Поэтому и релятивизм, воплощенный в отрицательных ответах на перечисленные вопросы, я предлагаю назвать юношеской болезнью науки.

— Почему скептицизм, вызванный непониманием природы относительных понятий, — это релятивизм, — понятно. Но почему скептицизм, порожденный непониманием природы смешанных объектов, — это релятивизм?

— Чистый объект, например, чистое золото, проявляет свое внутреннее содержание абсолютно во всех отношениях с другими объектами. Чтобы назвать чистое золото золотом, эти отношения указывать не нужно. Именно по этой причине чистые объекты называют абсолютными. Золото 375 пробы проявляет себя как золото лишь в некоторых отношениях с другими объектами: во взаимодействии с солнечным светом — как золото, а во взаимодействии с серной кислотой — как медь, серебро и другие примеси. Чтобы назвать его золотом, нужно указать отношения, в которых оно ведет себя как золото. Именно на этом основании смешанные объекты называют относительными: поверхность — относительно ровной, воду — относительно чистой, человека — относительно честным и т.д. Итак, непонимание природы смешанных объектов — это непонимание природы относительных объектов. Следовательно, скептицизм, порожденный непониманием природы смешанных объектов, — это особая форма релятивизма.

Существует генетическая связь второго релятивизма с первым. Чтобы увидеть ее, различим носитель отношения — предмет в целом, находящийся в данном отношении к другому предмету, и основание отношения, *fundamentum relationis*, как говорили средневековые схоласты: то внутреннее содержание предмета, которым это отношение порождается. Например, у отношения «А тяжелее В» основание — масса А, у отношения «А больше В» — размеры А, у отношения «А дороже В» — стоимость А и т.д. Исполь-

зуя три понятия — «отношение», «носитель отношения» и «основания отношения», — легко увидеть связь первого релятивизма со вторым: первый порожден трудностями описания самих отношений, второй — их основании; первый возникает на стадии феноменологического описания предмета, второй — на стадии его субстратного анализа.

Чистый объект и смешанный объект

Эти понятия играют ключевую роль в анализе второго релятивизма. Введем поэтому их со всей тщательностью. Снова возьмем золото 375 пробы. Разделим все множество входящих в него атомов на подмножество А атомов золота и подмножество не-А атомов не-золота. Оба подмножества — это виды рода химических элементов. Их родовые признаки, следовательно, тождественны. Противоположностями их делают видовые признаки: атомы золота содержат по 79 протонов, атомы не-золота — иное их количество. Напомним, что подмножества А и не-А, возникающие в результате деления множества объектов, обладающих общим родовым признаком, по наличию и отсутствию у них видового признака А, называют контрадикторно противоположными. Контрадикторно противоположными называют также элементы этих двух подмножеств, а, по метонимии, и обозначающие их понятия.

В примере с золотом мы называем объект смешанным или чистым, принимая во внимание лишь чистоту его субстрата¹⁴⁷. В более сложных случаях необходимо учитывать и его структуру. Чистый кристалл кремния, например, отличается от смешанного отсутствием у него не только атомов не-кремния, но и нарушений в кристаллической решетке. Элементы и структура объекта — это его внутреннее содержание. Поэтому чистым можно назвать объект, состоящий только из исследуемого внутреннего содержания, а смешанным — объект, включающий и содержание, контрадикторно противоположное исследуемому.

¹⁴⁷ Чистый субстрат не обязательно однороден. Ген состоит из нескольких химических элементов, но он субстратно чист.

Сказанного о чистых и смешанных объектах достаточно, чтобы понять логику релятивистских ответов на сформулированные выше три вопроса. Поскольку теория говорит о чистых объектах, а мир состоит из смешанных, постольку нелепа сама мысль:

- 1) применить закон противоречия, верный только для чистых объектов, к смешанным;
- 2) вывести чистую теорию из знания о смешанных объектах;
- 3) применять чистую теорию в практических действиях со смешанными объектами.

Моя цель — описать условия, при соблюдении которых правомерно и применять закон противоречия к смешанным объектам, и строить чистую теорию на основе экспериментов со смешанными объектами, и применять ее в практических действиях с ними.

Смешанные объекты и закон противоречия

Применение закона противоречия к абсолютным понятиям («куб», «кристалл», «мужчина» и т.д.) не сталкивалось бы ни с какими трудностями, если бы объекты, обозначаемые этими понятиями, были чистыми, т.е. содержали только одну из двух контрадикторных противоположностей: если бы в кубе не было ничего от шара, в мужчине — от женщины и т.д. При чисто умозрительном подходе представляется очевидным, что к смешанным объектам этот закон неприменим. Разберемся.

На практике такие объекты нередко описываются высказываниями, имеющими форму «А и не-А», т.е. форму логически противоречивого высказывания, запрещаемого законом противоречия: «Я царь — я раб — я червь — я Бог!» Г.Р. Державин выражает здесь в гротескной форме в сущности-то простую мысль: ни один реальный человек не содержит одну из этих противоположностей в чистом виде, каждый из нас — смесь таких противоположностей. К описанию

смешанных объектов в форме логически противоречивого высказывания закон противоречия не применим. В этом нет большой беды, поскольку такие описания встречаются преимущественно в поэтических и философских текстах. Из конкретно научных работ они устраняются как логические ошибки, даже в том случае, когда выводятся из бесспорных посылок теории по общепринятым правилам логики.

Тем не менее, и в практической, и в научной деятельности мы применяем закон противоречия не только к чистым, но и к смешанным объектам. Чтобы понять, что это не беспринципная уловка, а строгое следствие из исходных принципов гносеологии, нам необходимо различить две гносеологические процедуры — идеацию и идеализацию

Идеация и идеализация

Надежда получить нужную противоположность в чистом виде сопровождала человечество на всем протяжении его истории. Уже первобытные люди мечтали найти абсолютно надежных друзей, вождя, все понимающего и на все имеющего готовый ответ, абсолютно съедобные растения и т.д. Об этом же мечтали и ученые: Аристотеля, Галилея и Ньютона интересовало движение, полностью лишенное трения, химиков-теоретиков — абсолютно чистое вещество, физиков-теоретиков — абсолютно черное тело, создателей компьютеров — абсолютно чистые кристаллы кремния и т.д.

Но реально создать объекты, содержание которых исчерпывалось бы лишь одной из двух контрадикторных противоположностей, не удавалось. И тогда их создали в воображении. Такая процедура называется идеацией, а ее продукт — созданный воображением объект, содержащий в чистом виде лишь одну из контрадикторных противоположностей — идеальным объектом.

История идеации распадается на два этапа: доэкспериментальный и экспериментальный. Когда Аристотеля спрашивали, что произойдет с движущимся телом, если исчезнет трение, он, опираясь на повседневный опыт

и умозрительные размышления, отвечал: оно мгновенно приобретет бесконечно большую скорость. Галилей, в отличие от Аристотеля, опирался в поисках ответа на этот вопрос на эксперимент: выстлая пергаментом желоба, по которым катал шары, он реально уменьшал трение. При этом он, разумеется, не надеялся устранить его полностью. Ему важно было выявить тенденцию. А она состояла в том, что по мере уменьшения трения тело двигалось все дальше и все равномернее. Затем он осуществлял предельный переход: ставил вопрос, что произойдет, если трение исчезнет. Ответ вытекал из обнаруженной в эксперименте тенденции и был качественно отличным от аристотелевского: тело будет двигаться равномерно и прямолинейно. Именно этот продукт экспериментальной идеации и описывает механика Галилея-Ньютона.

Итак, теория описывает продукты идеации — объекты, в которых одна из двух контрадикторных противоположностей, входящих в эмпирический объект, выделена в чистом виде. К идеальным объектам закон противоречия применим в полном соответствии с принципами логики и гносеологии. Теперь нам необходимо описать условия, при соблюдении которых он, в полном соответствии с этими принципами, применяется и к смешанным, эмпирическим объектам. Для этого их необходимо идеализировать, т.е. истолковать как чистые, содержащие лишь одну из входящих в них контрадикторных противоположностей.

Правомерность идеализации как гносеологической процедуры основывается на поразительной (я почти готов сказать — мистической) особенности отношений, существующих между смешанными объектами: в каждом из них проявляется не все внутреннее содержание смешанного объекта, а только вполне определенная его часть. Золото 375 пробы, состоящее из золота лишь на 37,5 %, имеет золотой блеск и не тускнеет на воздухе. Этого вполне достаточно для ювелирных целей. Таков интервал, в границах которого мы получаем право трактовать этот сплав как чистое, иде-

альное, абсолютное золото и применять при рассуждениях о нем закон противоречия, запрещающий называть его одновременно и золотом, и не-золотом. Границы, в которых реальный, смешанный объект ведет себя как чистый, называют интервалом идеализации. Идеализация может быть и неинтервальной, например, когда девушка идеализирует любимого юношу. Интервальную идеализацию ввел в науку Галилей, именно поэтому она называется галилеевской идеализацией.

Итак, существуют три области, к которым пытаются применить закон противоречия: теоретический мир идеальных объектов, эмпирический мир смешанных идеализированных объектов и эмпирический мир смешанных неидеализированных объектов. Закон противоречия применим только к первым двум.

Этот познавательный прием делает правомерным не только применение закона противоречия к смешанным объектам, но и применение чистой теории в практических действиях со смешанным объектом, а также разработку чистой теории на основе экспериментов со смешанным объектом.

Но идеализация существует не только как мыслительная, но и как практическая процедура — как реальное устранение из материальных предметов содержания, противоречивого исследуемому. Она совершается не только в научном эксперименте, но и в промышленности: выплавляются все более чистые металлы, из которых получают все более чистые сплавы (бронзу, латунь, сталь и др.) и т.д. В реальном выделении нужных противоположностей в чистом виде сегодня достигнуты фантастические результаты: гироскопы на магнитной подвеске вращаются в космосе годами; выращиваются кристаллы, которые современными средствами измерения невозможно отличить от математически правильных, и т.д. Но окончательно эта сверхцель недостижима в принципе. Например, пространственное перемещение, полностью лишенное трения, исключается законом возрастания энтропии. Чистые объекты, содержание которых исчерпывается

одной из контрадикторных противоположностей, навсегда останутся сверхцелью человеческой практики. Предмет теоретического знания никогда не сольется с предметом эмпирического.

Итак, констатация того факта, что существуют такие отношения смешанного объекта к другим смешанным объектам, в границах которых он проявляет себя как чистый объект, и является главным аргументом против второго релятивизма. Метод выделения предмета в чистом виде в границах интервала идеализации называют интервальным подходом¹⁴⁸.

Третий релятивизм — это «болезнь к смерти»?

Постановка проблемы

Главной болезнью современной философии К.Поппер назвал именно третий релятивизм. Он порожден релятивностью, принципиально отличной от тех, что вызвали к жизни первый и второй релятивизм.

В XX веке одна за другой стали обнаруживаться зависимости, которых, с точки зрения классической науки, не должно бы было быть. Их-то и стали обозначать странным, с точки зрения норм русского языка, выражением «относительность к». Заговорили об относительности размеров движущегося тела к системе отсчета, относительности свойств микрообъекта к измерительному прибору, чувственного восприятия — к теории, теории — к «концептуальному каркасу» и т.д. Причем первыми об этих зависимостях заговорили сами представители конкретных наук, обнаружившие их в ходе своих профессиональных исследований. А это значит, что философский релятивизм не первичен. Он лишь концен-

¹⁴⁸ Я описываю здесь интервальный подход таким, каким я понял его из личных бесед с его авторами — Ф.В. Лазаревым и М.М. Новоселовым. В своих последних работах они трактуют его несколько иначе. См., например: *Новоселов М.М. Абстракция в лабиринтах познания. Логический анализ.* М., 2005. Гл. 2; *Лазарев Ф.В., Лебедев С.А. Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии.* 2005. № 10. С. 95–115.

трированное выражение того релятивизма, которым больна вся современная наука — от квантовой механики до этики.

Античный релятивизм и релятивизм Нового времени — это в значительной степени архив методологии науки. Сражение же с третьим релятивизмом сегодня в самом разгаре, и исход его не очевиден. Безусловной исторической заслугой современного релятивизма является то, что он, во-первых, привлек внимание к указанным парадоксальным зависимостям, и, во-вторых, дал их первую теоретическую интерпретацию. Она немудряща: *anything goes* (сойдет что угодно).

Исследование относительностей, ведущееся в полемике между современными сторонниками и противниками релятивизма, — точка роста современной методологии науки. Авторами работ по этой проблеме являются самые известные исследователи: К. Поппер, Р. Карнап, У. Куайн, Д. Дэвидсон, Р. Рорти, Х. Патнем, П. Фейерабенд, Т. Кун и др. Библиография по релятивизму насчитывает более сотни работ, среди которых хотелось бы выделить прекрасную обзорную статью (фактически — книгу) «Relativism» в «Stanford Encyclopedia of Philosophy».

Все большее внимание уделяется релятивизму и в отечественной литературе. Отмечу книгу Е.А. Мамчур «Объективность науки и релятивизм» (М., 2004), посвященную анализу релятивизма в современном естествознании, и дискуссию о релятивизме в журнале «Эпистемология & философия науки» (т.1, № 1), в которой приняли участие ведущие отечественные последователи гносеологии.

Вот сводка «относительностей к», взятая из упомянутой статьи «Relativism»¹⁴⁹:

Зависимые переменные (что релятивно)	Независимые переменные (к чему релятивно)
Центральные понятия	Язык
Центральные верования	Культура
Восприятия	Исторический период
Эпистемические оценки	Врожденная когнитивная архитектура

¹⁴⁹ Stnsford Encyclopedia of Pilosophy <http://plato.Stanford.edu>

Зависимые переменные (что <i>релятивно</i>)	Независимые переменные (к чему <i>релятивно</i>)
Этика	Выбор
Семантика	Научный каркас
Практика	Религия
Истина	Гендер, раса или социальный статус
Реальность	Индивидуальность

Из таблицы видно, что «относительным к» называют объект *a*, находящийся не в любом отношении к объекту *b*, а именно в отношении зависимости. Каждая из девяти зависимых переменных «относительна к» каждой из девяти независимых, итог: 81 «относительность к».

Важно различать онтологическую и гносеологическую относительность. В случае онтологической относительности и «относительный» объект *a*, и объект *b*, к которому он «относителен» (каков слог!), существуют в объективном мире. Примеры онтологической относительности: относительность размеров тела к скорости движения системы отсчета; относительность свойств микрообъекта к измерительному прибору. Гносеологическая относительность возникает, когда либо объект *a*, либо объект *b*, либо оба вместе принадлежат сознанию. Примеры: относительность чувственного восприятия к теории, теории к концептуальному каркасу или, как теперь переводят термин *cognitive framework*, концептуальной схеме, науки — к культуре, онтологии — к языку и т.д.

О словах, конечно, не спорят, но хотелось бы все-таки понять, почему то, что 2,5 тысячи лет называли зависимостью *a* от *b*, вдруг стали называть относительностью *a* к *b*. Ведь если принять эту терминологическую новацию, то придется говорить, например, что нагревание камня относительно к свечению Солнца, давление газа относительно к его температуре и т.д.

Однако при более внимательном анализе приведенных примеров видно, что полного отождествления относительности *a* к *b* с зависимостью *a* от *b* здесь нет. Релятивностью *a* к *b* называют не любую, а только парадоксальную зависи-

мость *a* от *b*: ну не могут размеры тела зависеть от скорости его равномерного и прямолинейного движения относительно системы отсчета; не могут свойства исследуемого микрообъекта определяться свойствами измерительного прибора, а онтология зависеть от языка, о чем идет речь в знаменитой статье У. Куайна «Онтологическая относительность»¹⁵⁰. Между тем, именно о так понимаемой «относительности к» говорится в работах Р. Карнапа, У. Куайна, Д. Дэвидсона, Х. Патнема, П. Фейерабенда, Т. Куна и их наиболее последовательного критика — К. Поппера. Существенно, что парадоксальной может быть не только зависимость, но и независимость *a* от *b*, например, независимость скорости света от скорости движения системы отсчета.

Релятивизм и антирелятивизм

Открытие этих «нелегитимных» зависимостей и независимостей — знамение XX века. Современники относятся к этим открытиям двояко. Первая и самая естественная реакция — «закрыть» их. Именно так поступает К. Поппер, объявляющий карнаповскую концепцию зависимости теории от концептуального каркаса «мифом»¹⁵¹. Так же поступают и те современные физики, которые оспаривают результаты измерений, на которых базируется и специальная, и общая теория относительности. Исследователей, оспаривающих сами факты перечисленных «относительностей», называют дескриптивными антирелятивистами, исследователей, признающих эти факты, — дескриптивными релятивистами. Спор между дескриптивными релятивистами и антирелятивистами — это спор о фактах. Философы здесь — не помощники. Их время наступает, когда факты установлены. Спор между дескриптивными релятивистами и антирелятивистами не может, на мой взгляд, завершиться полной

¹⁵⁰ Куайн В. Онтологическая относительность // Современная философия науки. М., 1996. С. 18—40.

¹⁵¹ Поппер К. Миф концептуального каркаса // Он же. Логика и рост научного знания. М., 1983.

победой одной из сторон. Часть открытых «релятивностей к» придется «закрыть», а часть окажется бесспорными фактами, требующими гносеологического объяснения.

Исследователи, признающие сами факты парадоксальных зависимостей, снова делятся на два лагеря — нормативных релятивистов и нормативных антерелятивистов. Нормативный релятивист утверждает, что «выбор между конкурирующими теориями произволен». Он, таким образом, поступает по знаменитому анекдоту о ходе Насреддине: и ты прав, и ты прав, и ты, заявивший, что не могут двое, утверждающие противоположное, быть оба правы, тоже прав. Нормативный антирелятивизм представлен сторонниками классической теории истины, согласно которой о каждом предмете, рассматриваемом в одно и то же время и в одном и том же отношении, может быть сколько угодно теорий, претендующих на истину, но истинна только одна из них — та, которая соответствует этому предмету. Задача исследователя как раз и заключается в том, чтобы создать эту единственную теорию или выбрать ее среди уже существующих.

Драма, порождающая нормативный релятивизм, состоит в том, что сторонники классической теории истины, среди которых такие современные мыслители, как Дж. Сёрль, А. Голдман, М. Бунге, Р. Харре, Ф. Дретцке, Д. МакДауэлл и многие другие, а не один только Поппер, пока не могут истолковать открытые в XX веке парадоксальные зависимости в соответствии с принципами теории соответствия. Эта драма обостряется еще и тем, что релятивисты тоже не могут доказать истинность своего тезиса. Идеи Д. Дэвидсона и У. Куайна многими критикуются. То же можно сказать и о Х. Патнэме, хотя его позиция более сложна: он так называемый «внутренний реалист».

И здесь обнаруживается парадокс: фактически формулу «выбор между конкурирующими теориями произволен» не защищает никто. Она фигурирует лишь как объект критики. Мною она взята из работы К. Поппера, главного борца

с релятивизмом. Даже П. Фейерабенд, при ближайшем рассмотрении, формулирует свое *anything goes* в «рекламных» целях. Попытки включить кого-нибудь из известных современных философов, например, Р. Рорти, в число релятивистов вызывают у них бурный протест.

А это значит, что современный релятивизм — это не завершенная концепция, имеющая убежденных и последовательных сторонников, а, скорее, соблазн, который испытывают все, в наличии которого обвиняют друг друга и альтернативы которому пока не видят. Следовательно, и преодолевать релятивизм нужно в себе, и делать это, не прослеживая вытекающие из него нелепости, а скрупулезно анализируя гносеологическую трудность, из которой он сам вытекает и предлагая решение этой трудности, альтернативное релятивистскому.

Итак, причина живучести современного релятивизма — не в недостатке прилежания, интеллекта или профессионализма его критиков, а в глобальности породившей его проблемы. Она значительно сложнее, чем проблемы, породившие античный релятивизм и релятивизм Нового времени. Только скрупулезным исследованием этой проблемы мы сможем ответить на вопрос, что представляет собой современный релятивизм: очередную болезнь роста науки или «болезнь к смерти», пользуясь выражением С. Кьеркегора.

Глава 12. Связь, связь состояний, причинная связь

Связь

Если тождество и сходство — самые элементарные отношения из всех существующих, то связь — самое сложное. Не случайно диалектику определяют как науку о связях. Трактровка «отношения» как родового, а «связи» —

как видового понятия не общепринята в отечественной литературе. В словосочетании «связи и отношения» их трактуют как однопорядковые. Но этому словосочетанию можно придать смысл и в рамках трактовки связей как вида отношений. Перед нами довольно типичная ситуация, когда в роли видового используется родовой термин: отношения, не являющиеся связями (не-связи), также называют отношениями. Поэтому выражение «связи и отношения» фактически означает «связи и те отношения, которые остаются за вычетом связей». Иногда такие отношения называют констелляциями, но этот термин не общепринят.

Будем двигаться к определению связи от определения отношения как признака, который принадлежит нескольким объектам. Именно в силу своей сопринадлежности нескольким объектам отношение образует из них новый объект. Это открывает возможность классифицировать отношения по степени, с которой они объединяют объекты, между которыми существуют, в новые объекты. Сходство существует между объектами, находящимися в разных точках пространства и времени. Оно образует из них такое в высшей степени эфемерное образование, как класс. А вот сильное взаимодействие между протонами и нейтронами образует из них уже нечто более реальное — ядро атома. Если отношения расположить в ряд по степени, с которой они объединяют многое в одно, то на одном полюсе окажется сходство, объединяющее объекты в классы, а на другом — связи, объединяющие их в целостности. Эти целостности могут быть синхроническими (предметы) и диахроническими (процессы).

Таково исторически и логически первое понимание связи. Оно зафиксировано в этимологии терминов, обозначающих связь практически во всех европейских языках: русское «связь» происходит от глагола «связывать», латинское *connection*, перешедшее затем во французский и английский языки, — от глагола *necto* — «соединять»,

немецкое *Zusammenhang* — от *zusammen hängen* — «держат вместе». Такое совпадение объяснимо: из всех реально существующих объектов именно целостности первыми привлекали внимание людей, а в целостностях — то, что образует их из их элементов¹⁵². Итак: связь — это отношение, которое объединяет части в целое, образует предмет из его элементов.

Однако это исторически первое, этимологическое понимание связи не охватывает всех тех отношений, которые называют связями в современном дискурсе. Никто не отрицает, например, что поток фотонов, испускаемых Солнцем, связан с ядерными процессами, происходящими в его глубине, но это не удерживание вместе, не *Zusammenhang*, а отталкивание, или, говоря словами древних, не любовь, а вражда. Необходимо определение, которое фиксировало бы то, в чем тождественны связь — притяжение, и связь — отталкивание. Вот оно: связь — это отношение зависимости.

Зависят друг от друга протоны и нейтроны в ядре атома, фотоны, испускаемые Солнцем, зависят от процессов, протекающих внутри Солнца, и т.д. Но в подавляющем же большинстве случаев мы имеем дело не со связью, а с взаимосвязью — отношением взаимной зависимости. Чтобы понять природу взаимозависимости А и В, нужно проанализировать в чистом виде одностороннюю зависимость А от В и В от А. Образец чистой, односторонней зависимости в природе найти довольно трудно. Не случайно в качестве таковой до сих пор используют данный еще Юмом пример нагревания камня Солнцем: трудно предположить, что теплота камня оказывает обратное влияние на температуру Солнца.

Итак, отношение между причиной и следствием — это пример связи, определяемой как отношение зависимости. А другие примеры связи-зависимости есть? В нашей лите-

¹⁵² В конкретных науках важную роль играет понятие «длина связи». Оно обозначает расстояние, на котором действует связь-объединение. Для сильных взаимодействий, например, она равна 10^{-13} см.

ратуре трудно найти ясный ответ на этот вопрос. Я придерживаюсь точки зрения Г.А. Свечникова, согласно которой наряду с причинной связью отношением зависимости является и связь состояний: нагревание камня Солнцем — это причинная связь, а переход камня из холодного состояния в теплое — связь состояний. И та и другая — отношения зависимости.

А другие виды зависимости, кроме причинной связи и связи состояний, существуют? Можно ли, например, назвать зависимостью соответствие между движениями фигурок на крышке музыкальной шкатулки? Очевидно, нет. Убрав одну из этих фигурок, мы никак не повлияем на движения другой. Нет зависимости и между траекториями осколков одного снаряда, нет ее и между процессами, протекающими в различных галактиках, образованных Большим взрывом и т.д. Все это примеры отношений между несколькими следствиями одной причины. Если между нет зависимости, значит, нет и связи?

Обратим внимание на следующую деталь: во всех трех примерах между следствиями одной причины имеется отношение соответствия. Соответствуют друг другу и движения фигурок, и траектории осколков, и эволюции галактик. В этих примерах отношение соответствия выступает в чистом виде, в отличие от причинной связи и связи состояний, в которые оно входит в качестве компонента. Оформим эту дистинкцию терминологически: отношение между следствиями одной причины, представляющее собой соответствие в чистом виде, назовем корреляцией. То общее, что присуще и корреляции, и причинной связи, и связи состояний, будем называть просто соответствием. Это позволяет обобщить предыдущее определение связи: связь — это отношение соответствия.

Никаких принципиальных возражений напротив того, чтобы не называть соответствие связью, нет. Речь может идти лишь о том, насколько предлагаемое определение удобно для исследования.

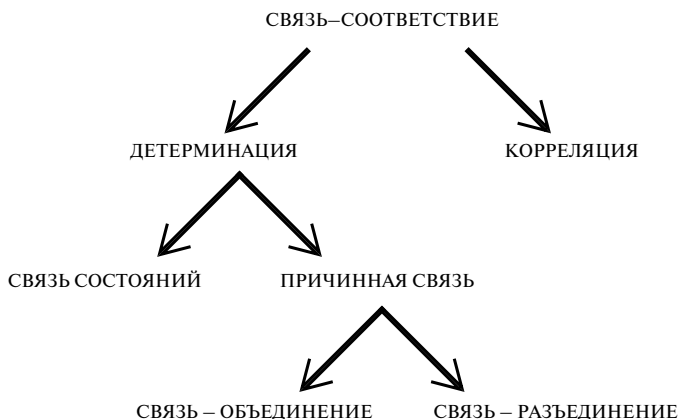
Соответствие, входящее и в связь состояний, и в причинную связь, а также выступающее в чистом виде в корреляции, играет фундаментальную роль в процессе познания. Оно позволяет, зная свойства одного из соответствующих друг другу объектов, описать свойства другого, например, по траектории одного из осколков снаряда, описать траекторию другого. Таково главное соображение, на основании которого я предлагаю наряду с определениями связи как отношения, образующего целое из его элементов и отношения зависимости, принять и определение ее как отношения соответствия.

У так понимаемой связи есть парадоксальная и вместе с тем фундаментальная черта: существуя между изменяющимися объектами, она сама неизменна: при любых изменениях длины окружности и ее радиуса отношение окружности к радиусу останется неизменным и равным π . Эта неизменность — критерий для отличия связей от несвязей (отношений, связями не являющихся). Допустим, дерево в прошлом году было равно по высоте дому, а в этом стало выше его. Высота дома осталась прежней, а отношение из равенства превратилось в неравенство. Следовательно, это не связь. Сказанное позволяет предложить еще одно определение связи, экстенционально совпадающее с предыдущим: связь — это неизменное отношение между изменяющимися объектами.

Исследование именно таких «твердых» отношений является основной задачей науки. При этом вовсе не обязательно каждый раз учитывать специфику причинной связи, связи состояний или корреляции. Достаточно лишь принимать во внимание входящее в них отношение соответствия.

Люди не только открывают связи-соответствия в природе, но и создают их конвенциями и практической деятельностью: все этические и юридические отношения между людьми — это, в сущности, искусственно созданные соответствия.

Представим теперь все проанализированные выше значения термина «связь» в виде следующей схемы:

Эта схема позволяет ясно и просто отличить детерминизм от индетерминизма: детерминизм признает и детерминацию, и корреляцию; индетерминизм сводит детерминацию к корреляции. Он не видит качественной разницы между различными состояниями одного и того же объекта, отношением причины к следствию и отношением между следствиями одной причины.

Связь состояний

Если первая форма детерминации, причинная связь, всегда исследовалась весьма активно, то исследование связи состояний долгое время находилось в стадии стагнации. Различение их, осуществленное Г.А. Свечниковым, я считаю серьезным научным результатом: «Связь ... камня с Солнцем, вызывающим нагревание первого, является причинной связью. Переход камня из состояния с меньшей температурой в состояние с большей температурой выражается при помощи категории связи состояний»¹⁵³.

¹⁵³ Свечников Г.А. Причинность и связь состояний в физике. М., 1971. С.118.

В данном примере связь состояний заключается в том, что предмет переходит из одного количественного состояния в другое количественное состояние. Переход воды из твердого состояния в жидкое, а затем в газообразное — пример связи качественных состояний объекта.

Я уже подчеркивал, что смена качественных состояний предмета — это всего лишь смена его видовых признаков при сохранении родового: переходя из одного агрегатного состояния в другое, вода меняет свои видовые признаки, родовой же признак — ее химическая формула — остается неизменным. Этот процесс можно представить как переход предмета в свою противоположность, А в не-А. Казалось бы, что можно извлечь из столь элементарного описания природного процесса? В действительности, это упрощение позволяет увидеть закономерность, которая при более детальном описании не просматривалась. Возвращение предмета к старому качеству происходит по совершенно элементарной причине: количество качеств, которыми он может обладать, ограничено. Например, вода может пребывать только в трех агрегатных состояниях, и переход из того состояния, в котором она находится сейчас, с неизбежностью будет возвращением к тому состоянию, в котором она уже находилась. Если бы число возможных агрегатных состояний воды было бесконечным, возвращения к старому можно было бы и избежать. В этом же и объяснение того, почему в моде, например, новое — это накрепко забытое старое: смена моды происходит потому, что имеющийся фасон, скажем, квадратный носок сапога, надоел. Но все другие в принципе возможные фасоны уже были модными по многу раз. Возвращение к старому может происходить и на той же, и на низшей, и на высшей ступени. Например, современные сапоги с прямыми носками не идут ни в какое сравнение с теми, которые описаны в рассказе Л. Толстого «После бала». Закон отрицания отрицания описывает возвращение к старому именно как закон развития. Несмотря на элементарность, он играет фундаментальную роль в познании и практике: позволяет предвидеть будущее. Простой пример. Товарное

производство возникло в Европе как домашнее. Затем оно сменилось конвейерным. Закон отрицания отрицания позволяет предсказать возвращение к домашнему производству. Еще в середине прошлого века такое предсказание выглядело жалкой попыткой подвести жизнь под голые гегелевские схемы. Сегодня же это возвращение к старому на высшей ступени происходит в самых развитых странах.

Итак, смена состояний — это не просто реальный процесс, но и процесс, подчиняющийся философскому закону. Серьезный методологический вклад в его исследование внесла синергетика. Три ее термина — «неравновесное состояние», «точка бифуркации» и «пусковая причина» — также характеризуют смену состояний.

Причинная связь

Явление, порождающее другое явление, называют причиной, порожденное явление — следствием, а процесс порождения причиной следствия — причинной связью, причинностью, отношением причинности.

Причинная связь отличается от связи состояний числом носителей: связь состояний — это диахроническое отношение объекта к самому себе. Причинность же объединяет нумерически различные объекты, например, свечение Солнца и нагревание камня. Отсюда следует, что никакой объект не может быть причиной самого себя. Возникает естественное возражение: а как же быть с понятием «*causa sui*» (причина самой себя), сыгравшим существенную роль в истории философии?

Causa sui

Наиболее последовательно теорию *causa sui* развивает Фихте¹⁵⁴. Но создал ее не он, а Спиноза, правда, примени-

¹⁵⁴ Здесь, впрочем, нет полной ясности. С одной стороны, Фихте говорит: «Я возник не благодаря самому себе. Было бы верхом нелепости предполагать, что, еще не существуя, я существовал, чтобы вызвать себя к существованию» (Фихте И.Г. Назначение человека. СПб., 1905. С. 13–14.). С другой стороны, многократно и на разные лады он повторяет: «Я — безусловно свое собственное создание» (Там же. С. 78.).

тельно только к субстанции, которую отождествил с Богом. С точки зрения Спинозы, субстанция не создана ничем и никем, находящимся вне нее, а является порождением самой себя, *causa sui*. Позднее появился еще один претендент на роль *causa sui* — человеческая воля. Еще одним объектом, являющимся причиной самого себя, является знаменитый кораблик Н. Матвеевой:

Сам себя, говорят, он построил,

Сам себя, говорят, смастерил.

Чтобы показать, что в реальном пространстве-времени объектов, породивших себя, быть не может, напомним, что и спинозовское понимание субстанции и фихтеанская трактовка «Я» как *causa sui* основаны на неявном допущении реальности унарных отношений. Большинство современных философов не видят в этом ничего подозрительного. Тревога возникла в математике, которая обычно первой сталкивается с методологическими трудностями, до которых другие науки доходят лишь десятилетия, а то и века спустя. Было показано, что признание реальности унарных отношений не только противоречит классическому, аристотелевскому определению отношения как признака, принадлежащего нескольким объектам, но порождает логические и семантические парадоксы (в том числе и самый знаменитый — парадокс «лжец»). Эти парадоксы, в свою очередь, вызвали продолжающийся и поныне третий кризис оснований математики.

Две наиболее известные попытки устранить эти парадоксы — теория типов Б. Рассела и семантическая теория А. Тарского — основаны на запрете самоотнесенности или, в другом аспекте, унарных отношений. Общеизвестный недостаток обеих теорий в том, что наряду с парадоксальной они запрещают и безвредную самоотнесенность¹⁵⁵. Но его легко устранить, различив строгую и нестрогую самоотнесенность и запретив только последнюю¹⁵⁶. Нестрогая само-

¹⁵⁵ См.: *Popper K.R. Self-Reference and Meaning in Ordinary Language*// *Mind*. Vol., LXII, № 250. 1954. P. 167.

¹⁵⁶ См. об этом: *Левин Г.Д. Дialeктика и парадоксы теории множеств* // *Вопросы философии*. № 12. 1981. С. 64–65.

отнесенность, например, самоуправление, — это бинарное отношение, представленное как унарное: здесь одна часть системы управляет другой. Как бинарное отношение можно представить самовоспитание, самообразование, любовь к самому себе. А вот самопостроение кораблика или самопорождение воли — это строго унарные отношения. Представить их как бинарные нельзя, и согласовать признание их реальности с классическим определением отношения невозможно. Самоотнесенность — везде самоотнесенность — и в парадоксе Рассела, и в утверждении, что воля — это *causa sui*. Поэтому и отказ от нее — благо не только для математики, но и для философии. Тезис, что существуют объекты, которые в строгом смысле этого слова являются причинами самих себя, можно было защищать лишь до создания теории типов Рассела и семантической теории Тарского. Сегодня это архаизм¹⁵⁷.

Причинность и принцип монизма

Как было показано в главе «Тождество и сходство», суть принципа монизма выражается двумя предложениями:

- 1) не существует абсолютно несходных предметов;
- 2) сходство предметов — необходимое условие причинной связи между ними (и, как следствие, связи между следствиями одной причины).

Существуют сходные предметы, между которыми нет причинной связи, но невозможна причинная связь между абсолютно несходными предметами.

Причинность и закон сохранения

Еще во времена Аристотеля почти все натурфилософы признавали: «Ни одна вещь не возникает из небытия, но все — из бытия»¹⁵⁸. Но если так, то из какого бытия возникает такая, например, «вещь», как теплота камня? Ответ очевиден: это теплота Солнца, перешедшая в камень. Что прибыло в камне, убыло на Солнце. Теплота Солнца порождает теп-

¹⁵⁷ Можно показать, что в контексте реального исследования самодетерминация нередко трактуют как нестрогую самоотнесенность. В этом случае она выступает просто как «стыдливый» детерминизм.

¹⁵⁸ *Аристотель. Метафизика* // Он же. Соч.: В 4 т. Т.1. М., 1976. 1062b.

лоту камня тем, что становится теплотой камня. И в общей форме: причина порождает следствие тем, что становится следствием.

В Средние века эта мысль выражалась латинской формулой: *causa aequat effectum* (причина тождественна следствию). Чтобы полнее осознать эту фундаментальную, я бы даже сказал, великую мысль, различим два понимания причины — широкое и узкое. Причина в широком смысле — это предмет вместе с тем субстратом, который он передает другому предмету, например, Солнце вместе с теплотой, которую она передает камню. Причина в узком смысле — только сам субстрат, переходящий от одного носителя к другому, в данном примере — теплота Солнца, переходящая к камню. Аналогично различают широкое и узкое понимание следствия. Из контекста обычно ясно, в каком из двух смыслов употребляются эти категории. Очевидно, например, что в формуле «причина тождественна следствию» причина и следствие понимаются в узком смысле, а в предложении «Солнце нагревает камень» — в широком.

В зависимости от того, что именно передается в акте причинения от одного предмета к другому, Аристотель различал материальную, действующую и формальную причины. Пример действующей причины — нагревание камня Солнцем: от Солнца к камню перетекает движение. Пример материальной причины — дождь, порождающий мокроту. Тождество имеет место и здесь: «дождь — причина и мокрота — действие суть одна и та же существующая вода»¹⁵⁹. Примеры формальной причины — отпечаток печати на воске, репликация структуры нити дезоксирибонуклеиновой кислоты в структуре парной ей нити и т.д. От причины к следствию здесь переходит не материя и не движение, а только форма или, как сейчас говорят, информация.

Как уже подчеркивалось, закону сохранения подчиняется не только причинная связь, но и другой вид детерминации —

¹⁵⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика // Он же. Соч. Т.1. М.; Л., 1929. С.156.

связь состояний: в процессе таяния лед не превращается в ничто, и вода не появляется из ничего; они превращаются друг в друга.

Этого соблюдения закона сохранения нет в корреляции. Ни материя, ни движение, ни форма от одной из фигурок на крышке музыкальной шкатулки не переходят к другой. Таким образом, закон сохранения — это критерий, отличающий детерминацию от корреляции. Детерминисты признают все три вида связи, индетерминисты, например, Э. Мах, признают только ту их составляющую, которая сводится к корреляции.

Д. Юм в своем знаменитом определении причинной связи выделяет следующие ее атрибуты:

- 1) предшествование причины следствию во времени;
- 2) их смежность в пространстве;
- 3) повторяемость этих предшествований и смежностей в сходных случаях;
- 4) тот факт, что идея одного из соединенных причинной связью объектов «определяет ум к образованию идеи другого»¹⁶⁰.

Возникает естественный вопрос: почему фундаментальная и, безусловно, известная Юму связь причинности с законом сохранения не зафиксирована в его определении причинной связи? Ведь под его определение причинной связи подойдет не только причинная связь, например, нагревание камня Солнцем, и связь состояний, например, переход камня из холодного состояния в теплое, но и корреляция. Связь состояний Юм мог бы отличить от причинной связи, указав, что первая имеет место между разновременными состояниями одного и того же предмета, а вторая — между одновременно существующими нетождественными предметами. Но отличить отношение детерминации (причинную связь и связь состояний) от отношений корреляции (соответствия между следствиями одной причины) он мог бы только с помощью закона сохранения.

¹⁶⁰ Юм Д. Тракта́т о челове́ческой природе // Он же. Соч. Т.1. М., 1996. С. 222–223.

На мой взгляд, это не результат недосмотра или недомыслия, а логический вывод из исходных принципов его философии. Поясню аналогией. Допустим, я переливаю воду из одного сосуда в другой и снимаю этот процесс на кинокамеру. Само переливание происходит в полном соответствии с законом сохранения: что убыло в одном сосуде, прибыло в другом. Но на экране прибывание воды в одном сосуде никак не зависит от ее убывания в другом. Можно даже отрезать ту часть пленки, на которой изображен первый сосуд. Вода во втором все равно будет прибывать.

А теперь вернемся к Юму. Он, как известно, не был уверен в существовании объективной реальности — той самой, в которой соблюдаются законы сохранения. Предмет его размышлений — чувственный образ объективной действительности, т.е. не само переливание воды, а кинофильм о нем. Поэтому, как последовательный мыслитель, определение причинности он относит не к отображаемой действительности, а к ее отображению. В нем же, как и в событиях на экране, имеет место лишь последовательность событий во времени, их смежность в пространстве, их повторяемость; при этом идея одного объекта ведет к идее другого. О законе сохранения упоминать просто нет нужды. Это было бы классическим образцом логической непоследовательности.

Итак, Юм в рамках своего мировоззрения логичен и последователен. Но почему указание на связь причинности с законом сохранения отсутствует в работах современных материалистов, в том числе и диалектических? Ведь оно не просто дополняет, а объясняет все четыре признака причинности, констатированные Юмом. Ничем, кроме недомыслия, я это объяснить не могу.

Итак, материя, движение и форма, поставляемые в объект извне, вызывают его переход из одного состояния в другое. Когда мы говорим, что беспричинных событий не бывает, мы имеем в виду, что не бывает смены состояний предмета без каузального воздействия на него других предметов.

Причинность и взаимодействие

Понятие причинной связи как одностороннего «перетекания» материи, движения или формы от одного носителя к другому — чрезвычайно абстрактный инструмент исследования. Пользоваться им — все равно что зубной щеткой подметать мостовую. Ведь в большинстве практически важных случаев мы имеем дело не с односторонней причинной связью, а с взаимодействием, хрестоматийным примером которого является поочередное «переливание» механического движения от одного из двух подвешенных на нитях стальных шаров к другому при их соударении. Проанализировать этот процесс с помощью понятия причинной связи — значит сначала разложить его на односторонние причинные воздействия, а затем вновь синтезировать в целостную картину. В примере с шарами эту задачу решить нетрудно. Более сложна знаменитая задача трех тел: определить относительное движение трех материальных тел (например, Солнца, Земли и Луны), взаимодействующих по закону всемирного тяготения. Она не решена до сих пор. Некоторые авторы находят остроумный выход из этой ситуации: причиной называют весь процесс взаимодействия от начала до конца (например, весь процесс соударения стальных шаров, подвешенных на нитях), а следствием — конечный итог этих взаимодействий (нагревание этих шаров). Это «новейшее» понимание причинности стало в последнее время настолько популярным, что вошло в справочные издания. Но на самом деле это уход от проблемы. Назвав взаимодействие причиной, а его конечный результат — следствием, авторы просто перевесили давно известные названия на давно известных вещах, ничуть не продвинувшись в их понимании.

Временное отношение причины и следствия

Этому вопросу посвящены статьи и даже книга¹⁶¹. Связь причинности с законом сохранения позволяет решить его элементарно. Возьмем гегелевский пример материальной

¹⁶¹ Уемов А.И. О временном соотношении между причиной и действием. Иваново, 1960.

причины: дождь — причина, мокрота — следствие. На его основе возможны по крайней мере три абсолютно равноправных ответа на вопрос о временном соотношении причины и следствия.

1. Тот дождь, который висит в воздухе, еще не является причиной той мокроты, которая уже пропитала землю. Следовательно, причина и следствие строго разновременны: пока есть причина, еще нет следствия, и когда есть следствие, уже нет причины. Обратное противоречило бы принципу сохранения.

2. Причина — это весь выпавший дождь, а следствие — вся порожденная им мокрота. Следовательно, причина существует до следствия (дождь в воздухе) и одновременно с ним (земля уже мокрая, а дождь все идет), а следствие существует и одновременно с причиной и после ее прекращения. Время существования причины и время существования следствия перекрещиваются.

3. Еще не упавший дождь — еще не причина, а оставшаяся после прекращения дождя мокрота — уже не следствие. Значит, причина и следствие строго одновременны.

Возможны и другие решения этого вопроса. Выбор одного из них определяется задачами исследования.

Свободная причина

Понятие свободной причины, противопоставляемое понятию несвободной, или принужденной, причины ввел Спиноза: «...каждое отдельное проявление воли может определяться к существованию и действию только другой причиной, эта — снова другой, и так до бесконечности... поэтому воля не может быть названа свободной причиной, но только необходимой или принужденной»¹⁶².

Это позволяет различить три типа причин:

1) «принужденные», которые, прежде чем стать причинами, побывали следствиями (поток фотонов, порождающий теплоту камня, сам был порожден ядерными процессами на Солнце);

¹⁶² Спиноза Б. Этика // Он же. Избр. произведения. Т.1. М., 1957. С. 389.

- 2) причины самих себя;
- 3) свободные причины.

Реальность «принужденных» причин сомнений не вызывает. Реальность *causa sui*, причин, порождающих самих себя, я выше отверг со всей тщательностью. Здесь я покажу, что и свободных причин не существует.

Свободной в философской и теологической литературе называют не ту причину, которая свободно порождает любое следствие, а ту, которая сама не является ничьим следствием. Свободная причина — это причина, не имеющая причины, т.е. ничем не детерминированное начало причинной цепи. Но, не будучи ничьим следствием, она функционирует после своего возникновения как совершенно обычная причина других явлений, полностью подчиняющаяся закону сохранения.

Воспользуюсь для доказательства тезиса, что свободных причин не существует, аристотелевским делением причин на материальные, действующие и формальные. Это позволяет разделить вопрос о существовании свободных причин на три:

- 1) существуют ли свободные материальные причины;
- 2) существуют ли свободные действующие причины;
- 3) существуют ли свободные формальные причины?

Эти три вопроса эквивалентны следующим:

- 1) возможно ли нарушение закона сохранения материи?
- 2) возможно ли нарушение закона сохранения движения?
- 3) возможно ли нарушение закона сохранения формы?

Теолог не увидит в утвердительных ответах на эти вопросы ничего необычного: Библия полна примерами подобного рода. Материалист на первые два вопроса ответит отрицательно: ни материя, ни движение не возникают из ничего и не превращаются в ничто. Что прибывает в одном месте, убывает в другом. Этот закон соблюдается как в макро-, так и в микромире, в том числе и при переходе электрона с одной

орбиты на другую¹⁶³. А это значит, что ни свободных материальных, ни свободных действующих причин не бывает.

А существуют ли свободные формальные причины? Можно ли передачу формы от одного предмета к другому представить так же, как переход тепла от Солнца к камню или дождя из воздуха в землю? Распространяется ли принцип «что прибыло в одном месте, убыло в другом», на форму? Что убыло в бронзовой печати после того, как появился ее отпечаток на воске?

Это вопросы, от ответа на которые зависит решение вопроса об универсальности закона сохранения: он не имеет исключений, или он распространяется только на материю и движение? Чисто интуитивно я верю, что он распространяется и на форму. Но обсуждение этого тезиса увело бы нас в сторону.

Я предлагаю следующую конвенцию. Примем, что и материя, и движение переходят от причины к следствию в строгом соответствии с законами сохранения. Вопрос, происходит ли при этом и субстратный перелив формы от причины к следствию, оставим до лучших времен. Обсудим более простой вопрос: всегда ли имеет место соответствие формы причины форме следствия? Если материя и движение следствия возникают в соответствии с законом сохранения, а его форма никак не коррелирует с формой его причины, то это следствие, выступающее уже в роли причины, условимся называть свободной формальной причиной.

Таково онтологическое определение свободной причины. Но ее можно определить и гносеологически. Если не впадать в мистику, то очевидно, что предсказать грядущее событие можно только одним способом — проследив его детерминацию предшествующими событиями. Но свободная причина возникает в результате разрыва в цепи детерминации: ее форма никак не коррелирует с формами предшествующих ей

¹⁶³ Одно время пытались дать закону сохранения в микропроцессах статистическую интерпретацию, но сейчас от этой затеи отказались.

событий. Следовательно, она принципиально непредсказуема. С уверенностью можно лишь утверждать, что ее материя и движение не возникают из ничего. Что же касается формы, то о ней на основе информации о форме предшествующих событий нельзя сказать ничего. Она непредсказуема не в силу наших познавательных способностей, а в силу особенностей самой объективной действительности. Ее не мог бы предсказать даже Бог.

В философской и теологической литературе выдвигают четырех претендентов на роль так понимаемой свободной причины.

Первый — это, конечно, Бог. Воля Бога ничем не детерминирована просто в силу того, что ей ничего не предшествует.

Второй претендент — воля человека. И. Кант считает, что проблема свободы человеческой воли — это в своей сущности проблема свободной причины: «Та сторона вопроса о свободе воли, которая всегда приводила в такое затруднение спекулятивный разум ... сводится исключительно к тому, должна ли быть допущена способность само собой начинать некоторый ряд следующих друг за другом вещей или состояний»¹⁶⁴.

Третий претендент на роль свободной причины — электрон. Физики полушутя говорят о свободе его воли. Дело в том, что они не умеют предсказать ни времени перехода электрона с одной орбиты на другую, ни орбиты, на которую он перейдет. Причина проста: электрон — микробъект, а приборы, с помощью которых он исследуется, — макробъекты, и фиксировать причины, детерминирующие его переход с одной орбиты на другую, они не в состоянии. На этом основании сторонники Копенгагенской интерпретации квантовой механики смело умозакljučают, что таких причин нет вовсе, и переход электрона с одной орбиты на другую является научно доказанным примером свободной причины.

¹⁶⁴ Кант И. Критика чистого разума // Он же. Соч.: В 6 т. Т.3. М., 1964. С. 422.

Четвертого претендента на роль свободной причины поставила синергетика. Она привлекла внимание к тому, в общем-то, известному факту, что объект не переходит из одного состояния в другое сам по себе: абсолютно чистая вода не превратится в лед даже при температуре ниже нуля. Это произойдет, только если в нее извне попадет основа кристаллизации — микроскопическая соринка. Такое незначительное, непредсказуемое и вместе с тем глобальное по своим последствиям вмешательство извне называют пусковой причиной. В том случае, когда у предмета существует лишь одна возможность перехода в новое качество, например, у жидкости — только замерзание, пусковая причина запускает превращение назревшей возможности в действительность. Но в природе и обществе важную роль играют ситуации, когда в точке перехода объекта из одного качества в другое (точке бифуркации) имеется не одна, а несколько возможностей. Например, в октябре 1917 года перед Россией имелся целый веер потенциальных путей ее дальнейшего исторического развития. Роль пусковой причины, определивший тот путь, по которому она пошла в XX веке, сыграл несвоевременный подвоз хлеба в Петроград. Эта пусковая причина выполнила уже две функции: «выбрала» одно из возможных направлений развития России и запустила его реализацию¹⁶⁵.

Именно незначительность «пусковой причины» по сравнению со следствием и невозможность предсказать ни времени ее срабатывания, ни ее направления, порождает надежду, что как раз здесь, в точке бифуркации, и следует искать свободную причину — спонтанное, ничем не детерминированное начало причинного ряда. Однако ничто не дает нам оснований отрицать существование однозначной детерминации в точках бифуркации за исключением того прискорбного факта, что мы не можем ее проследить. Но незнание — не аргумент. Следовательно, синергетика не решает, а лишь конкретизирует вопрос о существовании свободных причин. Отрицание их

¹⁶⁵ Эти же две функции выполняет и человеческая воля. Это подтверждает тезис, что проблема свободной воли — это проблема свободной причины.

реальности по-прежнему остается гипотезой — недоказанной и неопровергнутой, но подтверждаемой.

Глава 13. Единичное и общее

Анализ категорий «сходство», «тождество» и «связь», проведенный в предыдущих главах, создал теоретическую основу для анализа четырех других категорий: единичное, общее, особенное и всеобщее. Теорий, которые их исследуют, три: 1) теория сходства; 2) теория тождества; 3) теория связи. Последнюю называют также теорией конкретновсеобщего, теорией подлинно всеобщего и теорией семейных сходств. Цель главы — раскрыть содержание этих трех теорий и показать, что они не исключают, а дополняют друг друга.

Теория сходства создана Аристотелем. Она характеризуется двумя положениями: 1) «...ничто общее не существует отдельно, помимо единичных вещей»¹⁶⁶; 2) «...общее следует выводить через приведение сходных единичных случаев...как дело обстоит с одной из *сходных* (вещей), так оно обстоит и с остальными»¹⁶⁷ (курсив мой. — Г.Л.). Первой фразой Аристотель отмежевывается от платоновской теории общего, согласно которой общее (дом вообще, человек вообще и т.д.) существует в надмировом пространстве, а реальные предметы — лишь бледные тени этого объективно общего. Вторая фраза определяет общее как сходное.

В Средние века аристотелевский взгляд на общее как сходное «получил преобладающее значение над крайними теориями и мало-помалу одержал, особенно в XIII веке, полную победу над ними»¹⁶⁸. В Новое время эта теория стала по существу общепринятой. Вот высказывания на этот счет наиболее выдающихся философов того времени.

¹⁶⁶ Аристотель. Метафизика. 1040b.

¹⁶⁷ Аристотель. Топика // Аристотель. Соч. Т.2. М., 1978.108b.

¹⁶⁸ Штёкль А. История средневековой философии. М., 1912. С. 113.

Р. Декарт: «Универсалии образуются в силу того, что мы пользуемся одним и тем же понятием, чтобы мыслить о нескольких отдельных вещах, сходных между собой»¹⁶⁹.

Б.Спиноза: «Душа воображает отчетливо только то, в чем они (люди. — *Г.Л.*) сходны ... Это-то душа и выражает словом «человек»»¹⁷⁰.

Д. Юм: «Обнаружив некоторое сходство между несколькими объектами, которые часто встречаются, мы даем всем им общее имя»¹⁷¹.

Т. Гоббс: «Одно всеобщее имя применяется ко многим вещам в силу их сходства»¹⁷².

Д. Локк: «Отвлеченные (общие. — *Г.Л.*) идеи суть продукты разума, но имеют своим основанием сходство вещей»¹⁷³.

Г.В. Лейбниц: «Общность состоит в сходстве единичных вещей между собой»¹⁷⁴.

Теория сходства, в отличие от теории тождества, — эмпирическая. Единичными и общими здесь называют не сконструированные воображением, а реальные признаки реальных, эмпирических предметов, причем только признаки. Эмпирические предметы не могут состоять только из единичных признаков — это исключается принципом материального единства мира, принципом монизма. Не могут они состоять и только из общих признаков — это исключается лейбницевским принципом различия нетождественных¹⁷⁵. Каждый эмпирический предмет представляет собой единство единичных и общих признаков, и поэтому его некорректно называть ни единичными, ни общими. Когда это делают, возникает путаница¹⁷⁶.

¹⁶⁹ Декарт Р. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 451.

¹⁷⁰ Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т.1. С. 458.

¹⁷¹ Юм Д. Сочинения. М., 1965. Т.1. С. 109–110.

¹⁷² Гоббс Т. Избранные произведения. М., 1964. Т.1. С. 67.

¹⁷³ Локк Д. Избранные произведения. М., 1960. Т.1. С. 414.

¹⁷⁴ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Он же. Соч.: В 4 т. Т.2. М., 1983. С. 269.

¹⁷⁵ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. С. 230.

¹⁷⁶ Термины «единичный предмет» и «общий предмет», играют важную роль в теоретическом исследовании общего. Единичным здесь называют предмет, состоящий только из единичных, а общим — предмет, состоящий только из общих признаков. Это теоретические объекты, продукты нашего воображения. Но в реальном пространстве-времени таких предметов нет. А мы в данном разделе обсуждаем эмпирическую теорию общего.

Реальный, «этот» предмет, представляющий собой единство единичных и общих признаков, Аристотель называл первой сущностью. В качестве примеров таковой он приводит отдельного человека и отдельную лошадь¹⁷⁷. К сегодняшнему дню для обозначения первой сущности создан целый арсенал терминов: «отдельный предмет», «индивидуальный предмет», «индивид», «конкретная сущность», «конкрет», «партикуляр». В соответствии с преобладающей ныне традицией, я буду называть реальный предмет, самостоятельно существующий в пространстве-времени и представляющий собой единство единичных и общих (особенных и всеобщих) признаков, индивидуальным предметом, или просто индивидом.

Признак индивидуального предмета, рассматриваемый сам по себе, в абстракции от его отношений сходства или несходства с признаками других индивидуальных предметов, точно так же нельзя назвать единичным или общим, как и мужчину, рассматриваемого в абстракции от его родственных отношений к другим людям, дядей или племянником. Будем называть такой признак отдельным¹⁷⁸. Это очень важное понятие. Любой признак индивидуального предмета открывается исследователю именно как отдельный (но в теоретическом исследовании он может сразу выступить как всеобщий). Чтобы решить, единичен заинтересовавший меня признак индивидуального предмета или общ, необходимо сравнить его с признаками других индивидуальных предметов, т.е. выявить отношения сходства или несходства между ними. Сравнение — метод познания любых отношений между предметами, в том числе и простейших, — отношений сходства и несходства.

Сходство признаков в теории сходства называют их общностью, а сами сходные признаки — общими. «Единичный признак» — значительно более сложное понятие. Проще всего единичным назвать признак, отличный от признаков

¹⁷⁷ Аристотель. Категории. 2 а.

¹⁷⁸ Иногда такой признак называют единичным, но это неверно. Отдельный признак на поверку может оказаться как единичным, так и общим.

всех других предметов универсума. Но таким определением невозможно пользоваться: для этого нужно пересмотреть все существующие в мире предметы. Класс всех предметов в математике называют универсальным, а любой его подкласс — фиксированным классом. Единичным в теории сходства называют признак индивидуального предмета, отличный от признаков всех других предметов фиксированного класса. Для идентификации признака как общего класс тоже полезно фиксировать, ибо признак, единичный в одном классе, может оказаться общим в другом.

Подчеркну то, к чему обычно стараются не привлекать внимания: предельную элементарность категорий «единичное» и «общее». Они возникли на том этапе истории человечества, когда люди умели считать только «до одного»: один — не один, один — много, когда «числовое понятие “один” ... соотносилось не с понятием “два”, а с понятием о множестве, которое первоначально мыслилось как “не один” $\approx$ “больше, чем один”»¹⁷⁹. Поэтому сформировать понятия «единичное» и «общее» мог уже первобытный пастух: замечая, что цвет одной овцы его стада отличен от цвета всех других овец, он называл этот ее признак единичным, а, видя, что он сходен с цветом хотя бы еще одной овцы, — общим.

Если для формирования пары «единичное — общее» достаточно дихотомии «один — не один», то для возникновения второй пары — «всеобщее — особенное», хватает другой столь же элементарной дихотомии: «все — не все»; признак конкретного предмета, сходный с признаками всех других конкретных предметов фиксированного класса, называют всеобщим, а признак, сходный с признаками не всех этих предметов, — особенным. Существенная деталь: особенными при этом оказываются и единичные признаки.

Дихотомии «единичное — общее» и «особенное — всеобщее» не охватывают всех признаков. Ими не охвачены те

¹⁷⁹ Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982. С. 284.

общие признаки, которые остаются за вычетом всеобщих. Такие общие, но не всеобщие признаки тоже стали называть особенными. Произошло «удвоение термина»: общие признаки, остающиеся за вычетом всеобщих, называют так же, как и любые невсеобщие признаки. Эта чисто техническая нестрогость внесла большую путаницу в теорию единичного, особенного и всеобщего. Между тем, для современной науки особенные признаки приобретают все большее значение. На начальном этапе ее формирования исследователей привлекали лишь всеобщие признаки — признаки, присущие всем элементам класса (всем треугольникам, всем атомам, всем людям и т.д.). Именно на основе знания о всеобщих признаках формулировались первые законы науки. Их называют динамическими: закон Архимеда верен для любых тел, погруженных в жидкость; закон всемирного тяготения — для любых материальных тел и т.д. Единичные и особенные признаки оставались за границами научных интересов. Но переход к исследованию микромира, а также живой природы и общества, направил внимание исследователей на особенные признаки, присущие, с одной стороны, более чем одному, а с другой, не всем элементам класса. Современная наука — это преимущественно наука об особенном. Она все больше переходит к исследованию статистических законов, законов, которым подчиняются лишь некоторые элементы класса. Именно такой характер носят, например, законы квантовой механики.

В этой ситуации называть особенными и любые невсеобщие признаки, и те общие признаки, которые остаются за вычетом всеобщих, недопустимо. Поэтому любые невсеобщие признаки я буду называть особенными-1, а общие, остающиеся за вычетом всеобщих — особенными-2. В итоге возникают две дихотомические и одна трихотомическая классификация признаков:

- единичное — общее;
- особенное(1) — всеобщее;
- единичное — особенное(2) — всеобщее.

Из этих трех классификаций вытекает несколько принципиальных следствий.

1. Все три классификации имеют смысл, только если фиксирован класс индивидуальных предметов, по отношению к которому интересующий нас признак выступает как единичный, общий, особенный или всеобщий. Признак, единичный в одном классе, может быть общим в другом, и наоборот.

2. Общих признаков в реальном пространстве-времени (я не говорю о мире теоретических объектов) ровно столько же, сколько и обладающих ими предметов: треугольностей ровно столько же, сколько и треугольников, интеллигентностей столько же, сколько и интеллигентов и т.д. Этот пункт принципиально важен. В теории тождества он не принимается.

3. На единичные и общие, особенные и всеобщие делятся не только признаки, но и понятия, отражающие эти признаки, абстрактные понятия: «интеллигентность» — такое же общее понятие, как и «интеллигент». Объем первого состоит из класса признаков (интеллигентностей), объем второго — из класса их носителей (интеллигентов). Этого пункта также нет в теории тождества. Там все абстрактные имена трактуются как сингулярные.

4. Все пять определений (единичного, общего, всеобщего и двух разновидностей особенного) можно проиллюстрировать на эмпирических примерах. Это позволяет непосредственно использовать теорию сходства в эмпирическом познании и в практических действиях с индивидуальными предметами.

Трудности теории сходства

Наряду с исключительными достоинствами у теории сходства есть две фундаментальные трудности, вынуждающие многих исследователей отказываться от нее.

1. Утверждение, что общих признаков в действительности ровно столько же, сколько и обладающих ими объектов, противоречит таким повседневым выражениям, как «бе-

лизна (ед. ч.) облаков (мн.ч.)», «интеллигентность (ед. ч.) людей (мн.ч.)», где общий признак трактуется как один на все множество обладающих им объектов. Белизна этого облака мыслится нами не как сходная с белизной того, а как тождественная ей, как та же самая. Платон сравнивал так понимаемый общий признак с парусиной, укрывающей нескольких людей¹⁸⁰. Понимание общего признака как одного на все множество обладающих им объектов зафиксировано также в хрестоматийном определении общего признака как признака (ед.ч.), присущего нескольким объектам (мн. ч.).

2. Картина мира, создаваемая теорией сходства, слишком громоздка. Для того, например, чтобы описать в соответствии с ее принципами смертность людей, необходимо держать в сфере своего внимания:

- 1) все множество людей;
- 2) ровно столько же смертностей;
- 3) все множество отношений сходства между этими признаками.

Ясно, что ресурсы человеческого мозга исчерпались бы уже на попытке описать в терминах теории сходства первый же бесконечный класс предметов.

А это значит, что теория сходства не дает ответа на вопрос, который Аристотель трактовал как «наиболее трудный... особенно настоятельно требующий рассмотрения»: «Если ничто не существует помимо единичных вещей, а таких вещей бесчисленное множество, то как возможно достичь знания об этом бесчисленном множестве?»¹⁸¹. Ответ на него содержит теория тождества.

Теория тождества

Определения, лежащие в основе этой теории, привлекают лаконизмом: единичное — это признак, присущий только одному элементу фиксированного класса, общее —

¹⁸⁰ Платон. Парменид // Он же. Соч. Т.2. М., 1970. 131b—с.

¹⁸¹ Аристотель. Метафизика. 999a.

признак, присущий более чем одному элементу этого класса, всеобщее — признак, присущий всем его элементам. Особенный признак, как и в теории сходства, определяется двояко: 1) как любой невсеобщий признак и 2) как общий, но не всеобщий признак. Как и в теории сходства, все эти определения имеют смысл, только если фиксирован класс объектов, по отношению к которому признак идентифицируется как единичный, общий, особенный или всеобщий. Как и в теории сходства, все четыре понятия относительны: признак, единичный в одном классе, может оказаться общим в другом, и наоборот.

Почему это теория тождества?

Это принципиальный и очень трудный вопрос. Именно из-за отсутствия ясного ответа на него теории сходства и теории тождества спутываются до сих пор.

Согласно теории сходства, признаков (и единичных, и общих) ровно столько же, сколько и обладающих ими предметов. Признак *A* предмета *a* является общим, если он похож на нетождественный ему признак *A* предмета *b*, находится к нему в отношении сходства, отношении «такой же». Согласно теории тождества, признак *A* предмета *a* тождествен признаку *A* предмета *b*, находится к нему в отношении «тот же». Отсюда чисто логически следует, что общий признак — один на все множество обладающих им объектов: смертность — одна на все множество людей, белизна — одна на все множество обладающих ею облаков и т.д.

Еще раз, другими словами. Согласно теории сходства, любой признак — и единичный, и общий — нераздельно принадлежит одному предмету. Различие между ними в том, что общий признак сходен с признаками других элементов класса, а единичный отличен от всех них. Поэтому единичный признак, рассматриваемый в абстракции от его отношений сходства и несходства к признакам других предметов, невозможно отличить от общего.

Согласно теории тождества, разница между единичным и общим признаком напоминает разницу между машиной,

принадлежащей одному человеку, и машиной, купленной вскладчину: по своему внутреннему содержанию они не различаются, разница между ними — в количестве владельцев. Единичный признак принадлежит одному элементу множества, всеобщий сопринадлежит всем¹⁸². Отсюда — житейское понимание общего как принадлежащего многим, как одного на всех.

Теория тождества обладает двумя принципиальными преимуществами перед теорией сходства. Во-первых, определение общего как признака (ед.ч.), присущего нескольким объектам (мн.ч.), полностью изоморфно таким выражениям естественного языка, как «белизна (ед. ч.) облаков (мн.ч.)», «интеллигентность (ед. ч.) людей (мн.ч.)» и т.д.

Второе достоинство этой теории еще более ценно. Она избавляет нас от необходимости держать в процессе рассуждения перед своим умственным взором два множества — множество предметов и равномошное ему множество сходных признаков. Все эти признаки выступают как один общий признак — белизна вообще, интеллигентность вообще и т.д. Правда, предметы — владельцы этого одного на всех признака по-прежнему мыслятся «россыпью», в виде конечного или бесконечного множества объектов (облаков, людей и т.д.). Но устранение этого недостатка — уже «дело техники»: естественный язык позволяет «склеить» не только бесконечное множество признаков в один признак вообще, но и бесконечное множество предметов в один предмет вообще. Именно это происходит в таких выражениях, как «белизна (ед.ч.) облака (ед.ч.)», «смертность (ед.ч.) человека (ед.ч.)» и т.д. Здесь под облаком понимается не индивидуальное, «это» облако, а облако вообще, и не индивидуальный, «этот» человек, а человек вообще. В результате, один общий признак приписывается уже не множеству индивидуальных предметов, а одному общему предмету. Открывается возможность рассуждать не о множестве признаков,

¹⁸² Именно в этом контексте возникает утверждение А.И. Умова, что отношение нельзя определять как многоместный предикат, поскольку любое общее свойство также многоместно.

а об одном признаке вообще и не о множестве предметов — их носителей, а об одном предмете вообще.

Этот прием можно повторять множество раз: несколько признаков вообще «склеивать» в признак вообще второго порядка, несколько предметов вообще — в предмет вообще второго порядка и т.д. «Склеивая» класс объектов в один общий объект, мы получаем возможность применить к описанию последнего логику и грамматику, разработанную для индивидуальных объектов и единичных признаков. Это радикально упрощает исследование, является частью ответа на поставленный Аристотелем вопрос: как может конечный человеческий ум познать бесконечный объективный мир?

Трудности теории тождества

За все надо платить. За «склеивание» класса сходных признаков в один признак вообще, а класса индивидуальных предметов, обладающих этим признаком, в один общий предмет — трудностями, перед которыми проблемы теории сходства кажутся пустяками.

Первая состоит в том, что один признак, присущий многим предметам, например, треугольность, пронизывающую, подобно шампуру, все треугольники, существующие в разных местах и разных временах, никаким самым тщательным наблюдением обнаружить невозможно. Это даже представить себе нельзя. Признак, трактуемый как один на все множество обладающих им объектов, — это нонсенс, к которому мы просто привыкли, как привыкают к постоянному запаху. По своему философскому смыслу эта трудность тождественна трудности тринитарной проблемы, проблемы триединства Бога: одного, но существующего одновременно в трех лицах.

Вторая трудность выражается простым вопросом: признаки делятся на единичные и общие; а делятся ли на единичные и общие отражающие их абстрактные понятия? Как известно, общим называют понятие, объем которого состоит из нескольких объектов. Но и единичный, и общий признак, в соответствии с теорией тождества, всегда один

на все множество обладающих им объектов: единичный — один на один объект, общий — один на много объектов. Следовательно, абстрактное понятие «белизна» в выражении «белизна облаков» так же сингулярно, как и абстрактное понятие «всемогущество» в выражении «всемогущество Бога». К.И. Льюис делает этот вывод с мужеством истинного исследователя: «Абстрактные термины должны быть квалифицированы как сингулярные»¹⁸³. Итак, конкретные имена делятся на единичные и общие, и признаки делятся на единичные и общие, а абстрактные имена, названия признаков — нет. Странно, не правда ли?

Третья трудность состоит в том, что определение общего признака как принадлежащего нескольким объектам почти текстуально совпадает с определением отношения как признака, сопринаходящего нескольким объектам. Совпадение определений двух качественно различных сущностей (в нашем случае — общего признака и отдельного отношения) — такой же признак неблагополучия теории, как и противоречие между двумя определениями одной сущности.

Итак, каждая из двух теорий общего имеет бесспорные достоинства, которые отсутствуют у другой, и неприемлемые недостатки, которых другая лишена. Поэтому мы не можем просто отказаться от одной из них и принять другую. Дело усугубляется еще и тем, что обе теории, как мы видели, с логической необходимостью вытекают из бесспорных посылок по общепринятым правилам вывода. Перед нами, следовательно, антиномия.

Для решения антиномий в теории множеств используют «максиму Ф.П. Рамсея»: находят и отбрасывают общую платформу дискутирующих сторон. Воспользуемся этой максимой и мы.

Сначала выявим эту общую платформу теории сходства и теории тождества. Таковой, на мой взгляд, является разделяемое сторонниками обеих теорий убеждение, что знание о мире на всех этапах его формирования должно

¹⁸³ Льюис К.И. Виды значения // Семиотика. М., 1983. С. 214.

соответствовать этому миру настолько полно, насколько это возможно на данном этапе человеческой истории. Любое сознательное отступление от такого соответствия — ошибка. Разница между теорией сходства и теорией тождества лишь в том, что они считают соответствующим действительности. В теории сходства — это понимание всеобщего признака как нераздельно присущего одному объекту и лишь сходного с признаками, столь же нераздельно принадлежащими другим объектам, а в теории тождества — трактовка его как одного на весь класс обладающих им объектов. В итоге сторонники теории сходства вынуждены проститься с надеждой отразить бесконечное в конечном, а сторонники теории тождества — с надеждой разрешить три только что перечисленные трудности.

А теперь посмотрим, что произойдет, если отбросить эту общую платформу дискутирующих сторон и принять, что в процессе формирования теории допустимо любое временное отступление наших знаний от соответствия действительности, но при соблюдении трех условий:

1) должно существовать правило введения этого отступления;

2) должно существовать правило его исключения;

3) должен существовать интервал, в границах которого операции с таким «искаженным» знанием лишь упрощают и ускоряют процесс исследования, никак не влияя на его конечные результаты.

Это правило «введения и исключения абстракций» впервые в нашей литературе сформулировано С.А. Яновской¹⁸⁴. Применим его к нашему случаю.

Итак: 1) если бы существовало правило «склеивания» любого класса сходных признаков в один признак вообще и любого класса их носителей — в один предмет вообще; 2) если бы теоретическая обработка таких «склеенных» признаков и предметов не вела к необратимым трансформациям

¹⁸⁴ Яновская С.А. Проблема введения и исключения абстракций более высоких (чем первый) порядков // Она же. Методологические проблемы науки. М., 1972. С. 235–243.

знания; 3) если бы существовало правило, позволяющее результаты этой теоретической обработки снова «расклеить» на индивидуальные признаки и индивидуальные предметы и увидеть перед собой не белизну вообще и облако вообще, а множество облаков, каждое из которых обладает своей, только ей принадлежащей белизной, то теория тождества и теория сходства превратились бы из конкуренток в два раздела единой теории общего. Покажу, что эти три условия выполняются и в повседневном, и в научном познании.

Абстракция отождествления и правило Локка

В отечественной литературе абстракцию отождествления определяют двумя способами: через роль в процессе познания и через гносеологический механизм. Вот определение абстракции отождествления первым способом: «Вместо того чтобы говорить о многих одинаковых, она позволяет говорить об одном и том же абстрактном объекте»¹⁸⁵.

А вот два описания ее гносеологического механизма: «Абстракцией отождествления называют процесс отвлечения от несходных, различающихся свойств предметов и одновременного выделения одинаковых, тождественных их свойств»¹⁸⁶; «Абстракция отождествления — это абстракция, с помощью которой из каких-либо объектов одного рода, т.е. в каком-то смысле объектов одинаковых (эквивалентных, равных) посредством отвлечения от их посторонних различий (несущественных для данного отношения одинаковости) порождается объект, единственный в своем роде — абстрактный объект»¹⁸⁷.

Д.П. Горский, М.М. Новоселов многое сделали для того, чтобы показать значение абстракции отождествления и правила Локка для современной теории познания. Именно

¹⁸⁵ Новоселов М.М. Логика абстракций (методологический анализ). Часть первая. М., 2000. С.111.

¹⁸⁶ Горский Д.П. Вопросы абстракции и образование понятий. М., 1961. С. 24.

¹⁸⁷ Новоселов М.М. Логика абстракций (методологический анализ). Часть первая. С. 109.

им я обязан пониманием этой проблемы. Но, как нередко бывает, размышления над ней привели к расхождениям во взглядах. Интересы дела требуют их зафиксировать.

Я стою на точке зрения, согласно которой конкретный объект (конкрет) — это предмет, а абстрактный объект — это признак предмета или класс предметов, обладающих этим признаком (экстенционально понимаемый признак); соответственно, конкретное имя — это название предмета, а абстрактное — название признака. Я утверждаю, что «посредством отвлечения от посторонних различий» класс конкретных объектов не превращается ни в один объект, ни, тем более, в один абстрактный объект. Происходит превращение класса относительно сходных нетождественных предметов в класс неразлично сходных нетождественных предметов. И больше ничего. Иными словами, отвлечение от несходных признаков конкретных предметов — это классическая абстракция, которую называют абстракцией отождествления лишь «для ради важности». Но она создает предпосылку для следующего логического шага — замены возникшего неразличимого сходства предметов их тождеством, т.е. для превращения множества неразлично сходных предметов в множество тождественных предметов, попросту в один предмет вообще. Необходимость этого шага обусловлена тем обстоятельством, что существование неразлично сходных нетождественных предметов в реальном пространстве-времени исключается принципом различия нетождественных Лейбница. Поэтому, получив абстрагированием класс таких предметов, мы оказываемся перед выбором: либо «исправить ошибку» и исключить абстрагирование от несходства, либо (в соответствии с лейбницеvским принципом тождества неразличимых) объявить эти неразлично сходные объекты тождественными, т.е. одним объектом вообще (домом вообще, человеком вообще и т.д.) В этом, и только в этом, состоит смысл абстракции отождествления.

Итак, вот суть моего расхождения с Д.П. Горским и М.М. Новоселовым: гносеологический механизм абс-

трагирования от несходства объектов, подготавливающего абстракцию отождествления, они приняли за гносеологический механизм самой абстракции отождествления, т.е. гносеологический механизм процедуры, начинающей преобразование класса индивидуальных предметов в один общий предмет, был принят ими за гносеологический механизм процедуры, завершающей это преобразование.

Этой гносеологической аберрации способствует и некорректность термина «абстракция отождествления», наводящего на мысль, что речь идет о частном случае абстрагирования. В действительности абстракция отождествления — это частный случай подстановки: процедуры, не менее известной в логике и математике, чем абстракция. В нашем случае это акт замены множества неразлично сходных индивидуальных объектов одним общим объектом: множества индивидуальных треугольников — треугольником вообще, множества индивидуальных треугольностей — треугольностью вообще и т.д. В результате происходит «переключение гештальта» — переход с видения общего через «очки» теории сходства к видению ее через «очки» теории тождества.

Но это не все. Переход на позиции теории тождества завершен, только когда общее абстрактное понятие разрывает пуповину, связывающую его с конкретным понятием, и выступает самостоятельно в качестве подлежащего в предложении, соответственно, субъекта в суждениях: «Сходство симметрично», «Красота — страшная сила» и т.д.

Правило Локка

Но вот теоретические операции с предметами вообще и признаками вообще завершены, получены серьезные результаты. Возникает следующая задача — применить их на практике. Но непосредственно сделать это невозможно: врач, говорит Аристотель, лечит не больного вообще, а индивидуального больного и, добавлю от себя, не болезнь вообще, а конкретную болезнь. Необходимо, следовательно, «расклеить» «больного вообще» на множество индивидуальных больных и «болезнь вообще» — на множество

конкретных болезней: лечить этого больного от этой болезни. Правило, которое управляет этой процедурой, называют правилом Локка¹⁸⁸. Тем самым открывается возможность применить результаты теоретического исследования, полученные в терминах теории тождества, к реальным, эмпирическим предметам, адекватное описание которых возможно только в терминах теории сходства.

Итак, между теорией сходства и теорией тождества существует не антиномическое противоречие, а разделение труда, сложившееся задолго до того, как философы различили эти две теории и обнаружили их «несовместимость».

Теория семейных сходств

Эта теория не претендует на пересмотр всей теории сходства: общее в ней понимается как сходное. Она революционизирует лишь один ее раздел — учение об общих понятиях.

Метафорой «семейное сходство» обозначают не какую-то доселе неизвестную сущность, а всего лишь сходство, присущее не всем объектам фиксированного класса, например, не всем коническим сечениям, а только эллипсам, только параболам, только гиперболам. Общеизвестен и способ определения понятий, содержание которых исчерпывается информацией о семейных сходствах. Это определения через перечисление: «Коническое сечение — это либо эллипс, либо парабола, либо гипербола». «Коническое сечение» здесь — родовое понятие, «эллипс», «парабола» и «гипербола» — видовые. Условимся называть понятие, содержание которого исчерпывается дизъюнкцией видовых по отношению к нему понятий, дизъюнктивно-общим. Такие понятия используются в том случае, когда не удастся применить определение через ближайший род (человек есть животное) и видовое отличие (человек есть животное разумное). Представляется

¹⁸⁸ Специалисты говорят, что в работах Локка оно не содержится. Это не удивительно. С.А. Яновская сформулировала его в те времена, когда сказать что-то новое можно было лишь доказав, что это уже сказано.

очевидным, что рано или поздно такое определение будет найдено, как это произошло с определением конического сечения. Сегодня оно определяется как: «линия пересечения круглого конуса с плоскостью, не проходящей через его вершину».

Вот против этого-то очевидного и потому неэксплицированного убеждения и выступил Витгенштейн. Он утверждает, что есть такие понятия, которые никогда не будут определены классически, поскольку видового признака (присущего всем элементам их объема, и только им) просто нет: «Вместо того чтобы указывать на общее, всему, что мы называем языком, я говорю, что нет ничего одного, что было бы присуще этим явлениям, из-за чего мы применяли бы к ним одно и то же слово, но что они родственны друг другу различными способами. Из-за этого-то родства или родств мы и называем их языками»¹⁸⁹. Точку зрения Витгенштейна полностью разделяет один из самых глубоких отечественных философов, Э.В. Ильенков: «Формально-логическая установка, ориентирующая на отыскание абстрактно-общего всем единичным представителям одного (и называемого одним и тем же именем) рода, в данном случае капитулирует. Всеобщего в этом смысле тут обнаружить нельзя, и нельзя по той причине, что такового здесь действительно нет. Нет в виде актуально общего всем индивидам признака, определения, в виде сходства, свойственного каждому из них, взятому порознь»¹⁹⁰.

«Рассмотрим, например, — поясняет свою мысль Л. Витгенштейн, — процессы, которые мы называем “игра”». Я имею в виду шахматы, карточную игру, игру в войну и т.д. Что общее им всем? Не говори: у них должно быть что-то общее, иначе бы они не назывались “игра”, но смотри, есть ли у них что-то общее. И если ты их рассмотришь, ты не увидишь того, что общее им всем, но ты увидишь сходства,

¹⁸⁹ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am.M., 1971. S. 61. См.: Bambrough R. Universals and family Resemblances // Universals and Particulars. N.Y., 1970. S. 56.

¹⁹⁰ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С. 253.

причем целый ряд. Как говорится, не думай, только смотри! Смотри, например, на игру в шахматы с ее аналогами. Переходи к игре в карты: здесь ты найдешь много соответствий с играми первого класса, но многие общие черты исчезнут, а другие выступят. Если перейти к игре в мяч, то многое общее сохранится, но многое и исчезнет... Мы можем так идти через многие и многие другие группы игр и видеть, как возникают и исчезают сходства. И результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть аналогий, сходств, которые пересекают и нарушают друг друга. Сходств в большом и малом. Я не могу охарактеризовать эти сходства лучше, чем словосочетанием «семейные сходства», ибо именно так нарушают друг друга и пересекаются различные сходства, существующие между членами семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент и т.д. И я буду говорить: игры образуют семью»¹⁹¹.

Р. Бэмброу поясняет суть теории семейных сходств следующей аналогией¹⁹². Рассмотрим пять фамильных черт семьи Черчиллей: рост, черты лица, цвет глаз, походку и темперамент. Обозначим их буквами A, B, C, D, E. Пятирх членов семьи Черчиллей обозначим буквами *a, b, c, d, e*. Допустим, что одна из фамильных черт у каждого из Черчиллей отсутствует. Тогда возможна следующая картина:

<i>e</i>	<i>d</i>	<i>c</i>	<i>b</i>	<i>a</i>
ABCD	ABCE	ABDE	ACDE	BCDE

Получается, что у пяти Черчиллей нет ни одной общей черты, есть лишь признаки, присущие различным подклассам этого класса из пяти элементов.

Итак, действительно ли термин «игра» так же относится к реальным играм, как фамилия Черчилль к реальным Черчиллям? Другими словами, действительно ли существуют понятия, обладающие четко и правильно фиксированным объемом, но не содержащие информации о признаке, присущем всем элементам этого объема и только им, причем

¹⁹¹ Wittgenstein L. Philosophische Untersuchungen. Frankfurt am.M., 1971. S. 61.

¹⁹² См.: Bamberough R. Universals and family Resemblances // Universals and Particulars. N.Y., 1970. P. 112.

не потому, что мы еще не знаем этого признака, а потому, что его просто нет?

Естественно предположить, что в мировой литературе идет активное обсуждение этой роковой для теории сходства проблемы. В действительности большинство ее сторонников «так глубоко привержены идее, что должно быть что-то общее в объектах, которые подпадают под общие термы, что трактуют примеры Витгенштейна как проказы и безделки, контрастирующие с главным направлением движения законопослушных понятий»¹⁹³. Перед нами знакомая картина: не отрицаются ни факты, противоречащие теории, ни сама теория.

Между тем, рост числа понятий «с объемом, но без содержания» — знамение времени. По мере углубления в сложности микромира, биологической и социальной жизни, они возникают все чаще. Именно таково, например, понятие «элементарная частица». «Перед нами, — говорит Р. Фейнман, — все эти частицы пока не предстают как различные проявления одной и той же сущности, и тот факт, что имеется куча разрозненных частиц, есть лишь отражение наличия бессвязной информации без сносной теории»¹⁹⁴. Существенно, что «семейные сходства» элементарных частиц, т.е. признаки, присущие их подклассам, в настоящее время известны. На одном из них — странности — Гелл-Маном и Нишиджимой построена даже классификация элементарных частиц. Однако фундаментального общего признака, присущего всем им, и только им, так же, как зарядовое число присуще всем химическим элементам, до сих пор не обнаружено.

Можно утешаться тем, что в нарастании числа дизъюнктивно-общих понятий нет большой беды: их можно задать определением через перечисление. В простейших случаях — да. Но определять через перечисление такие понятия, как «число», «элементарная частица», «язык», «игра» и другие, нерационально. Как быть?

¹⁹³ Ibid. Р. 118.

¹⁹⁴ Фейнман Р., Лейтон Р., Чэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Вып. 1—2. М., 1977. С. 51.

Генетическое определение

Конкретные науки часто веками используют методы, которые гносеологи осознают с большим опозданием и большим трудом. В качестве примера можно привести генетическое определение дизъюнктивно-общих понятий, альтернативное и определению через перечисление, и определению через ближайший род и видовое отличие. Проанализирую его на заимствованном у Р. Фейнмана примере формирования понятия «число» — классического дизъюнктивно-общего понятия¹⁹⁵.

Объем этого понятия состоит из подклассов, образованных «семейными сходствами». Между этими подклассами существуют отношения родства. Среди них есть предок-основатель рода — подкласс натуральных, т.е. целых положительных чисел, и его все более отделенные потомки. В качестве порождающих процедур выступают алгебраические операции над числами. Простейшая из них — сложение натуральных чисел — всегда дает натуральное число, а вот вычитание может породить нечто новое — целое отрицательное число. Причем целое положительное число, породив целое отрицательное, не исчезает, а продолжает существовать наряду с ним как равноправный элемент зарождающегося генетического множества. Более того, оно входит в содержание отрицательного числа как его абсолютная величина (модуль). Деление одного целого (положительного или отрицательного) числа на другое порождает третий элемент множества чисел — дробь. В процессе деления обнаруживается также несоизмеримость делимого и делителя, что порождает иррациональное число. На каком-то этапе этого приложения алгебраических процедур ко всё новым и новым видам чисел пытаются извлечь квадратный корень из минус единицы. Результат этой операции называют мнимой единицей, произведение рационального или иррационального числа на мнимую единицу — мнимым числом, а любое число,

¹⁹⁵ Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Вып. 1–2. Гл. 22.

включающее мнимое, — комплексным числом. Казалось бы, этому росту генетического множества чисел не будет конца. Оказывается, однако, что с введением комплексного числа оно исчерпано. Теперь результат любой алгебраической операции окажется элементом этого множества. Такое множество можно уподобить ряду, который возникнет, если снимать с конвейера по одному экземпляру телевизора после каждой операции сборки. В итоге мы получим, с одной стороны, множество полуфабрикатов телевизора, а с другой, целый телевизор, включающий все элементы этого множества как свои части.

На этом примере можно проследить основные черты процесса порождения генетического множества¹⁹⁶. Процедура порождения одного подмножества этого множества другим — синтез. Между делом он решает и задачу, которую в классическом случае решала индукция — очерчивает класс объектов, составляющих объем дизъюнктивно-общего понятия. Это все равно, как если бы редактор книги попутно выполнял и обязанности корректора. Очерчивание объема дизъюнктивно-общего понятия — это побочный продукт синтеза, поризм, как говорили древние. В этой его способности выполнять обязанности индукции нет ничего странного. Ведь синтез и индукция — родственные процедуры: обе фиксируют отношения между объектами. Только индукция устанавливает сходства, а синтез — связи; индукция объединяет объекты в класс, а синтез — в целостность. Обычно связь объектов открывается после обнаружения их сходства. Но в случае генетического определения эти процедуры меняются местами: связь объектов обнаруживается раньше. Некоторые авторы называют очерчивание объема

¹⁹⁶ Другой блестящий пример формирования генетического множества — прослеженная И. Лакатосом история формулы Л. Эйлера « $V - P + G = 2$ », которую он считал выражающей соотношение вершин V , ребер P и граней G *любого* многогранника (*Лакатос И. Доказательства и опровержения. М., 1967*). Оказалось, что она верна лишь для подкласса многогранников. Позднее были найдены формулы для других его подклассов. Итоговая формула, к которой шли весь XIX век, представляла собой конъюнкцию формул для отдельных типов многогранников.

понятия посредством синтеза «подлинным обобщением». Такой титул точно так же не является честью для синтеза, как и для редактора, между делом выполняющего обязанности корректора, — титул подлинного корректора.

Итак, ни теория сходства, ни теория тождества, ни теория семейных сходств не универсальны. Каждая решает строго определенные проблемы, не доступные другим. Поэтому целостная теория общего должна включать все эти теории и показывать существующее между ними разделение труда.

Глава 14. Необходимость, случайность, свобода¹⁹⁷

Понятие необходимости зародилось уже в религиозных мифах — учениях о карме, Дао, судьбе и т.д. Необходимость там понимается как некий мировой принцип, иногда даже как тонкий материальный субстрат, которому подчинено всё, даже жизнь богов. В греческой философии необходимость была отличена от судьбы и определена Аристотелем как «то, что не может быть иначе»¹⁹⁸. С возникновением науки так понимаемая необходимость по существу слилась с ее предметом: наука — это познание необходимости. Это положение осталось верным и с переходом к исследованию случайных процессов: необходимость предстала здесь в форме статистических законов, законов случая.

На необходимые и случайные делятся как произошедшие, состоявшиеся, так и возможные события. Мы говорим о возможном: это произойдет неизбежно; это может случиться, т.е. произойти случайно. Сказанное вынуждает разделить теорию необходимого и случайного на две части. В первой исследуется необходимая и случайная действительность, во второй — необходимая и случайная возможность. Первая задача проще. С нее и начнем.

¹⁹⁷ Эта глава написана под влиянием дискуссий с М.А. Розовым.

¹⁹⁸ *Аристотель*. Вторая аналитика // Соч. Т.2. М., 1972. 89а.

Лингвистические трудности

Если для описания носителей бинарного отношения причинности $a R b$ у нас есть два термина: «причина» — для a , «следствие» — для b , то для описания носителей отношения необходимости у нас всего один термин: необходимым называют и объект a , без наличия которого объект b не возникает («свечение Солнца необходимо для нагревания камня»), и объект b , который с необходимостью возникает при наличии объекта a («нагревание камня — необходимый результат свечения Солнца»). Чтобы отличить необходимость a от необходимости b , условимся объект a называть необходимым-для, а объект объект b необходимым-от¹⁹⁹.

Следующая лингвистическая трудность воплощена в словосочетаниях «необходимое и достаточное», «необходимое, но недостаточное» и «достаточное, но не необходимое».

Утверждение « a необходимо и достаточно для возникновения b » означает, что в a есть все, что необходимо для возникновения b , причем b может породить только a .

Утверждение « a достаточно, но не необходимо для возникновения b » означает, что в a есть все, что необходимо для возникновения b , но b может породить не только a .

Утверждение « a необходимо, но недостаточно для возникновения b » делается, когда b может породить только a , но в a есть не все, что необходимо для возникновения b .

Можно показать, что эта терминология некорректна и усугубляет путаницу, порожденную неразличением необходимого-от и необходимого-для. Для ее устранения пришлось бы создать довольно громоздкий терминологический аппарат. Для наших сугубо философских целей он не нужен. Поэтому условимся называть необходимым-для (возникновения b) объект a , участвующий в возникновении объекта b , независимо от того, существуют или нет другие объекты, способные породить b . Например, молекулу воды можно получить не только соединением двух атомов водо-

¹⁹⁹ Эту довольно корявую терминологию я заимствую из теории свободы, где различают свободу-для и свободу-от.

рода и одного атома кислорода, но и десятками других способов. Тем не менее, будем говорить, что соединение двух атомов водорода и одного атома кислорода необходимо для возникновения молекулы воды. Будем различать две ситуации: когда содержание объекта *a* не только необходимо, но и достаточно для возникновения объекта *b*, и когда оно необходимо, но недостаточно для этой цели. Все другие ситуации, важные, например, в математическом исследовании, мы терминологически различать не будем.

В роли объекта *a*, не только необходимого, но и достаточного для возникновения объекта *b*, может выступать и движение одного бильярдного шара, порождающее движение другого, и совокупность атмосферных процессов, породивших сегодняшнюю погоду. Поэтому назовем объект *a* областью определения необходимости объекта *b*.

Квадратность — это то, что делает предмет квадратным, необходимость — то, что делает его необходимым. Но если квадратными объекты делает их внутренне содержание, то и необходимыми-для, и необходимыми-от — их отношение друг к другу. Объект, рассматриваемый сам по себе, вне его отношений к другим объектам, точно так же нельзя назвать необходимым или случайным, как и признак предмета, рассматриваемый в абстракции от его отношений сходства и несходства к признакам других предметов, единичным или общим.

Вернемся от лингвистики к аристотелевскому определению необходимого как того, что не может быть иначе. Оно по-разному применяется к теоретическим и эмпирическим объектам. Теоретик сам создает свои теоретические сущности (треугольники, движение без трения, абсолютно черные тела и т.д.), и они послушно выполняют все его капризы. Например, Евклид системой определений и аксиом задает мир, в котором квадрат гипотенузы не может не быть равным сумме квадратов катетов, сумма внутренних углов треугольника не может не быть равной ста восьмидесяти градусам и т.д. В мире геометрии Лобачевского необходимыми являются

совершенно другие объекты. Случайно в теоретическом мире только то, что не задается исходными положениями теории, например, размеры сторон треугольника. Наша задача — отличить необходимое от случайного в реальном, эмпирическом мире, причем, напомним, необходимыми-от мы называем уже реализовавшиеся события настоящего или прошлого, а необходимыми-для — предшествующие им события, которые оказались достаточными для их возникновения.

Необходимость, напомним, воплощена в трех формах: причинной связи, связи состояний и в корреляции. Снова упростим себе задачу: будем анализировать необходимость и случайность только на материале детерминации, т.е. причинной связи и связи состояний.

И в истории философии, и в современной философской и конкретнонаучной литературе необходимость понимается одинаково: событие необходимо, если оно однозначно детерминировано предшествующим состоянием универсума. Что же касается случайности, то она сегодня понимается двумя качественно, принципиально различными способами:

Случайность — это непознанная необходимость

Выпадение игральной кости именно на ту грань, на которую она фактически выпала, было предопределено еще в самом начале ее траектории, и Бог с легкостью предсказал бы его. Поэтому, кстати, А.Пуанкаре не рекомендовал играть с ним в кости. Но человек, в силу ограниченности своих познавательных возможностей, не может проследить всю имеющуюся здесь цепь детерминаций и потому говорит о случайности ее выпадения. Со временем, на определенном этапе развития вычислительной техники, он сможет описать этот же процесс детерминистски. Детерминист утверждает, что никакой другой случайности в реальном мире нет.

*Случайность — это результат разрыва
в цепях детерминации*

С детерминистом категорически не согласен индетерминист. Он утверждает, что наряду с этими псевдослучайностями существуют подлинно случайные события,

наступление которых не способен предсказать даже Бог, поскольку они никак не детерминированы предшествующим состоянием универсума.

Сказанным определяется структура главы. Сначала я рассмотрю аргументы детерминизма в пользу тезиса, что в объективном мире случайности нет, случайностью мы называем непознанную необходимость. Затем я предполагаю взвесить аргументы в защиту утверждения, что в самом объективном мире существуют по-настоящему случайные события, непредсказуемые в силу того, что они никак не детерминированы предшествующим состоянием универсума. В заключение будет проанализирована развитая Ф. Энгельсом и принятая в диалектическом материализме точка зрения, согласно которой глобальные события объективной действительности детерминированы однозначно, а такие мелочи, как, например, укус блохи, — нет.

Детермизм

С точки зрения последовательного детерминизма, любое событие в объективном мире однозначно детерминировано предшествующими событиями, те, в свою очередь, событиями, предшествующими им и т.д. Событий, не являющихся следствиями, так же не бывает, как и событий, не являющихся причинами. Нет ни первых причин, ни последних следствий. Неразрывная цепь детерминации тянется бесконечно как в прошлое, так и в будущее. Необходимы-от и микро-, и макро- и мегаобъекты, каждый электрон и кварк, каждый квантовый скачок, каждый поворот человеческой мысли, каждое человеческое воление.

Линия последовательного детерминизма прослеживается от Демокрита через Т. Гоббса, Б. Спинозу, П. Лапласа вплоть до А. Эйнштейна с его знаменитой фразой «Бог не играет в кости». Суть детерминизма блестяще выразил Гоббс: «Случайным или возможным называется вообще то, необходимую причину чего нельзя разглядеть»²⁰⁰. Столь

²⁰⁰ Гоббс Т. О теле // Соч. Т.1. М., 1989. С. 87.

же ясна и позиция Спинозы: каждая причина определяется к существованию и действию другой причиной, эта — снова другой, и так до бесконечности. Поэтому никакая причина не может быть названа свободной причиной, но только необходимой или принужденной²⁰¹. Но классически позицию детерминизма выразил Лаплас, из-за чего последовательный детерминизм называют лапласовским: «Ум, которому были бы известны для какого-то данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей, если бы вдобавок он оказался достаточно обширным, чтобы подчинить эти данные анализу, обнял бы в одной формуле движения величайших тел Вселенной наравне с движением легчайших атомов: не осталось бы ничего, что было бы для него недостоверным, и будущее, так же, как и прошедшее, предстало бы перед его взором»²⁰². Позднее такой ум стали называть «демоном Лапласа». Это очень полезная идеализация, в исследовании необходимости и случайности она играет важную методологическую роль.

В XX веке лидером последовательного детерминизма стал А. Эйнштейн. В. Гейзенберг вспоминал в этой связи: «“Бог не играет в кости” — то был его непоколебимый принцип, один из тех, какие он никому не позволил бы подвергнуть сомнению»²⁰³.

Понятие случайности имеет в детерминизме строгий и глубокий смысл, но не онтологический, а гносеологический. Однозначно детерминированы все события универсума — этот постулат не дискутируется. Случайными же называют те объективно необходимые события, которые на данном, исторически конкретном этапе развития познания не удастся истолковать как необходимые. Принципиально эти события не отличаются от получивших детерминистскую интерпретацию. Следовательно, то, что мы в обиходе называем необходимым, отличается от того, что мы называем случайным, не больше, чем познанное от непознанного.

²⁰¹ Спиноза Б. *Этика* // Он же. Избр. произведения. Т.1. М., 1957. С. 389.

²⁰² Лаплас И. *Опыт философии теории вероятностей*. М., 1908. С. 9.

²⁰³ Цит. по: Данин Д. *Человек вертикали*. Избранное. М., 1984. С. 302.

Событие, которое сегодня воспринимается как случайное, завтра может быть истолковано как необходимое. Например, погодные явления, которые трактовались в начале XX века как случайные, сегодня с большой точностью предсказываются на основе детерминизма. Отсюда, кстати, следует, что представление о случайном как менее существенном, чем необходимое, ошибочно.

Испытать детерминизм на истинность очень просто и в то же время невозможно: достаточно взять любое произошедшее событие и проследить цепь однозначно детерминирующих его событий, уходящую в прошлое. Если обнаружится разрыв в этой цепи — детерминизм будет опровергнут, если нет — подтвержден. А чтобы доказать детерминизм, нужно проследить все бесконечное множество таких цепей детерминации. Отсюда ясно, что выбор между детерминизмом и индетерминизмом — это предмет не демонстративного доказательства, а философской веры.

Детермизм и статические законы

Итак, события, детерминированность которых установлена, мы называем необходимыми, а события, которые мы еще не способны объяснить детерминистски, — случайными. Но это не значит, что в рамках детерминизма нет средств для получения информации о так понимаемых случайных событиях. Существуют законы, не являющиеся детерминистскими. В современной литературе их называют по-разному: статистические законы, вероятностные законы, законы больших чисел, законы статистической детерминации.

Чтобы проанализировать их на базе исходных принципов последовательного детерминизма, вернемся к примеру с игровой костью. У нее шесть граней; вещество, из которого она состоит, однородно, поверхность, на которую она падает, плоская. Этой информации достаточно, чтобы, не обращаясь к детерминистским методам, описать все возможные результаты подбрасывания.

1. Чем больше будет таких подбрасываний, тем с большей точностью числа выпадений кости на каждую из ее граней будут одинаковыми. Это так называемый статистический закон, или закон больших чисел.

2. Вероятность выпадения кости на каждую из граней равна $1/6$. Это так называемый вероятностный закон. Для понимания возможностей детерминизма принципиально важно видеть, что признание статистических или вероятностных законов вовсе не требует неопровержимого отрицания реальности детерминистских законов. Эти два типа законов не просто не противоречат друг другу и не просто дополняют друг друга. Согласно детерминизму, они связаны генетически: статистические законы вторичны по отношению к детерминистским, порождены ими. Демон Лапласа, анализируя множество своих детерминистских предсказаний, мог бы открыть статистические законы индуктивно. Но люди получают их чисто дедуктивно.

Важно различать детерминистские и динамические законы. Все детерминистские законы — динамические, но не все динамические — детерминистские. Детерминистские законы обладают двумя дефинитивными признаками:

1) в их основе лежат принципы сохранения. Именно поэтому в цепях детерминации нет разрывов;

2) они верны для любого элемента фиксированного класса объектов. Например, закону Архимеда подчинены все тела, погруженные в жидкость. Динамические законы обладают только вторым из этих дефинитивных признаков: они верны для всех элементов фиксированного класса. Например, «причина тождественна следствию» — закон и детерминистский, и динамический, а закон Бойля-Мариотта только динамический: его универсальность обеспечивается статистическими законами движения молекул газа, он вторичен по отношению к этим законам²⁰⁴. Из основного постулата детерминизма — не существует разрывов в цепях

²⁰⁴ Пониманием разницы между детерминистскими и динамическими законами я обязан М.А. Розову.

детерминации — чисто логически следует, что детерминистские законы — это сущность, а статистические — проявление сущности.

В этой связи я позволю себе не согласиться с Ю.В. Сачковым, который называет вероятностные методы методами вероятностной детерминации и противопоставляет их динамическим методам, которые называет методами жесткой детерминации²⁰⁵. Статистические законы фиксируют необходимость. Но детерминация и необходимость — не одно и то же. Соответствие между процессами, протекающими в разных галактиках, порожденных Большим взрывом, необходимо. Но эта необходимость не имеет характера детерминации. Существует лишь две формы детерминации — связь состояний и причинная связь.

Случайность и свобода

Различают и две свободы: свободу-от и свободу-для. Свободным-от философы называют объект, возникновение которого не детерминировано предшествующими событиями. Классические примеры объектов, свободных в этом смысле — свобода воли Бога и свобода воли человека. Ограничимся только свободой человеческой воли. С точки зрения детерминиста, такой свободы не бывает. Совсем другое дело — свобода-для, свобода воплощения в жизнь воления, сформировавшегося в строгом соответствии с принципами детерминизма. Случайность индетерминист определяет как непознанную необходимость, свободу-для — как познанную необходимость. Отсюда следует: чтобы стать свободным-для, необходимо познать необходимость. Достичь поставленной цели человек может лишь в том случае, если и сама цель (т.е. объект воления), и действия, направленные на ее достижение, соответствуют объективной необходимости. Вслепую «бодаться» с объективной необходимостью при движении к цели — значит обречь себя на поражение. Действовать

²⁰⁵ Сачков Ю.В. Научный метод. Вопросы и развитие. М., 2003. С. 92.

в соответствии с необходимостью можно, только познав ее. Отсюда следует, что свобода — для связана не со случайностью, а с необходимостью. Свободен не тот, кто ставит перед собой цели и движется к ним, не считаясь с объективной необходимостью, полагая, что его воля потому и свободна, что реализуется, несмотря на необходимость, а тот, кто и при постановке цели, и при движении к ней строго следует законам природы.

Детермизм и фатализм

Одним из «убийственных» аргументов против детерминизма является отождествление его с фатализмом. Возражение состоит в следующем. Фатализм обычно связывают с существованием предсказания и невозможностью избежать его. Но принципы детерминизма можно сформулировать и не упоминая о предсказаниях.

История и природы, и общества не имеет сослагательного наклонения. Она существует в единственном экземпляре. Это логический вывод из закона возрастания энтропии. Мы не можем доказать или опровергнуть детерминизм, полностью восстановив условия, в которых произошло событие, и посмотрев, не повторится ли оно вновь. Поэтому о каждом произошедшем событии детерминист может сказать, что оно предопределено еще галактической туманностью, из которой возникла Солнечная система, а индетерминист — что это событие свободно. И не существует никаких способов рассудить спорящих. Так что еще раз: выбор между детерминизмом и индетерминизмом — вопрос не дедуктивного доказательства, а философской веры.

Индетермизм

Если концепция детерминизма ясна и последовательна, то понять, что представляет собой современный индетерминизм, довольно трудно. Главное, критериальное различие

между детерминизмом и индетерминизмом проходит по вопросу о существовании подлинной случайности. Детерминизм отрицает ее реальность и больше о ней не думает, в индетерминизме же она занимает центральное место. Чтобы понять природу индетерминизма, эту категорию нужно проанализировать со всей тщательностью. Подойдем к ее определению от понятия свободной причины, тщательно проанализированного в главе «Связь».

Случайность и свободная причина

Выше мы отличили свободную причину от причины самой себя, *causa sui*. У последней есть причина — она сама. Свободная же причина вообще не имеет причины: ни материальной, ни действующей, ни формальной. Она возникает из ничего, в нарушение всех законов сохранения: и материи, и движения, и формы. Естественно поэтому, что появление такого ничем не детерминированного объекта непредсказуемо не только для «демона Лапласа», но и для Бога. Ведь предсказать появление любого объекта — значит проследить ведущую к нему цепь детерминаций, а если она прерывается, прерывается и процедура предсказания.

Здесь нам снова придется договориться о словах. Свободной свободную причину делает тот факт, что она не имеет причины и, следовательно, не является следствием, а причиной — тот факт, что, раз возникнув, он ведет себя дальше вполне законопослушно, в полном соответствии с принципами детерминизма. Нас здесь судьба законопослушной причины не интересует. Мы исследуем лишь процесс ее появления на свет. Для этого понятие «причина» нам не нужно. Оно лишь сбивает с толку. Будем говорить о свободно возникшем объекте или, короче, о свободном объекте.

Рассуждая пока лишь чисто умозрительно, я выставляю четыре равенства: случайный объект = свободно возникший объект = беспричинный объект = объект, возникающий в нарушение принципов сохранения, = непредсказуемый объект.

Претендентов на статус так понимаемого свободного объекта несколько. Здесь я хочу поговорить о свободе воли электрона.

О полноте квантовой механики

Квантовая механика — статистическая наука; это признают и детерминисты, и индетерминисты. Вопрос в том, исчерпывающе ли она описывает свой предмет, полна ли она. Бор дает утвердительный ответ на этот вопрос, Эйнштейн — отрицательный: «... к тайне Старика она (квантовая механика. — Г.Л.) едва ли нас приближает. Во всяком случае, я убежден, что Он не бросает кости»²⁰⁶.

Важно подчеркнуть чисто философских характер дискуссии между Эйнштейном и Бором и не относиться к ней «со звериной серьезностью»: сторонники Бора оперируют с теми же приборами, считывают те же показания этих приборов, описывают те же статистические закономерности, что и их противники. Ничего другого сделать просто нельзя. Точку зрения Бора традиционно называют копенгагенской интерпретацией квантовой механики. По крайней мере два вопроса мешают мне ее принять.

1. Если последующее состояние электрона никак не детерминировано его предшествующим состоянием, если оно «по-настоящему случайно», то откуда берутся статистические законы, позволяющие нам предвидеть вероятность его наступления? Суть этого вопроса была ясна еще древним грекам: как возможно возникновение логоса из хаоса? Ведь сам хаос породить логос не может. Древние это понимали и потому постулировали существование Демиурга, который эмануирует логос в хаос. Кто эмануирует вероятностный закон в объективно непредсказуемое поведение электрона? Бог? Пока я не получил ответа на этот вопрос, я остаюсь детерминистом.

2. Сторонники Н.Бора обосновывают тезис о полноте квантовой механики и, следовательно, о первичности ста-

²⁰⁶ Данин Д. Человек вертикали. С. 302.

тистических законов микромира методом, которому не менее двух с половиной тысяч лет и которым пользовались еще древние греки при исследовании природы общих понятий. Эти понятия к тому времени, когда их стали исследовать, полностью завершили свое формирование и предстали перед ними готовыми, во всем своем блеске. Не удивительно, что первые философы считали их дарами богов и испытывали к их содержанию абсолютное доверие. Именно на этом доверии и зиждилось «доказательство от знания», лежащее в основе платонизма (платоновского реализма, реализма). По «доказательствам от знаний, — пишет Аристотель, — эйдосы должны были бы иметься для всего, о чем имеется знание»²⁰⁷. Применительно к общим понятиям это означает: если в душе находится понятие «человек», говорящее о человеке вообще, значит, в мире есть человек вообще. Применительно к спору о полноте квантовой механики доказательство от знания означает: если квантовая механика, созданная самыми выдающимися умами человечества, не знает никаких других законов микромира, кроме статистических, значит, никаких других законов в нем и нет. В сущности, доказательство от знания мало чем отличается от доказательства от авторитета, от аргумента «ipse dixit» («сам сказал»).

На мой взгляд, это единственный реальный аргумент, который приводится сторонниками копенгагенской интерпретации квантовой механики в ее защиту, и меня, детерминиста, он нисколько не убеждает²⁰⁸.

«Умеренный детерминизм»

С точки зрения аристотелевской логики, на вопрос, существуют ли по-настоящему случайные объекты, возможны

²⁰⁷ Аристотель. Метафизика. 1079 а.

²⁰⁸ Термин «индетерминизм» многозначен. От индетерминизма, основанного на признании разрывов в цепях детерминации, необходимо отличать мировоззрение, наиболее отчетливо выраженное Э. Махом, которое также называют индетерминизмом и согласно которому наука не должна заниматься ни связями состояний, ни причинными связями. Ее единственный предмет — корреляции. На естественный вопрос: а в самом объективном мире тоже существуют только корреляции? — сторонники этой концепции не дают определенного ответа. Даже вопрос о самом существовании объективной реальности они считают несущественным.

лишь два ответа: «да» и «нет». Ф. Энгельс предлагает третий. На отечественное учение о категориях этот ответ оказал не менее пагубное воздействие, чем знаменитое ленинское определение материи, поэтому его необходимо обсудить со всей тщательностью.

Энгельс так пишет о лапласовском детерминизме: «Согласно этому воззрению, в природе существует лишь простая, непосредственная необходимость...что этот цветок клевера был оплодотворен в этом году пчелой, а тот не был, причем этой определенной пчелой и в это определенное время ...что в прошлую ночь меня укусила блоха в 4 часа утра, а не в 3 и не в 5, и притом в правое плечо, а не в левую икру, — все это факты, вызванные не подлежащим изменению сцеплением причин и следствий»²⁰⁹.

Заметьте, прежде всего, что это не опровержение, а высмеивание лапласовского детерминизма с позиций здравого смысла. Но здравый смысл — не судья в решении фундаментальных философских проблем. Не порывая же ни с фактами, ни с логикой, мы обязаны признать одно из двух: если разрывы в цепях детерминации есть, то над примером с блохой можно посмеяться вместе с Энгельсом, если нет, то «тот факт, что определенный стручок включает в себе шесть горошин, а не пять и не семь, представляет собой явление того же порядка, как закон движения Солнечной системы или закон превращения энергии»²¹⁰. Нельзя быть немножко беременной, нельзя допускать строгий или, как еще говорят, жесткий детерминизм в движении планет и «мягкий» — в поведении блох или электронов.

Энгельсовская попытка занять промежуточную позицию между строгим детерминизмом и индетерминизмом напоминает мне солдатский анекдот:

- Товарищ старшина, а танки летают?
- Ни, нэ литают!
- А товарищ капитан говорит, что летают.

²⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т.20. С. 533–534.

²¹⁰ Там же.

— Ну, воны литают, тильки низенько.

Так летают или не летают? Существуют ли пусть самые пустяковые беспричинные события, или детерминация не имеет исключений? Можно заговорить, замолчать, замаскировать этот вопрос, но объявить его не имеющим смысла невозможно. Нужно выбрать. Я — на стороне Демокрита, Гоббса, Спинозы, Лапласа и Эйнштейна: Бог не играет в кости, любое событие в мегамире, в макромире, в микромире и в мире субъективной реальности однозначно детерминировано предшествующим состоянием универсума и возникает при соблюдении всех законов сохранения. Беспричинных, т.е. по-настоящему случайных событий не бывает.

Глава 15. Действительность и возможность

Категории «возможность» и «действительность» были введены Аристотелем для того, чтобы разрешить апорию, открытую Парменидом: «...возникающему необходимо возникнуть или из сущего, или из не-сущего, но ни то ни другое невозможно: ведь сущее не возникает (ибо оно уже есть), а из не-сущего ничто не может возникнуть, ибо /при возникновении/ что-нибудь да должно лежать в основе»²¹¹. Для разрешения этой апории Аристотель различил два вида сущего: *δυνάμει* — сущее потенциально и *ἐνεργεία* — сущее актуально. Сущее актуально, действительное возникает не из не-сущего и не из сущего актуально, а из сущего потенциально, возможного. В Средние века аристотелевское решение антиномии Парменида было развито в учении об акте (синониме *ἐνεργεία*) и потенции (синониме *δυνάμει*). Эта терминология перешла и в русский язык: синоним «возможного» — «потенциальное», а синоним «действительного» — «актуальное».

Через категории «возможность» и «действительность» Аристотель определяет категорию «движение»: «Осущест-

²¹¹ Аристотель. Физика. 191а.

вление того, что существует в возможности ... есть движение»²¹². Итак, движение — это превращение возможности в действительность. Частным случаем движения является действие, которое понимается как движение к цели: «Если в движении заключена цель, то она и есть действие»²¹³. В свою очередь, частным случаем действия является человеческая практика. Если практика — это реализация возможности, то познание — их выявление. Именно так понимали познание Декарт и Кант.

Понимание действительности как результата действия зафиксировано в этимологии слов, обозначающих действительность в основных европейских языках: русское «действительность» происходит от глагола «действовать», греч. ενεργεια — от имеющего тот же смысл глагола ενεργω, латинское actus — от глагола ago, немецкое Wirklichkeit — от глагола wirken и т.д.

Итак, действительность определяется и как то, что порождает возможность, и как то, в чем возможность реализуется. Возникает вопрос: что было первее: возможность или действительность? Этот вопрос Аристотель также ставит совершенно четко и столь же четко отвечает на него: «Очевидно, что действительность или деятельность первее возможности или способности»²¹⁴.

Следующий вопрос, сформулированный Аристотелем: существует ли действительность, которая не возникла из возможности? Его ответ: «... ничто непреходящее вообще никогда не существует в возможности ... все вечное существует в действительности»²¹⁵.

Возможность, движение, развитие, прогресс

Итак, по Аристотелю движение есть лишь там, где есть возможность; реализация возможности есть движение. Движение — это любое изменение. Его частным случаем является развитие — переход от старого к новому. Важно

²¹² Аристотель. Метафизика. М., 1934. 1065b–1066a.

²¹³ Там же. 1048b.

²¹⁴ Аристотель. Метафизика. 1049b.

²¹⁵ Там же. 1050b.

различать качественно и количественно новое. Количественно новым является только что возникший объект, не отличимый от уже существующих, например, только что вышедшая из-под пресса монета. Качественно новым является объект, отличающийся от уже существующих не только своим положением в пространстве-времени, но и внутренним содержанием, например, животное — продукт мутации. И здесь встает вопрос, который Аристотель не обсуждает: возможно ли возникновение качественно нового, возможен ли в принципе переход возможности в качественно новую действительность, или прав Екклесиаст: «Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас»²¹⁶? Ответить на этот вопрос — значит довести до конца аристотелевский анализ взаимосвязи действительности, возможности и движения.

Для этого необходимо учесть, что понятия «старое» и «новое» относительны. Один и тот же объект может быть новым в одной пространственно-временной части универсума и старым в другой, более широкой. История человечества, отнесенная к доступной нашему наблюдению части Вселенной, порождает новое. Следовательно, это развитие. Но можно ли называть ее развитием, если принять во внимание всю бесконечную в пространстве и времени Вселенную?

Лейбниц считал сущности вечными по той причине, что, переставая существовать актуально, они продолжают существовать потенциально. У бесконечной в пространстве и времени Вселенной нет дефицита ни времени, ни пространства. Естественно поэтому предположить, что все заложенные в ней возможности уже превращались в действительность, причем не раз, а все действительности неоднократно переходили в возможности. Все сущее в возможности было сущим в действительности, и наоборот. А это значит, что все, что впервые появляется в доступной нашему наблюдению части Вселенной, в том числе и человеческая история, в самой Вселенной «было уже в веках, бывших прежде нас». Еще одна

²¹⁶ Библия. Книга Екклесиаста, или проповедника. Гл.1. Ст. 10.

формулировка этого тезиса: в бесконечном в пространстве и времени универсуме возможное и действительное по содержанию не различаются. К универсуму в целом понятия старого и нового неприменимы. Новое от старого, развитие от повторения можно отличить, лишь рассматривая конечную часть универсума. Так и поступим.

Итак, движение — это переход возможности в действительность, а развитие — переход возможности в качественно новую действительность. Различают три формы развития: регресс, прогресс и такое качественное изменение, когда новое находится на том же уровне развития, что и старое. Примером такого появления качественно нового, которое не является ни регрессом, ни прогрессом, можно считать демонстрацию на нашем телевидении все новых детективов с разными сюжетами, но на одном и том же художественном и интеллектуальном уровне. Прогресс — это переход не просто от старого к новому, а от низшего к высшему. На вопрос, чем прогресс отличается от двух других форм развития, существуют разные точки зрения. Я разделяю мнение тех, кто полагает, что сущностью прогресса является повышение уровня организованности, т.е. понижение энтропии.

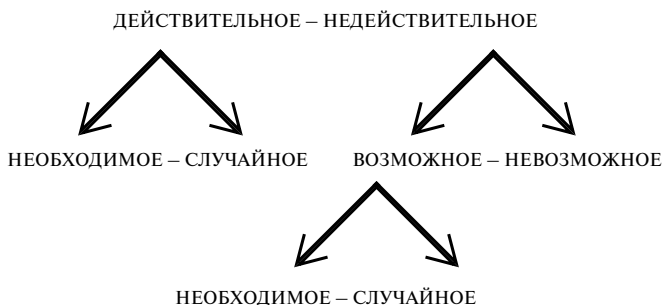
Итак, с вопросом о соотношении действительности, возможности и движения покончено. Наша следующая задача — выявить современный смысл категорий «возможность» и «действительность» и показать, как они работают в современном дискурсе.

Возможность и случайность

В предыдущей главе мы называли необходимыми-от-произошедшие, свершившиеся события. При этом в роли необходимого-для выступали события, предшествующие им. В этой главе картинка просто сдвигается во времени: в роли необходимого-от выступает возможное; соответственно, в роли необходимого-для — действительное. Все остальные элементы рассуждения идентичны. Как и в предыдущей

главе, я исхожу из убеждения, что в самом объективном мире случайного нет, возможное однозначно детерминировано действительным, возможное и будущее — это одно и то же. Категория «случайность» здесь по-прежнему имеет чисто гносеологический смысл и используется, когда наших знаний о действительности недостаточно для однозначного предсказания будущего. Обсудим ситуацию детальнее.

Контрадикторной противоположностью действительному является не возможное, а недействительное. Возможное входит в недействительное наряду с невозможным. В самой объективной действительности возможное существует в единственном экземпляре — так же, как прошлое и настоящее. Но в нашем субъективном мире недействительное трихотомически делится на невозможное, возможное-необходимое и возможное-случайное. Схематически:

Невозможность так же определяется законами действительности, как и возможность. Мир невозможного не менее богат, чем мир возможного. Невозможно далеко не все. Доказательство невозможности — чрезвычайно важная и трудоемкая задача науки, говорят даже, что это главная ее задача. Напомню, что на доказательство невозможности вечного двигателя ушли века. Но оставим в стороне невозможное и сосредоточимся на возможном в субъективном мире.

Сначала отмечу двузначность этого термина. Как это нередко бывает, он употребляется и в родовом, и видовом

смысле: возможно то, что вытекает из действительного, но действительным еще не стало. Это родовое значение термина. В этом контексте возможное противостоит действительному. В выражении «Это возможно, но не необходимо» «возможное» выступает в видовом смысле — обозначает случайную возможность. В этом контексте оно противостоит необходимой возможности. Из контекста обычно ясно, в каком — родовом или видовом смысле — употребляется термин «возможность».

Для дальнейшего анализа необходимой и случайной возможности нам понадобится деление знания на теоретическое и эмпирическое. Посмотрим сначала, как эти категории работают в чистой теории.

У теоретических объектов различают два сорта признаков — реальные и диспозиционные. Реальный признак квадрата — равенство его сторон и углов, диспозиционный — способность превратиться в ромб. В роли диспозиционного признака выступает способность (предрасположенность, диспозиция) предмета к возникновению и нового свойства (например, предрасположенность кристаллической серы к превращению в аморфную), и к возникновению нового отношения (например, предрасположенность той же серы вступать в химическую реакцию с кислородом). Переход диспозиционного признака (растворимости) в реальный (растворенность) и есть движение. Отмечу парадоксальную и, вместе с тем, фундаментальную особенность категорий «действительность» и «возможность» в теоретическом мире: для их описания не нужна категория времени.

Диспозиционные признаки вторичны по отношению к реальным. Например, растворимость сахара, его диспозиционный признак, детерминируется его химическим составом — действительным признаком. Важное значение для философского анализа имеет разница между словами «возможность» и «возможное»: возможность (растворимость сахара) существует, возможное (растворенность сахара) не только не существует, но в ряде случаев и не будет существовать.

Убеждение детерминиста в том, что будущее событие однозначно детерминировано настоящим, не влияет на его деятельность по предсказанию этого события, поскольку он может исходить в этих предсказаниях не из того, что реально существует в мире, а из того, что ему известно о нем. Конечно, «демон Лапласа» предскажет с абсолютной точностью не только каждое выпадение игральной кости, но и каждый переход электрона с одной орбиты на другую. Для него в каждой конкретной действительности возможно только одно будущее событие. Но человек охватывает своим умом лишь часть факторов, детерминирующих будущее событие. Поэтому для него разница между будущим и возможным имеет принципиальное значение. И чем меньше факторов действительности он учитывает, тем большее количество событий, с его точки зрения, возможно: у провинциала, приезжающего в Москву, гораздо больше опасений, чем у москвича. Между полнотой знания о действительности и числом допускаемых возможностей существует обратно пропорциональная зависимость. Есть несколько способов сократить их число.

*Логическая, номологическая
и фактическая возможность*

Логически возможно все, что не противоречит законам логики. Существование круглого квадрата законами логики исключается, а вот существование вечного двигателя — нет. Таков первый фильтр, с помощью которого мы отличаем возможное от невозможного.

Номологически возможно то, что не противоречит законам природы. Это второй фильтр, позволяющий нам в нашем субъективном мире отличить возможное от невозможного. Он исключает из числа возможного вечный двигатель.

Фактически возможно то, что не исключается реальным, фактическим положением дел. Это третий фильтр, отделяющий возможное от невозможного. Он вынуждает нас признать, что сегодняшний полет на Марс невозможен.

Определение возможного как того, что не противоречит законам логики, природы и фактическому положению дел, — это ее отрицательное определение. Его необходимо дополнить положительным определением — указанием на те реальные признаки действительности, которые эту возможность детерминируют.

Возможность и вероятность

Вероятность — это степень возможности. Она измеряется количественно. Невозможности ставят в соответствие нуль, неизбежности — единицу, а бесчисленному множеству случайных возможностей, расположенных между этими двумя крайностями, — бесконечное множество дробей, находящихся между нулем и единицей.

Возможность, степень которой равна нулю, — это невозможность. Она так же не является возможностью, как и движение с нулевой скоростью — движением. Это вырожденный случай возможности. Возможность, степень которой равна единице, — это необходимая возможность. В объективном мире никакой другой возможности не существует. Словом «вероятность», как и словом «случайность», мы оцениваем уровень нашей информированности о реальном положении дел. Мы говорим, что вероятность наступления данного события равна единице, в том случае, когда нам удастся доказать, что его наступление неизбежно. Наука исторически началась с исследования неизбежности и невозможности. Именно неизбежность описывают динамические законы (напомню, что мы условились различать динамические и детерминистские законы). Лишь века спустя наука созрела методологически настолько, чтобы перейти к исследованию законов случая.

Возможность и действительность в логике

Категории «возможность» и «действительность» в единстве с категориями «необходимость» и «случайность» исполь-

зуются в логике для различения суждений возможности (проблематических), действительности (ассерторических) и необходимости (аподиктических). На мой взгляд, это некорректная трихотомия. В ней спутаны три классификации, полученные по трем различным основаниям.

1. Ассерторические суждения, т.е. суждения о действительности, следует рассматривать в единстве с суждениями о прошлом и будущем. Эти три типа суждений различаются своими предметами.

2. Аподиктические суждения, констатирующие необходимость, естественно рассматривать в паре с суждениями, фиксирующими случайность. Эти два типа суждений различаются степенью нашего проникновения в содержание предметов. Они могут описывать и настоящее, и прошлое, и будущее.

3. Проблематические суждения или суждения возможности называются так не потому, что в них отражена объективная возможность или сформулирована проблема, а потому, что в них зафиксирована наша личная неуверенность в истинности высказываемого суждения. Эта неуверенность может относиться к высказываниям и о прошлом («возможно, Сальери отравил Моцарта»), о настоящем («возможно, инопланетяне существуют»), о будущем («возможно, завтра пойдет дождь») и о возможном («личное бессмертие, пожалуй, достижимо»). Проблематическим противостоят суждения, в которых сомнение отсутствует (Сальери отравил Моцарта), суждения, в которых выражена абсолютная уверенность в истинности утверждаемого (доказано, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов). Совершенно очевидно, что эти три классификации по трем различным основаниям сваливаются в одну кучу хрестоматийным делением суждений на проблематические, ассерторические и аподиктические. Этим небольшим экскурсом в логическую проблематику я хочу подчеркнуть важность учения о философских категориях для решения логических проблем.

Глава 16. Сущность и явление

В современных работах о сущности и явлении мы сталкиваемся с тем же феноменом, что и в работах, посвященных единому и многому, — многозначностью терминов. Поэтому я ставлю в этой главе две задачи: различить современные смыслы терминов «сущность» и «явление», а затем, опираясь на эту работу, проследить историю формирования этих смыслов. Сегодня термины «сущность» и «явление» употребляются в трех принципиально различных, но тесно взаимосвязанных значениях.

Онтологическое понимание сущности и явления

В философской и конкретно-научной литературе термин «явление» нередко употребляют как синоним термина «объект», т.е. обозначают им любое реально существующее нечто. Впрочем, у термина «явление» есть два существенных отличия от термина «объект». Явление обычно понимается как явление объективной действительности, т.е. как нечто, существующее в реальном пространстве-времени. Второе отличие обнаруживается при сопоставлении понятий «предмет» и «процесс». Говоря о предметах, предпочитают употреблять термин «объект», говоря же о процессах, — «явление». Например, гроза — это явление, а туча — объект. Но окончательно это разделение труда между терминами «явление» и «объект» еще не оформилось, поэтому термином «явление» обозначают и предметы, и процессы.

Сущность — сторона объекта (явления), которая определяет все другие его стороны, называемые явлениями или проявлениями сущности. Этот второй смысл термина «явление» часто спутывают с первым в рамках одного и того же рассуждения. Разница между сущностью и явлением относительна: наличие свободных электронов во внешних электронных орбитах атомов — это сущность металла, а электрический ток в металлических проводах — прояв-

ление этой сущности. Но, с другой стороны, электрический ток — это сущность второго порядка, проявляющаяся в свечении электрической лампочки, работе электромоторов и т.д. Сам объект в единстве сущности и ее проявлений называют формой существования сущности.

Объективность сущности

Начиная по крайней мере с Декарта и вплоть до конца XIX века эссенциализм, мировоззрение, использующее категорию «сущность» как форму мышления, был слит с механицизмом. Найти сущность явления значило объяснить его законами механики. Даже крик животного от боли объяснялся таким образом. Открытие в конце XIX века электромагнитных явлений знаменовало крах механицизма. Вместе с ним из методологии науки «выплеснули» и эссенциализм. Само употребление термина «сущность» в XX веке долго воспринималось как обскурантизм. Задачу науки антиэссенциалисты свели к описанию функциональных отношений между явлениями, доступными эмпирическому наблюдению. Постпозитивизм частично реабилитировал сущность. К. Поппер, например, проповедует «модифицированный эссенциализм», который он противопоставляет, с одной стороны, традиционному эссенциализму, а с другой — позитивизму²¹⁷.

Устойчивость сущности

Из определения сущности как основы предмета, из которой вытекают все другие его свойства, следует прежде всего вывод о ее устойчивости. Это значит, во-первых, что время существования сущности предмета совпадает со временем существования самого предмета. По этому признаку сущность не отличается от качества: Гегель, как мы помним, определяет качество как определенность вещи, тождественную с ее бытием. Это значит, во-вторых, что сущность предмета устойчива к внешнему воздействию: трудно вызвать мутации в генах, еще труднее изменить зарядовое число атома, например, превратить ртуть в золото.

²¹⁷ Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С.190.

Будучи устойчивой к внешнему воздействию, т.е. относительно независимой, сущность, с другой стороны, оказывает воздействие на другие стороны предмета, определяет их. Только это сочетание независимости и всемогущества делает сущность сущностью. Но ни одна реальная сущность ни одной реальной вещи не обладает этими двумя атрибутами в полной мере. Полная независимость и полное всемогущество приписывают лишь Богу.

Проблема вечности сущности

От проблемы устойчивости сущности к внешним воздействиям в истории философии отличали проблему ее вечности. Сущности в чистом виде, эйдосы, с точки зрения Платона, существуют в надмировом пространстве. Они вечны и неизменны. Вещи, находящиеся в реальном пространстве-времени относятся к ним как тени на стене пещеры — к реальным вещам, отбрасывающим эти тени. Против этой концепции возражал Локк, который понимал сущность как часть содержания индивидуальных предметов. Отсюда следует, что она, как и качество, возникает с возникновением предмета и исчезает с его исчезновением.

С Локком не согласен Лейбниц. С исчезновением предмета, считает он, его сущность исчезает. Но лишь как действительность. Как возможность она продолжает существовать. Следовательно, сущности вечны, но не в платоновском смысле, как реальности, а как возможности. Новые сущности возникают не из ничего. Они просто переходят из возможности в действительность.

Повторяемость сущности

Следствием устойчивости сущности к внешним воздействиям является ее повторяемость, т.е. наличие ее во многих предметах. Любой предмет существует в силу того, что «выжил» в столкновениях с другими предметами, а это произошло потому, что его сущность оказалась более устойчивой к внешним воздействиям, чем у «проигравших». Даже морская галька состоит из наиболее твердых пород, имеющих в данном месте. Таким образом, «естественный

отбор» в каком-то смысле действует уже в неживой природе. Именно он создает классы «победителей».

Сущность и качество

Всякая сущность есть качество, но не всякое качество — сущность. И качество, и сущность позволяют идентифицировать предмет, узнать его, включить в фиксированный класс. Например, зарядовое число 79, присущее всем атомам золота, и только им, — это и качество этих атомов, и их сущность, поскольку количество протонов в ядре определяет все другие признаки химического элемента. А вот наличие у всех людей и только у них мягкой ушной мочки — лишь классообразующий признак и, следовательно, только качество. Отсюда следует, что в любом определении предмета через ближайший род и видовое отличие указывается его качество, но лишь в некоторых — сущность.

Форма проявления сущности

и форма существования сущности

Данные термины нередко употребляют как синонимы. Это ошибка. В форме существования сущность «живет», в форме проявления — обнаруживает себя. Алмаз — форма существования углерода, блеск алмаза — форма проявления его сущности. Одна и та же сущность может иметь несколько форм существования. Углерод, например, существует в форме и графита, и алмаза, и угля; электромагнитное излучение существует в виде радиоволн, инфракрасного излучения, видимого света, ультрафиолетового, рентгеновского и гамма-излучения. Форму существования можно изменить — алмаз превратить в уголь, но сущность при этом останется неизменной.

Существование — признак

Разделим все признаки предмета, которые остаются за вычетом его сущности, на те, которые детерминированы сущностью, и те, которые никак с ней не связаны. Первые назовем существенными, вторые — несущественными. Это позволяет определить явление как существенный признак — либо самого предмета, о сущности которого идет речь, либо

соседних с ним. Например, ядерные реакции, происходящие на Солнце, проявляются в северном сиянии на Земле.

Гносеологическое определение сущности

Сущность — это не только та сторона предмета, которая определяет все другие его стороны, называемые явлениями или проявлениями сущности. Это еще и та его сторона, которая наименее доступна познанию. Этим определяется гносеологическая функция явления. Проявления сущности, например, симптомы болезни, — это не только ее последствия. Это еще и «окна», через которые мы можем разглядеть сущность. Явление — это та сторона вещи, которая делает познание сущности возможным.

У явления (проявления) сущности два дефинитивных признака: детерминированность сущностью и доступность для наблюдения, наблюдаемость. Принцип наблюдаемости, согласно которому реальностью обладает лишь та сущность, которая проявляется в формах, доступных фиксации органами чувств или приборами, является одним из краеугольных камней современной теории познания. Анализ форм проявления сущности позволяет открыть сущность, а знание сущности — объяснить формы ее проявления.

Явление всегда соответствует сущности. Но, увидеть это может только профессиональный исследователь. Непрофессионал может увидеть в нем проявление совсем другой сущности. Иногда на это и рассчитывают. Вспомним «исторические» поездки Б.Н. Ельцина в районную поликлинику на троллейбусе, призванные продемонстрировать народу его демократизм. Проявление одной сущности, которое принимается непрофессионалом за проявление другой, называют кажимостью. Созданием кажимостей занимается профессионалы, при этом они используют логику кажимости — софистику.

Познавательный переход от явления в гносеологическом смысле (внешних, открытых для познания сторон предмета)

к внутренним, скрытым его сторонам не всегда оказывается переходом к той стороне предмета, которая определяет все другие ее стороны, т.е. к сущности в онтологическом смысле. Например, внешний вид доисторических животных, который современный палеонтолог восстанавливает по сохранившимся костям, при их жизни можно было созерцать непосредственно. Древние придавали большое значение возможности непосредственно созерцать сущность, прежде доступную лишь через формы ее проявления (вспомним знаменитую платоновскую аналогию пещеры). В этой ситуации термин «явление» приобретает еще один смысл. Явлением называют процесс открытия сущности для непосредственного восприятия, например, явление Христа народу. Платон придавал явлению (появлению) сущности, которое он называл открытием скрытого, настолько большое значение, что определял истинность как непотаенность. Явленное, непотаенное противопоставляется им скрытому, неизвестному, непознанному.

Аксиологическое понимание сущности

Сущность в аксиологическом смысле определяется через отношение к потребностям человека. Это та сторона предмета, которая непосредственно или опосредованно служит удовлетворению человеческих потребностей. Для китобоев XIX века существенным в ките была амбра — болезненный нарост в желудке, использовавшийся для повышения устойчивости духов.

А теперь, опираясь на три современных значения термина «сущность», проанализируем их генезис. Исторически первое значение термина «сущность» полностью соответствовало его этимологии. Латинское слово *essentia*, «сущность», происходит от глагола *esse* — «существовать». Сущность — то, что существует. В наиболее полном смысле существуют, конечно, индивидуальные предметы, например, отдельный человек или отдельная лошадь. Их-то Аристотель и называет

первыми сущностями²¹⁸. Вторыми сущностями он называет признаки первых сущностей, например, разумность людей, а также классы (роды и виды), которые задаются признаками. Стагирит, таким образом, понимал вторые сущности двояко: интенционально, как признак, присущий всем элементам класса, и только им, и экстенционально, как класс, образованный этим признаком. Частным случаем интенционально понимаемой второй сущности Аристотель считал качество — «видовое отличие сущности», т.е. признак, присущий всем элементам вида, и только им. Для признака, образующего род, у него специального термина не было.

Из сказанного следует, что термином «сущность» Аристотель обозначал то, что сегодня преимущественно обозначают термином «объект» — любое реально существующее нечто. Термин «сущность» в этом смысле употребляют и сегодня, например, когда говорят об абстрактных и конкретных, эмпирических и теоретических сущностях. Так что аристотелевское понимание сущности рано списывать в архив.

Итак, качество по Аристотелю, — это вид сущностей. «Сущность» — родовое, «качество» — видовое понятие. С веками это различие между «сущностью» и «качеством» стерлось. Например, Фома Аквинский, систематизатор аристотелевской философии, определяет сущность объекта как то, что выражается его дефиницией, т.е. определением через ближайший род и видовое отличие. А видовое отличие по Аристотелю — это качество. Следовательно, сущность и качество для Аквината — это одно и то же. Согласно Т. Гоббсу, сущности — это «те акциденции тела, которые дают ему определенное имя»²¹⁹. Это выражение той же мысли другими словами. Ведь смысл имени задается дефиницией, а дефиниция во времена Гоббса — это определение через ближайший род и видовое отличие.

Для Спинозы сущность — то, «без чего вещь, и, наоборот, что без вещи не может ни существовать, ни быть представлено»²²⁰. Это уже развитие мысли Аквината. Если под вещью

²¹⁸ Аристотель. Категории. 2а.

²¹⁹ Гоббс Т. Сочинения. Т.1. М., 1989. С. 148.

²²⁰ Спиноза Б. Избранные произведения. Т.1. М., 1957. С. 402.

понимать аристотелевскую первую сущность, то в определении Спинозы можно разглядеть три мысли.

1. Характеристика сущности как того, без чего вещь не может быть «представлена», эквивалентна тезису Аквината, что сущность объекта выражается его дефиницией.

2. Утверждение, что сущность без вещи «не может ... существовать», направлен против платонистов, полагающих, что признак вещи может существовать в отрыве от вещи.

3. Тезис, что и вещь без сущности не может существовать, направлен против номиналистов, которые объявляют все признаки, и сущности в том числе, лишь содержанием сознания.

«Сущность» и «качество» в аристотелевском смысле трактовались как синонимы вплоть до Д. Локка, который обратил внимание на разницу «между идеей знаменитых страасбургских часов у человека, знающего все их пружины, колеса и другие части механизма, и идеей этих часов у глазающего на них крестьянина, который видит лишь движение стрелки, слышит бой часов и замечает только нечто внешнее»²²¹. Под определение сущности как видового признака предмета, который фиксируется его дефиницией и выражается его именем, подходит и то, что отражается в идее часовщика, и то, что отражает идея крестьянина. Современный философ сказал бы, что часовщик видит сущность, а крестьянин — ее проявление. Но у Локка нет еще понятия «проявление сущности». Он говорит, что крестьянин видит номинальную, а часовщик — реальную сущность часов. Реальная сущность — это «основа, из которой вытекают все ее (вещи. — *Г.Л.*) свойства, с которой все они неразрывно связаны»²²². Перед нами современное онтологическое определение сущности, которое оторвалось, наконец, от аристотелевского определения качества и зажило собственной жизнью. Итак, полагать, что сущность в современном и в аристотелевском смысле — это омонимы, нет никаких оснований. Они соотносятся скорее как куколка и бабочка, т.е. как этапы генезиса одной философской идеи.

²²¹ Локк Д. Опыт о человеческом разуме // Он же. Избранные философские произведения. М., 1960. С. 436.

²²² Там же. С. 417.

Заключение

Говорят, что ремонт нельзя закончить, его можно только остановить. Это же можно сказать и об исследовании любой проблемы. Я рассмотрел далеко не все философские категории, в рассмотренных категориях вскрыл далеко не все богатство их содержания, и не всегда мне удавалось использовать это содержание в решении актуальных философских проблем. Однако я надеюсь, что мне удалось продвинуться в решении этих задач.

Научное издание

Левин Георгий Дмитриевич

**ФИЛОСОФСКИЕ КАТЕГОРИИ
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ**

Монография

Ответственный за выпуск *Н.П. Колобова*
Корректор *А.Н. Печерская*
Компьютерная верстка *М.А. Одинцова*
Оформление *Т.Ю. Хрычевой*

Подписано в печать 25.10.2007. Формат 84х108/32.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 7.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательская группа «Логос»
105318, Москва, Измайловское ш., 4

**По вопросам приобретения литературы
обращаться по адресу:**
105318, Москва, Измайловское ш., 4
Тел./факс: (495)369-5819, 369-5668, 369-7727
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте:
[http:// www.logosbook.ru](http://www.logosbook.ru)